1917
В САРАТОВЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917 год в Саратове

изд. Истпартотдела Г.К.ВКП(б)

1927

1917 ГОД В САРАТОВЕ

ИЗДАНИЕ ИСТПАРТОТДЕЛ ГК ВКП (б.)
1927 г.

Гублит № 3351/X. Тираж 5000. Тип № 2 Сарполиграфпрома.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выпуская настоящий сборник редакция ставила себе задачей—это воскресить в памяти товарищей те картины трудностей, которые пришлось преодолеть Саратовскому пролетариату на пути к Октябрю, и первые дни в работе по укреплению Октябрьских завоеваний.

Конечно читатель имеет право пред'явить требования большие, чем может дать этот сборник, в части освещения всех тех моментов их жизни борьбы, участником которых был он сам.

Но редакция просит товарищей помнить, что описание всего того, что он хотел бы, требует не только одних воспоминаний, но также и документов того времени, по которым можно было бы дать точное описание, а таковых в нашем распоряжении весьма и весьма мало. Это об'ясняется тем, что пролетариат, и в частности Саратовский, в прошлом, мог творить, но не писать историю—Да на это у него и времени не было. Вагранка истории требовала действия в творчестве форм, а не описания их.—Это дело—дело будущих историков.

З. ПЕТРОВ.

Саратовский пролетариат в борьбе за власть.

Чтобы яснее себе представить картину борьбы пролетариата Саратова за власть, необходимо вспомнить условия, в которых он жил до Февральской революции.

Саратов никогда не был большим промышленным центром, где пролетариат являлся бы преобладающим слоем населения, таким слоем являлась мелкая городская буржуазия, мещанство, интеллигенция, шедшая, в основном, на поводу крупно-капиталистических дельцов.

Большевистская организация, одна из самых старых в партии, благодаря войне, находилась в исключительно тяжелых условиях конспирации—под неослабным оком охранки. В Саратове всегда было сильно влияние либералов и мелко-буржуазной среды, всегда колеблющейся, не рисковавшей итти дальше пустой революционной фразы; затушевывалось классовое сознание пролетарата.

Отсутствие достаточного влияния партийной организации в части выработки четкого классового самосознания рабочих и классовых взаимоотношений в эпоху революционной борьбы.

Учитывая это, вполне понятным становится то обстоятельство, что в первых двух составах С. Р. и С. Д. подавляющее большинство принадлежало героям фразы, а не дела.

Первое время пролетариат с упоением слушал «крики радости» всех и вся, об освобождении, его—рабочего от тенет царских пут, ибо слишком наболело у него от всего пережитого прошлого.

Идя на демонстрацию, рабочий в первые дни видел, как рядом с ним шел худой, истомленный товарищ по станку, радовался и пел революционные песни, и с ним же вместе шел интеллигент, толстенный буржуа, и тоже пели: «Дружно, товарищи, в ногу; духом окрепнем в борьбе» и «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Также видел, как все они помогали ему арестовывать городового с возгласами «смерть кровопийцам, довольно слез». Сразу, неожиданно, у свободы оказалось слишком много «друзей», и для определения действительных нужно было время.

Этим временем явились месяцы март—август 1917 года.

Первый и второй состав Совета рабочих и солдатских депутатов, таким образом, явился по вполне понятным причинам, изобилующим слюнявыми меньшевиками, выразителями мещанских настроений и социалистами-революционерами, с их типичными крикливыми фразами мелкой буржуазии.

I.

В первый же день, по получению извещения о событиях в Петрограде 1-го марта 1917 года, саратовская городская организация большевиков созвала актив рабочих организаций на совещание, для выработки плана своей практической работы, в связи с создавшейся обстановкой.

Решено было на завтра, 2-го марта, произвести повсеместно среди рабочих выборы в Совет рабочих депутатов.

Отношение к буржуазии было особенно ярко выражено рабочим большевиков тов. Степановым-Хрыниным, который заявил на экстренном заседании Городской Думы, происходившем в этот же вечер в здании Городской Думы (ныне в этом здании помещается Губкоммунотдел). «Теперь рабочий, которого вы, буржуазия, боитесь, имея опыт 1905 года, лучше организован и вам; его—рабочего,—вашими обещаниями и красивыми разговорами не обмануть. Мы завтра же пойдем к рабочим и расскажем ему как вы хотите его обмануть» [1]).

Нечего и говорить, что подобное заявление вызвало сильный переполох среди «отцов города», которые начали кричать: «Вы крови хотите... Надо дружной работы, а не угроз... Вы погубите революцию»... и т. д.

На следующий же день 2-го марта был организован Совет Рабочих Депутатов.

На первом заседании присутствовало 58 делегатов от 29 предприятий [2]), на котором был избран Президиум в следующем составе:

1) И. Скворцов,
2) Колесников,
3) Ткачев К. А. } Меньшевики.
4) Садаев (лев. с.-р.).
5) Плаксин К. И.,
6) Галактионов И. А.,
7) Васильев М. И.
8) Милютин В. П. } Большевики.

На этом же первом заседании Совет Рабочих Депутатов постановил: «Немедленно повсюду организовать заводские, железнодорожные и фабрично-заводские комитеты».

По неточным сведениям (сведения взяты из протокольных записей) 1-й Совет рабочих депутатов имел следующий состав:

Общее число 127 человек, из которых установлено только 23 человека—большевиков [3]).

Возможно, было немного больше, но ни в коем случае не больше 30 человек, т.-е. менее 25%.

Параллельно с организацией Совета рабочих депутатов «отцы города» решили также изменить свой общественно-организационный лик и принять на себя функции губернского руководства. Они организовали Общественный Исполнительный Комитет. Если Совет рабочих депутатов преследовал цель организацию рабочих масс для борьбы со своим классовым врагом и захват власти в свои руки, то «Общественный» комитет ставил себе задачей: «водворение порядка справедливого управления и неослабной работы над армией для окончательной победы над врагом [4]) с таким расчетом, чтобы начатая кампания по переделу мирового рынка, в форме империалистической войны не была сорвана и удержать власть в руках «народа».

---

[1]) См. «Записки рабочего-большевика» А. М. Марциновского.

[2]) К сожалению не представляется возможным установить какие именно предприятия были представлены в числе 29.

[3]) 1. Алексеев. 2. Антонов В. П. 3. Агеев А. 4. Беляков. 5. Банквицер А. 6. Васильев М. И. 7. Венотовский. 8. Галактионов И. А. 9. Ежов. 10. Кубряков. 11. Лебедев П. А. 12. Милютин. 13. . . . . . . 14. Марциновский А. М. 15. Мицкевич С. И. 16. Мгеладзе И. 17. Плаксин. 18. Рапопорт. 19. Романенко. 20. Степанов-Хрынин. 21. Тренин 22. Фенигштейн. 23. Соколов (подпоручик),

[4]) См. прот. Городской Думы 2 марта 1917 года «Известия Сарат. Гор. Думы январь - июль 1917 г.».

Для согласования своих захватнических и эксплоататорских интересов ими было решено создать свой «не-классовый» «нейтральный» орган на коалиционных началах.

Совет Рабочих Депутатов также был приглашен принять участие в Общественно-Исполнительном Комитете путем выделения своих представителей.

Общественно-Исполнительный Комитет был сконструирован в следующем виде:

5 от Совета рабочих депутатов, 6 от Городской Думы, 3 от адвокатов, 1 от Земства, 1 от кооперации. Всего 16 человек.

По партийности состав Общ.-Исполнительного Комитета был следующим: 9 к.-д., 4 н. с., 2 с.-д. (м-ка) и 2 с.-д. (б-ка).

В состав Саратовского «коалиционного правительства» от С. Р. и С. Д. были введены двое большевиков: тов. Васильев М. И. и Милютин В. П., которые по заявлению т. Васильева 19—6 марта 1917 года, на заседании Совета, вели работу по дезорганизации рядов противника и укрепления Совета, ибо «мы должны ждать сопротивления буржуазии», а для этого ее необходимо ослабить. 2-го марта в одно и то же время происходило заседание Совета Рабочих Депутатов и Общественного Исполнительного Комитета. Во время этих двух параллельных заседаний приходит к Городской Думе пулеметный полк под командой подпоручика т. Соколова [1]) в Совет рабочих Депутатов и заявляет: «полк готов защищать рабочий класс. Солдатам по пути только с рабочими, но никоим образом не с испугавшимися народной силы, буржуа, которые сейчас заседают в этом же доме».

Но не была забыта и Городская Дума, куда явился уже не т. Соколов, а Понтрягин и Диденко [2]), которые заявили, что гарнизон в распоряжении Общественного Комитета.

На первое же заседание Общественного Исполнительного Комитета, которое продолжалось всю ночь с 2-го на 3-е марта тов. Соколов вновь явился с своими командами пулеметного полка, с требованием ареста ген.-губернатора Тверского, полицеймейстера [3]) и жандармерии.

Не имея в своем распоряжении нужных сил, которые можно было бы противопоставить революционной силе у Общественного Исполнительного Комитета, последний постановил организовать в помощь себе временно «Военный Комитет», на который и возложил производство арестов, поддержание порядка и захват почты с телеграфом.

В то время, как Общественный Исполнительный Комитет об'явил солдатам, что с ними будут сноситься только через высший комсостав во главе генерала Гаас и полковника Рымвиш-Мицкевич; Совет Рабочих Депутатов выпустил воззвание к солдатам, в котором призывал их слиться с Советом Рабочих Депутатов. «Силы народа будут с народом»,—заканчивается воззвание.

Это было 3-го марта, а 6-го марта в Совет Рабочих Депутатов было делегировано 50 человек от солдат и Совет Рабочих Депутатов стал называться Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

В целях противодействия мероприятию Общественного Исполнительного Комитета в части передачи охраны порядка города в руки «Вр. Военного Комитета», который состоял, как уже было сказано, из генералов и полковников, С. Р. и С. Д. постановляет в работу милиции привлечь рабочих, что является средством получения вооружения ра-

---

[1]) Соколов С.-Д. (б—к).

[2]) Диденко офицер, но пришел в форме рядового.

[3]) Полицейместер фактически был арестован еще раньше тов. Соколовым.

бочими, и добивается в Общественном Исполнительном Комитете организации милиции из 500 солдат команды слабосильных и 500 рабочих.

Начальники штабов милиции назначались Общественным Исполнительным Комитетом из состава присяжных поверенных и их помощников—офицеров.

II.

С приездом в Саратов ряда видных большевиков из ссылки, работа организации по отвоевыванию рабочих из-под влияния меньшевиков и эсеров приобрела усиленный темп. Все чаще и чаще перед рабочими ставился вопрос о целях и о пользе для пролетариата «войны до победного конца», об отношении к Временному Правительству, а также и действительной сущности «Займа свободы».

Особенно важной и серьезной работой была кампания по срыву «Займа свободы», исход которой давал общий тон дальнейшей работе, по внедрению в сознание рабочих мысли о захвате власти в руки С. Р. и С. Д.

Трудность всей этой работы заключалась в том, что влияние социал-шовинистических групп было весьма сильное. Большевистская агитация встретила дружный единый фронт, начиная с либеральной буржуазии и кончая меньшевиками и эсерами, которые большевистских агитаторов старались представить в виде немецких агентов, работающих на деньги Германии.

Только большевистская дружная дисциплинированная сплоченность могла это преодолеть и заставляла рабочего задуматься над вопросом, кто же прав? Кто истинный друг? И если сначала солдаты порою избивали наших агитаторов и готовы были разнести помещение большевистского комитета, то потом, к концу кампании, стали более внимательно слушать и также, как и рабочие задумались над вопросом: кто же прав. Среди солдат работу проводил, можно сказать, исключительно тов. Васильев Мих. Ив., который в заключение среди них завоевал такой авторитет, что порою для разрешения конфликтов, эсеры, которых среди комсостава было достаточно—приглашали тов. Васильева.

Затем перед партией встала задача провести кампанию по выборам в Городскую Думу. Вот что говорит тов. Антонов в своей работе «Под стягом пролетарской борьбы».

«Кампания по выборам в городскую думу имела для нас важнейшее значение. Мы не надеялись иметь большинства, но взвесить свои силы и, в конечном счете, иметь в думе свою компактную группу, могущую от нашего имени вмешиваться в муниципальную политику,—мы решили самым определенным образом. Все, что только было живого, активного и мало-мальски способного к кампании мы бросили в дело. П. А. Лебедеву был поручен труд по выработке проекта нашей муниципальной программы, что он с честью и выполнил. Вообще на нем, как местном «старожиле» и знатоке городских дел, лежала вся тяжесть организационой стороны кампании. Некоторые руководящие товарищи (вопреки моему мнению) стояли за общий список с меньшевиками и даже эсерами. Мол, «против буржуазии выступит единый фронт социалистической демократии». Эта точка зрения большинством представтелей районов, за исключением железнодорожного, была принята.

Начались дипломатические переговоры. Эсеры, конечно, отказались, ибо имели за собой широкие мещанские и солдатские массы. А меньшевики тянули, обещали, вели таинственные переговоры направо и налево; когда же настал короткий срок для заявок списков, об'явили, что они блокируются не с нами, а с эсерами. Мгеладзе смачно выругал тех и других, и мы выступили на борьбу со своим чистым списком, в котором не было «свадебного генерала»—Керенского, не было купцов, торговцев и несколько дюжин «лиц свободных профессий», но зато, за малым исключением, красовались фамилии потомственных почетных пролетариев, из которых каждая была близка не только партийным товарищам, но и той или другой группе беспартийных рабочих и солдат.

В день выборов 9 июля фигурировало 8 номеров списков: № 1—трудовиков и нар. соц., возглавляемый Н. И. Семеновым, А. С. Чумаевским и С. В. Аникиным; № 2—к. д. В. А. Токарским, А. А. Никоновым и В. И. Алмазовым; № 3—союза домовладель-

лев—А. М. Масленниковым; № 4—блока меньшевиков Бунда и эсеров—А. Ф. Керенским, Д. К. Чертковым и Д. А. Топуридзе; № 5—«Единство»—Н. М. Архангельским, А. И. Гидони и Б. Х. Медведевым; № 6—блока трех еврейских социал-партий (Поалей-Цион, с. с. и е. с.) Ц. Г. Бойлиным; № 7—сионистов—М. Е. Бронштейном и, наконец, наш № 8.

Игра шла азартная. Борясь между собою, партии в то же время шли единым фронтом против нас. Удар, нанесенный нам в разгар кампании, в виде провокаторской организации дела о шпионаже наших вождей, был встречен противниками хором самого пакостного злорадства. Однако, мы не сдавались. Тогда были выпущены солдаты и артиллеристы, бессознательные агенты, главным образом, эсеров, которые, подвинченные до фанатизма своими Неймиченками и Понтрягиными, врывались в избирательные собрания, вырубали № 8 из наших плакатов, избивали наших агитаторов, сеяли клевету, пущенную правительством; рвали у избирателей конверты, когда видели, что те вкладывают восьмой номер,—одним словом, шло сплошное бесчинство против нашей партии. Несмотря на такое безобразие, против которого мы могли бороться, увы, только идейными средствами, результаты выборов выразились в следующем виде: 1) меньшевики, Бунд и эсеры—36.476 голосов; 2) большевики—7.182; 3) кадеты—6.654; 4) народ. соц.—2.417; 5) домовладельцы—1.558; 6) «Единство» — 1.117; 7) сионисты—1.148; 8) Поалей-Цион и др.—280. Мы, стало быть, стояли по числу голосов на втором месте и получили 13 мест в Гор. Думе. Эти 13 мест заняли—Васильев, Лебедев, Ковылкин, Плаксин, Мицкевич, Золин, Милютин, Мизеркевич, Чугунов, Романенко, Мгеладзе, Лалов и я. Железнодорожники дали самое большое количество голосов нашей партии, один лишь 4-й район дал 1.002 голоса.

Наша попытка ввести в управу одного или двух членов не удалась. Я решительно был, между прочим, против вхождения в управу, так как наши были бы там пленниками, на которых большинство вешало бы всех собак в случае неудачи. Положительное значение—иметь своих информаторов слишком, по-моему, было дешевым. Противники наши оказались менее дальновидными и, вначале обещав провести П. А. Лебедева, заменили его С. И. Мицкевичем, а при голосовании провалили и того, и другого. Как бы там ни было, а мы достигли основного—учли групповые силы и вошли в думу достаточно сильной кучкой, от которой, при получившемся соотношении, моментами мог зависеть исход голосования по тому или другому вопросу, плюс новая трибуна, с которой мы могли популяризировать свои взгляды, используя все ошибки наших противников в муниципальном деле. Председателем думы был избран меньшевик Д. К. Чертков, городским головою—эсер Мукосеев».

III.

Следующим вопросом стояли перевыборы фабрично-заводских комитетов, организация и об'единение профсоюзов.

В этой части необходимо отметить картину отхода рабочих от влияния меньшевиков. Посмотрим, как это происходило в пролетарской цитадели Саратова—в железнодорожных мастерских.

По воспоминанию живых участников того времени к избранному комитету мастерских, которому было присвоено наименование «Местный Исполнительный Комитет Рабочих Депутатов Саратовских Железнодорожных Мастерских», пред'являлись требования как к высшему органу власти. Местную администрацию перестали признавать, а все вопросы, касающиеся чисто административных распорядков шли разрешать в свой комитет мастерских.

Особенно характерным моментом в жизни Комитета железнодорожных мастерских являлось еще и то, что не только рабочие железнодорожники смотрели на него как на административный орган, но и все население окружающего района смотрело на Железнодор. Исполнительный Комитет, как на местный орган власти.

Живые участники того периода и члены этого Комитета, как, например, тов. Агафонов, Кожин рассказывают, что к ним в Комитет приходили разрешать споры со священниками, споры в семье, споры из-за квартир.

Но первый состав Комитета под председательством ярого меньшевика Белавинского не мог удовлетворить пред'являемых к нему со сто-

роны рабочих запросов. В то время, когда от него требовалась ясность в области защиты интересов рабочих он начинал доказывать невозможность, ненужность и вредность предлагаемых ими мероприятий, которые де испортят взаимоотношения между администрацией и рабочими.

Рабочие были настроены чувствовать себя хозяевами на своем производстве, а «Местный Исполнительный Комитет ж.-д. мастерских» это настроение старался срезать, что вызывало неудовлетворенность рабочих своим органом.

Так было, примерно, на всех предприятиях. Такая же неудовлетворенность зарождалась у рабочих и в отношении первого состава Совета Рабочих Депутатов и уже следующие выборы дали в Совет увеличение числа большевиков до 90 человек.

И если в 1-й состав железнодорожного Комитета было избрано только 2 большевика, то 2-й состав дал уже 8 большевиков из 17 членов Комитета, причем председателем был избран большевик, возвратившийся из ссылки—Ковылкин Степан.

С этого времени работа большевиков по вырыванию из-под меньшевистского влияния рабочих пошла еще более усиленным темпом.

Какие методы борьбы были у меньшевиков с большевиками для удержания под своим влиянием рабочих.

Ложь и клевета, при помощи которых большевиков старались представить в образе немецких шпионов, и потворство экономическому давлению на рабочих, что особенно ярко сказалось на Гвоздильном заводе, ныне зав. им. Ленина, где администрация постаралась распродать производственное сырье с таким расчетом, чтобы в одно прекрасное время заявить рабочим: «завод закрывается».

Экономическое давление, но несколько в другой форме происходило и на железной дороге, а это в свою очередь перед рабочими поставило вопрос об охране производственного имущества.

Рабочие железнодорожных мастерских воочию убедились на практической работе 1-го и 2-го месткома, что им по пути только с большевиками и в 3-й состав месткома избрали уже 14 большевиков из общего числа — 16 человек.

Эти выборы 3-го состава были произведены 30 августа 1917 года.

Председателем был выделен тов. Ерасов И.

С первых же дней работы, «местного исполнительного комитета рабочих депутатов саратовских железнодорожных мастерских» определилось его взаимоотношение с администрацией. В противоположность предыдущим, он уже делает предписания безоговорочной формулировки, например:

«Г-ну ВАГОННОМУ МАСТЕРУ».

Г-н мастер, вам дадено распоряжение сделать пирамиды и рассуждений о кредитах быть не должно, все нужное для пирамид комитет приказывает сделать беспрепятственно.

Председатель комитета Саратовских мастерских **И. Ерасов.**

(См. рис. на стр. 11).

И много подобных служебных записок осталось от того времени, которые с несомненностью говорят, что основное пролетарское ядро г. Саратова с августа было с нами.

IV.

Второй состав Совета, в который было введено 90 большевиков, из общего числа всего Совета 610 человек, т.-е. 14.43% подвергся весьма большей критической оценке со стороны рабочих.

В то время, как эсеровские и меньшевистские части С. Р. и С. Д. работали под лозунгом «Война до победоносного конца», большевики открыто и прямо ставили вопрос: «войны не надо—необходим мир».

Это было понятно рабочим и крестьянам и более всего понятно тем крестьянам, кои находились в солдатской шинели на положении призванных для окончания этой «войны до победного конца».

Один из документов, характеризующий взаимоотношения между местным комитетом и администрацией.

И наступившие 6 сентября выборы 3-го созыва С. Р. и С. Д. дали следующую картину:

	Совет II созыва.			Совет III созыва.		
	Рабоч.	Солд.	%	Рабоч.	Солд.	%
Меньшевик	120	90	31,30	72	4	14,4
Союз рев.	50	260	50,80	43	60	19,3
Беспарт.	—	—	—	51	—	6,3
Большевик.	40	50	14,90	161	156	60,0
Итого		610	100%		533	100%

из которой видно, что в то время, как меньшевики получили в 2½ раза меньше мест в Совет, эсеры в 2¾ раза, большевики получили в 4 раза больше мест, чем во втором созыве. От былого засилия и влияния меньшевиков остались одни воспоминания. Рабочие пошли с большевиками по пути к захвату власти.

Перед партией теперь встал вопрос о подготовке рабочих к этому захвату.

И С. Р. и С. Д. на первом же своем заседании, происходившем 22 сентября, постановил организовать Красную гвардию. Начальником городского штаба Красной гвардии был назначен т. Федоров Александр, который незадолго перед этим возвратился из ссылки.

Красногвардейцы у своего Штаба (бывш. дом губернатора).

V.

Красная гвардия, как самостоятельная часть, была организована только в железнодорожных мастерских, организатором являлся тов. Ерасов, Иван. Устраивались методические занятия по военному обучению.

Первым инструктором был Красичков, а впоследствии тов. Серов Дмитрий.

Основная работа, которую Красная гвардия исполняла—это охрана имущества от расхищений, которое начало усиленно развиваться к этому времени, причем охрана назначалась в те пункты, кои охранялись уже воинскими частями.

Мотивом к этому служило недоверие рабочих—это двойное дежурство по охране имущества, в то же время являлось и весьма сильным средством агитации среди солдат идей по захвату власти; весьма характерную деталь рассказывали т.т. Красичков, Кожин, Поликарпов и другие участники Красной гвардии: первым делом, пришедший на охрану красногвардеец просил стоявшего на охране солдата показать руки и если у показывавшего руки солдата под ногтями было черно, то тут же с ним начинался разговор по вопросам текущего момента, а если руки были чистые, то к нему относились с известной подозрительностью.

Это участники об'ясняли тем, что порою на охрану в форме рядового солдата становилось офицерство с целью противодействия большевистской агитации, которая весьма чувствительно сказывалась в воинских частях.

Получивший в руки оружие, рабочий начал все больше и больше выказывать нетерпение: «скоро что ли мы покончим с этой волынкой. Оружие у нас есть, так и давайте действовать», все чаще и чаще раздавались голоса рабочих.

Для учета своих сил городской штаб Красной гвардии решил организовать сбор по ложной тревоге.

Это было в конце сентября месяца 1917 г. Вот как рассказывает тов. Ерасов про этот сбор:

«На предприятиях работа окончена, все разошлись по домам. С наступлением сумерек в железнодорожных мастерских раздается тревожный гудок. Через 30—45 минут собрались железнодорожники около 100 человек вооруженных и до 200 человек не вооруженных. Все спрашивают в чем дело и понукают комсостав «веди скорее, чего тянешь». Не вооруженные рабочие требуют выдачи на руки оружия и злобно кричат: «какого черта не позаботились заранее выдать нам оружие»; и на заявление, что к штабу должны итти только одни вооруженные, рабочие заявили: «нет, пойдем и мы, а кто будет заменять, если окажутся убитые и раненые».

Никто не расходится.

Таким образом, организовался довольно внушительный отряд, который и направился к Совету.

Прибыли к Совету около 7½ часов вечера, туда же немного раньше прибыли мельники, а затем с гвоздильного завода [1]) и Беринга [2]). По прибытии нам сообщили, что сбор был сделан поверочный. После краткого митинга решено было пройти с демонстрацией своих сил по-

---

[1]) Ныне завод им. «Ленина».

[2]) Ныне завод «Сотрудник Революции».

ОДНИ ИЗ ТЕХ, КТО ТВОРИЛ ОКТЯБРЬ (Группа красногвардейцев и подпольщиков). Сидят на полу: I ряд—т.т. Захаров, Монин, Сапих, Митюцкий, Сотов, Красичков, Чибриков, Синицын, Казарин, Марциновский, Гречишкин, Грачев и Женин. Сидят на полу II ряд—т.т. Меркулов, Петров, Кацнельсон и Марциновская. III ряд—т.т. Мушин, Чугунов, Краев, Фирфаров, Разин, Корнеева, Хайков, Варейкис, Листов, Кузнец в, Кузнецов, Сергеев, Богданова, Степанова и Эрфурт. IV ряд—т.т. Отряхин, Васильев, Кузнецов, Гринштейн, Иванников, Жиряев, Щалкинский, Шмидт, Тихонов, Окоротов, Соловьев, Дорофеев и Шершов. V ряд—т.т. Мышкин, Маланин, Самодуров, Степанов, Карягин, Золин, Шульга, Иванов, Федюнкин и Блохин.

городу. Нечего и говорить, что эта ночная и при том вооруженная демонстрация до пота перепугала саратовскую буржуазию.

А на утро велись такие разговоры:

«Большевики поднимают темную несознательную массу против Народного Временного Правительства и тем самым хотят погубить революцию».

Итак, основное ядро, движущее революцию, саратовские рабочие были готовы к борьбе за власть, оставалось только ждать сигнала и этот сигнал был дан в Петербурге 25-го октября 1917 г.

VI.

Я считаю, что о самом акте захвата власти нам лучше может рассказать непосредственный участник и руководитель захвата т. Васильев. Ему предоставим слово.

«Близость грозы чувствовали не только мы, но и наши противники. Особенно нервничали глупые социалисты-революционеры. 21 октября они заявили, что отзывают своих представителей из Исполнительного Комитета Совета. Но прошло дня два, и их лидеры неожиданно обратились к нам с предложением издать совместно декрет о немедленном переходе помещичьих земель в Саратовской губернии в распоряжение крестьян. Они, очевидно, почувствовали, что у них ускользает из-под ног почва, что потерявшие терпение крестьяне отворачиваются от них.

Мы с недоверием отнеслись к их неожиданной отваге, но на издание и проведение в жизнь таковего декрета, разумеется, согласились.

Однако, на следующий день произошел окончательный разрыв не только с ними, но и с меньшевиками. Пришли первые, непроверенные еще сведения о начавшемся в Петербурге восстании. Представителя эсеров и меньшевиков просили устроить экстренное заседание фракции исполкома и комитета нашей партии. На это заседание явились мрачные и сосредоточенные «светила» местного мещанства: Чертков, Майзель, Минин, Телегин и др.

«Мы требуем, чтобы фракция большевиков публично и решительно осудила действия Ц. К. партии и петербургских большевиков»,—со свойственным ему тупым высокомерием прошипел А. Минин.

К тому же сводились и «пожелания» меньшевиков.

Это наглое, гнусное требование особенно возмутило нас.

— Понимаете ли, сознаете ли вы сами, чего вы требуете от нас... спросил я их. — Ведь вы хотите, чтобы мы поступили, как изменники и предатели. Как смеете вы говорить и думать так. Впрочем, вы иначе и не можете поступать... Но Саратовские большевики всегда были и останутся большевиками. И от лица своих товарищей, без всякого обсуждения вашего гнусного предложения, я заявляю вам: мы всеми нашими силами, не останавливаясь ни перед чем, поддержим наших петербургских товарищей. Не так ли товарищи?

— Разумеется,—единодушно поддержали меня остальные товарищи.

— В таком случае, мы выходим из совета,—торжественно заявили господа эсеры.

— Скатертью дорога.

— Мы тоже,—засуетились меньшевики.

— Ну, и вам тоже скатертью дорога.

Вечером состоялось заседание городской думы.

Гласные-кадеты, меньшевики и эсеры—шептались, сговаривались, шипели, свистали, орали, клялись, впадали в истерику и выносили напыщенные, сердитые резолюции. Было смешно и скучно.

Мне пришла в голову забавная мысль: подурачить их и поссорить между собою. Я взял слово.

— Я, собственно, не понимаю, чего вы так волнуетесь, граждане. У нас имеются пока непроверенные, смутные слухи. Возможно, что это провокация. Во всяком случае, я уверен, что тут налицо новая истерика Керенского. Ведь, граждане эсеры везде делают глупости и противоречат себе и здравому смыслу. Возьмите, например, гражданина Минина и его товарищей. Сегодня они сговариваются с вами против нас, а вчера только предлагали нам издать совместно приказ о немедленном отобрании у Саратовских помещиков всей их земли... Не правда ли, гражданин Минин... Нужно было видеть смущение попавших эсеров и переполох, поднявшийся среди кадет.

О... А... Что. Вот как... зашипели на правом крыле, недоверчиво и злобно поглядывая на своих «революционных» товарищей.

Я предоставил им расхлебывать заваренную кашу и ушел в здание Исполкома. После мне рассказывали, что они дошли до полной истерики и чуть не задушили большевика Мицкевича.

ОДНИ ИЗ ТЕХ, КТО ГОТОВИЛ ОКТЯБРЬ (работники парторганизаций периода подполья).

Сидят на полу I ряд—т.т. Блохин, Шульга, Марциновская, Кацнельсон и Кузнецов. II ряд—т.т. Иванников, Сергеев, Варейкис, Разин, Карнеева, Кузнецов и Богданова. III ряд—т.т. Степанова, Листов, Марциновский, Чугунов, Петров, Федюнкин и Эрфурт.

Предшественники красной гвардии. Группа тов. бывших чл. боевых дружин периода 1905—1907 г.г.

Сидят на полу I ряд: т.т. Блохин, Марциновский, Хайков. II ряд—т.т. Шульга, Чугунов, Сергеев, Кузнецов, Фидюнкин и Петров

Наступило 26 октября. У нас уже имелись более точные сведения о событиях в Петербурге. Там совершился несомненный и удачный переворот, новая, на этот раз действительная, великая революция. Нужно было действовать и нам.

Вечером должен был собраться Совет. Но нам нужно было выяснить свои силы, наметить план действий, узнать намерения и планы врагов.

В здании Исполкома (бывший д. губернатора) находилась и канцелярия «губернского комиссара» (так назывались губернаторы Керенского) Топуридзе. Этот глупый, злой, коварный меньшевик, слепо ненавидел большевиков. Со мною он не мог говорить спокойно, и у нас часто происходили жестокие стычки.

С утра в его кабинете и канцелярии началась подозрительная суетня. То и дело к нему заходили гласные думы, присяжные поверенные, комиссары милиции, офицеры. Многие из офицеров являлись вооруженными с ног до головы и глядели воинственно и враждебно. В кабинете происходили таинственные совещания.

Я зашел в помещение военной секции. Там царила неприятно подействовавшая на меня растерянность и беспомощность.

— Где Соколов?

— Соколова нет.

— Где же он?

— Уехал, кажется, на почту...

— Нужно немедленно вызвать его сюда.

Соколов явился только в 2—3 часа. И не один. С ним пришли неразлучные Понтрягин, Диденко, Неймиченко.

Самым умным и хладнокровным из этих трех воинов был, несомненно, хохол Неймиченко. Диденко был слишком груб и жаден; солдаты стихийно ненавидели его и не верили ему. Понтрягин раньше пользовался большой популярностью, но затем, благодаря политиканству и мещанской неустойчивости, потерял значительную долю своего влияния.

Я сразу заметил, что «господа офицеры» пришли с каким то новым планом.

— Почему вы так поздно пришли,—обратился я к Соколову.

—Потому, что был занят,—с заметным возбуждением ответил он.

— Где и чем?

Путанно, запинаясь и подбадривая себя напускной решительностью тона, Соколов стал об'яснять, что «они» решили принять меры, чтобы не допустить столкновения между солдатами и т. д.

— Кто это решил, и какие меры?

— Мы—военные... Подробнее сделает сообщение т. Понтрягин.

Но Понтрягин говорил также путанно и туманно. Тем не менее выяснилось, что «они» решили об'явить военную диктатуру. Мальчика Соколова одурачили его друзья.

— Отлично. Вы хотите создать военную диктатуру. О целях ее не будем спорить. Но на какие реальные силы собираетесь вы опереться. Разве вы не знаете, что большинство гарнизона, большинство солдат стоят за Совет и подчиняются только ему. Какую роль отводите вы в вашей диктатуре Совету?

Мой вопрос сразу охладил воинственный пыл пустозвонных «диктаторов». Они заговорили о сотрудничестве с Советом и великодушно согласились ввести в свой орган диктатуры представителя от исполкома, но только настаивали, чтобы таковым был не я, а тов. Антонов.

Нам нужно было выиграть время, и мы согласились составить список временного органа диктатуры, но настояли ,чтобы этот список был утвержден Советом. В том, что Совет провалит его, я не сомневался.

Полуосвещенный зал и хоры консерватории были битком набиты рабочими и солдатами. Было несколько мрачно, но за возбужденным гулом чувствовалась жажда борьбы и уверенность в победе.

Я делал доклад и усиленно подчеркивал, что вся полнота власти должна принадлежать Совету, что вновь создавшийся орган должен быть его органом, и Совет вправе отклонить любую кандидатуру.

Оглашается список. Фамилии: Диденко, Максимовича, Зайцева и некоторых других вызывают бурю протеста. Голосованием они исключаются.

Остальные «диктаторы» из правого крыла протестуют и заявляют о своем уходе. Протесуют и некоторые другие малодушные большевики (Соколов, Куликов).

Для меня ясно, что вся эта история с «диктатурой» была лишь политической игрой, попыткой обмануть нас.

Вот на заседание являются из городской думы делегаты наших противников. Они оглашают обманные телеграммы из Петрограда о «победах» Керенского и торжественно об'являют, что вместе с кадетами они образовали «Комитет защиты».

Буря негодующих протестов, но делегатам дают возможность уйти. С ними уходят и кандидаты в «диктаторы».

Было около 3 часов ночи. Взамен выбывших из Исполкома меньшевиков и эсеров Совет быстро производит дополнительные выборы, депутаты обязуются при-

вести в боевую готовность солдат и рабочих, и заседание закрывается. Мы спешим в здание Исполкома.

Глубокая ночь. Чувствуется страшная усталость, болит голова, но об отдыхе не может быть и мысли. Только что донесли, что из Военного Городка по направлению к городской думе прошли в боевом порядке с винтовками и пулеметами юнкера.

Нужно немедленно организовать охрану Исполкома, выработать план действий, распределить работу.

Совещание затянулось до утра. Мы решили об'явить о переходе всей власти к Совету, но самим не нападать, а лишь призвать рабочих и солдат к боевой готовности.

Я быстро набросал воззвание к солдатам и приказ по городу. Тов. Антонов составил проект местного постановления о переходе помещичьей, монастырской и т. д. земли в распоряжение крестьян (см. стр. 27).

В приказе по городу мы писали:

«Трагическое положение страны заставило петроградских рабочих и солдат устранить от власти врем. правительство Керенского и Коновалова.

Власть в Петрограде перешла в руки Советов рабочих, и солдатских депутатов.

Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов приказывает:

1) Всем служащим в правительственных и общественных учреждениях оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться распоряжениям Саратовского Совета и его органов.

2) Войскам местного гарнизона быть в боевой готовности и подчиняться лишь тем распоряжениям, которые будут исходить от президиума военной секции.

3) Рабочим без призыва Совета не оставлять работ, фабрично-заводским комитетам взять надзор за правильным течением жизни на заводах и фабриках в свои руки.

4) Население должно соблюдать полное спокойствие. Всякие попытки вызвать погромы или волнения будут беспощадно подавляться вооруженной силой. Советом будут приняты самые решительные меры для борьбы с отдельными грабителями.

5) Всех призывающих к неподчинению Совету, погромам и т. п. немедленно арестовывать и предоставлять в военную секцию Совета.

6) Подготовку к выборам в учредительное собрание продолжать попрежнему».

На следующий день появилось и воззвание, подписанное «комитетом спасения революции», который был организован на заседании городской думы. В этом воззвании население и, особенно, офицеры и солдаты призывались собраться к зданию городской думы с оружием для борьбы с Советом, а государственным учреждениям, рекомендовалась забастовка...

Днем 27 октября острых столкновений не было. Мы устроили митинги на фабриках, заводах и в войсковых частях, призывая всех к спокойному выжиданию и к боевой готовности.

Юнкера расставили караулы в ближайших к зданию городской думы кварталах и заняли отрядами некоторые дома.

Юнкера сделали попытку захватить одну из батарей, но солдаты-артиллеристы прогнали их.

Однако, в артиллеристах мы были менее уверены, чем в других солдатах. Понтрягин и Неймиченко—артиллерийские офицеры и еще недавно пользовались большим влиянием в своих частях. Я узнал, что они в думе обещали разнести город из орудий, если мы попробуем бороться с думой. Я отправился к артиллеристам. На площади около артиллерийских казарм собралась довольно большая толпа солдат, среди которой толкалось много офицеров.

Я организовал митинг, об'яснил солдатам в чем дело и ребром поставил вопрос:

— Пойдут ли они против нас. Решатся ли стрелять в рабочих и солдат.

— Нет, не пойдем,—был дружный ответ.

Пытавшиеся вмешаться офицеры, из среды которых раздавались даже призывы арестовать меня, вынуждены были замолчать.

— Будете ли вы, если понадобится, бороться вместе с нами?

— Будем...

— Подчиняйтесь же только приказам Совета, товарищи. И да здравствует победа рабочих и крестьян...

Меня проводили полными энтузиазма криками и обещаниями.

Теперь я был уверен в артиллеристах.

Вечером начались первые столкновения. Юнкера, студенты и гимназисты, составлявшие главную часть эсеро-меньшевистского воинства, стали арестовывать отдельных советских работников и разоружать олдат.

Мы узнали, что под предводительством Диденко была захвачена одна из казарм, и вывезено из нее несколько сот винтовок, а также патрон. На улицах близь думы стали возводить баррикады.

В то время нам стало известно, что губернский комиссар Топуридзе от имени думы и комитета спасения вызывает в Саратов казаков из Баланды и железно-дорожных станций. Дальше мешкать было нельзя. Мы решили действовать с своей стороны.

С вечера мы усилили караулы и установили посты на улицах. Прошло несколько сот вооруженных винтовками железно-дорожных рабочих, пришли рабочие и других районов. Это сразу подняло настроение солдат.

К утру явились части войск из Военного городка.

Утром 28 октября войскам и вооруженным рабочим было приказано оцепить район городской думы.

Думская «армия», в состав которой, кроме юнкеров, офицеров и горсточки солдат, входили преимущественно студенты, гимназисты, семинаристы и т. п. «золотая» молодежь, уже возвела барриакды и выставила пулеметы, поместив таковые, между прочим, на колокольне соседней с думой церкви. К полудню, поставленная нашими войсками задача была уже выполнена.

— Потребуем, товарищи, от наших мятежников сдачи,—предложил я в Президиуме Исполкома.

Предложение было принято. Я стал вести по телефону переговоры с лидерами мятежников и тотчас понял, что они хотят как можно дольше затянуть «собеседование», уповая, очевидно, на помощь вызванных ими казаков. Они требовали разных «гарантий» для парламентеров, хотели обязательно приехать в Исполком на нашем автомобиле и т. д. В таких переговорах—то со мной, то с т. Антоновым—они дотянули до 4 часов. Наконец, я запротестовал.

— Если вы не потеряли окончательно здравого смысла, оставьте пустые разговоры и немедленно присылайте своих уполномоченных к нам. Надвигается ночь. Если она застанет вооруженных друг против друга, столкновение будет неизбежным. Все-равно, казаки не поспеют выручить вас. Мы приняли все меры к тому.

Депутация, наконец, явилась. В состав ее вошло, кажется, 8 человек, среди которых был один рабочий—мой однофамилец—железнодорожник Васильев. Им были предложены для подписи следующие условия:

См. рис. на 21 стр.

1) Полная сдача оружия с гарантией личной неприкосновенности всех сдавших оружие.

2) Роспуск военной организации штаба и комитета при Думе.

3) Никаких противодействий мерам и распоряжениям Совета.

4) Спокойная организация работы городского самоуправления.

5) Немедленная отмена всех постановлений комитета революции, городского самоуправления и губернского комиссара, и призыв населения всей губернии к спокойствию и работе во всех учреждениях.

Раздраженным скрипучим голосом лидер эсеров А. Минин стал оспаривать предложенные условия и выставлять свои: отвод наших войск, пропуск осужденных с оружием в руках и т. д.

— Вы должны понять,—прервал я его,—что дальнейшая проволочка времени крайне опасна. Наши требования являются ультиматумом и должны быть приняты немедленно без всяких разглагольствований.

— Правильно,—сорвалось у одного из делегатов, подпоручика Друшлякова.

— Мы даем вам десять минут на обсуждение наших условий и переговоры по телефону с вашими товарищами в думе, после чего мы должны сообщить нам свое решение — прибавил я.

Минут через десять заседание возобновилось. Друшляков, Мясоедов и, кажется, Белавинский без колебаний подписали предложенные условия. Минин заявил, что он вынужден подписать условия, но лично не согласен с тремя последними пунктами и, подписав их, сделает оговорку, и затем выйдет из числа гласных думы. Такую же оговорку сделали и другие гласные.

Для сообщения подписанных условий и организации сдачи оружия в думу вместе с депутацией отправился тов. Антонов и еще двое наших товарищей.

Рабочие и солдаты, бывшие в здании Исполкома, приветствовали соглашение искренними и радостными криками «ура». У всех отлегло от сердца: не будет зря пролита кровь.

Но едва ушла делегация, кака раздался телефонный звонок. Я взял трубку.

— Дума требует, чтобы делегация немедленно вернулась назад. Получена телеграмма, что Керенский взял Петроград. Мы решили держаться до утра и не подписывать соглашения.

Я узнал голос Понтрягина.

— Соглашение уже подписано. Если вы не сошли окончательно с'ума, немедленно, не теряя минуты, выполняйте принятые условия....

— Ах, уже подписаны... Хорошо, мы подумаем.

Было уже темно. Надвигалась ночь со всеми своими тревогами и недоверчивостью. Солдаты нервничали и инстинктивно опасались обмана.

Прошло около часа, а из думы не было никаких вестей.

Я попросил позвать к телефону кого-нибудь из военных руководителей думских заговорщиков. Подошел опять Понтрягин.

— Почему вы медлите с ликвидацией своей затеи?

[illegible]

предъявлены [illegible] Совета Раб. и Солд. Депутатов [illegible] Городской Думе и Комитету Спасения Революции.

1) полная сдача оружия [illegible]
[illegible]

2) роспуск военной организации Штаба и Комитета при Думе

3) [illegible] стачки [illegible] и [illegible] Совета

4) Спокойная организация работы [illegible] самоуправления

5) [illegible] отмена всех [illegible] Комитета Революции [illegible] Самоуправления [illegible] Комиссара и [illegible] к спокойной [illegible] работе [illegible] учреждениях.

[illegible]

[illegible]

Не соглашусь в числе гласных думы [illegible]
Принимаю 1 и 2 пункты договора и лично не соглашаюсь с 3, 4 и 5 пунктами, [illegible]
[illegible] А. Минин

Согласен с проф. [illegible]

[illegible]

[illegible] с проф. [illegible] и [illegible]

[illegible] гор. думы [illegible]

Председатель Совета [illegible]

[illegible]

[illegible]

Подлинник соглашения сдачи думцев совету Р. и С. д.

— Дума обсуждает ваши условия и оспаривает некоторые пункты.

— Вы—военный и понимаете, что теперь не время для разговоров. И наши, и ваши части нервничают. Достаточно одного провокаторского выстрела, чтобы началось столкновение. Постарайтесь прекратить болтовню.

Прошло еще минут десять. Ответа нет. Я снова звоню в телефон. На этот раз подходит Диденко.

— Кончили или нет разговоры.

— Нет. Обсуждение продолжается.

— Кончайте немедленно и пригласите к телефону тов. Антонова.

Через несколько минут к телефону подошел Антонов.

— Каковы результаты.

— Большинство думы согласилось на предложенные условия.

— Тогда немедленно сообщи об этом нашим войскам и призови их к спокойствию.

Мы несколько успокоились.

— Авось, сегодня удастся поспать и вам, говорит мне какой то сердобольный товарищ.

Вдруг:

— Бах.

Стекла в окнах задребезжали. Электричество замигало.

— Что такое.

— Стреляют из орудия...

Снова:

— Бах. Бух.

Я выбежал на улицу. Частые ружейные залпы, разрозненная трескотня винтовок и ритмическое тявкание пулеметов покрывалось через короткие промежутки гулкими орудийными выстрелами.

Через несколько минут мне донесли, что, когда тов. Антонов был уже около наших цепей, сзади раздались крики «ура», за которыми последовали ружейные залпы,—кто то сделал свое дело. Столкновение началось.

Я попробовал соединиться по телефону с думой.

Телефон не действовал.

Глубокая ночь. Канонада то затихает, то снова сотрясает стены и душу своими грозными раскатами.

Вдруг мне доложили, что пришли парламентеры, я велел немедленно ввести их. Вошла меньшевичка Лаурер в костюме «сестры» и с ней другой меньшевик, фамилии которого не помню.

— Зачем вы пришли.

— Чтобы узнать, согласитесь ли вы прекратить обстрел.

— Вы уполномочены вести переговоры—удивился я.

— Нет. Мы пробрались сюда, чтобы только узнать, примете ли вы представителей думы.

— Возвращайтесь немедленно назад и, пусть явятся полномочные парламентеры. Вас проведут через наши цепи.

Уже брезжил рассвет. Я провел без сна третью ночь, но удивительно, что мне спать почти не хотелось.

Наконец, явились парламентеры: Понтрягин, старик Мясоедов (председатель судебной палаты) и меньшевик Боярский, называвший себя интернационалистом.

Я об'явил им, что наши условия остаются в силе за исключением первого пункта: все военные, принявшие участие в мятеже, и наиболее ненавистные массам вожаки контр-революции должны быть временно задержаны. Это необходимо и в интересах их личной безопасности.

С этим новым условием после некоторых пререканий парламентеры согласились. Понтрягину я посоветывал даже не возвращаться в думу, а добровольно заарестоваться теперь же. Он и с этим согласился.

Мясоедов и Боярский возвратились в думу. Нами был отдан приказ прекратить стрельбу. Но фактически прекратить ее было очень трудно.

Рабочие, и, особенно, солдаты были страшно раздражены сопротивлением, бессонной ночью и теми жертвами, правда немногочисленными, которые они понесли.

С нашей стороны было двое или трое убитых и около десятка раненых.

Кроме того, со стороны противника стрельба не прекращалась. Особенно часто стреляли из пулемета, установленного на колокольне церкви.

В этом я убедился сам.

За мной приехал с Московской улицы автомобиль, ибо солдаты не подчинялись приказу о прекращении стрельбы и собирались идти в атаку на осажденных.

Я поехал к нашим войскам. На углу Московской и Никольской улиц толпилось

На середине Московской улицы против угла Окружного суда стояло два орудия и несколько пулеметов. Из них обстреливались баррикады думцев, возведенные близ Приютской улицы поперек Московской. От орудийных выстрелов все стекла Окружного суда и ближайших зданий вылетели. Окна зияли, как пустые глазницы черепа.

Солдаты столпились вокруг моего автомобиля, я поздравил их с победой и потребовал немедленного прекращения стрельбы, ибо противник готов сдаться.

Часть возбужденных солдат попробовала протестовать.

— Именем вашего Совета я требую немедленного и безусловного подчинения. Всякий неподчиняющийся будет рассматриваться нами, как наш враг,—решительно и громко крикнул я.

— Правильно...—раздались многочисленные голоса.

— Но как же быть, если «они» сами продолжают стрелять, — запротестовали отдельные голоса.

— Не обращайте внимания.

— Это—провокаторские выстрелы.

На Московской улице стрельба прекратилась.

Но продолжало бухать орудие с Горной улицы.

Я поехал туда.

Там солдаты были раздражены еще больше.

— Прекратите стрельбу—потребовал я.

— А они прекращают... Посмотрите тов. Васильев, что там делается: они стреляют с церкви.

Действительно, через минуту раздались несколько отдельных ружейных выстрелов из района думы и, тотчас отчетливо нагло затрещал пулемет со стороны церкви, что находится по соседству со зданием думы.

Артиллеристы бешено бросились к орудиям.

— Мы разнесем и думу, и церковь.

— Давайте бризантные снаряды.

С большим трудом мне удалось удержать и успокоить их.

— Если эта сволочь через полчаса не сдастся—мы ни одного из них не оставим в живых,—раздраженно кричали солдаты.

— Хорошо, товарищи. Я сам пойду к ним и потребую очистить здание. Но дайте слово, что вы не будете стрелять по безоружным. Другие и я пойдем вместе с ними. И, стреляя по ним, вы можете убить своих.

Солдаты очень неохотно, но согласились, наконец, ждать сдачи. С нашей стороны стрельба была прекращена и здесь.

Я возвратился к Окружному суду. Там среди солдат находился уже парламентер из думы—начальник школы прапорщиков полковник Чесноков. Солдаты ругательски ругали его и грозили перебить всех юнкеров и офицеров. Он был бледен, но старался сохранить спокойствие.

Я опять взял слово с солдат сохранить спокойствие и не трогать безоружных, предупреждая, что сам отправлюсь в думу и выведу осажденных.

Идти вместе со мной вызвалось человек пять. Из них помню тов. Плаксина и Марциновского.

Мы пошли по Царицынской улице, полковник Чесноков шел с белым флагом. Несмотря на это, в районе думы стали раздаваться выстрелы, однако, из нашей небольшой группы никто не был задет.

По Приютской улице мы свернули на Московскую,—здесь красовалась баррикада, за которой—увы—не было ни одного защитника,—знаменитая баррикада из мешков с айвою. Ее впоследствии наши солдаты с'ели.

Я прямо направился в думский зал. Около меня растерянно суетился меньшевик Боярский, почему то все время повторявший:

— Товарищи, спокойствие. Это делегат, он неприкосновенный...

Большинство стоявших по лестнице юнкеров смотрели на меня скорее с робкой надеждой, а не воинственно.

Дух уныния и трепетного страха носился и над переполненным залом. На председательском месте сидел известный лидер местных меньшевиков Чертков. Он торопливо, глухим голосом предоставил нам слово.

— Надеюсь, господа, что вы понимаете всю опасность вашего положения. У вас есть лишь одна возможность спастись — это немедленная и безусловная сдача. Бросьте хоть теперь пустые разговоры и ультиматумы. Оставьте здесь оружие и немедленно выходите на улицу. Впереди пусть построятся в ряды юнкера и офицеры, а за ними все остальные. Малейшее промедление погубит вас.

— А можете вы гарантировать нам личную безопасность—спросил меня кто-то.

Вчера мог бы—сегодня, откровенно говоря, не могу. Солдаты слишком озлобены против вас. Обещаю лишь следующее: я сделаю все, чтобы предупредить

расправу, я пойду впереди вас. Если будут стрелять в вас, то убьют, прежде всего, меня. Солдаты меня знают и, думаю, не сделают этого.

Все послушно и быстро стали спускаться вниз. Юнкера и офицеры тотчас построились в ряды, а за ними столпилось остальное «воинство».

Глухое чувство презрения и возмущения закипало в душе при виде этого воинства: горсточка гласных и куча юнцов и ребят. Много было гимназистов, коммерсантов, семинаристов и т. д. в возрасте не более 14 лет. Большинство гласных и даже «вождей» отсутствовало. Почти не было видно представителей кадетской партии.

Процессия выстроилась, я стал впереди, и мы двинулись по Московской к нашим баррикадам. Неприятельскую баррикаду из айвы уже растаскивали и ели.

Навстречу нам из ближайших улиц и дворов высыпали с винтовками в руках рабочие и солдаты—крайне возбужденные, с угрожающими жестами...

— Безоружных не трогать, товарищи. Спокойствие и выдержка—крикнул я им.

— Не бойтесь—не тронем. Дайте только выругать хорошенько эту сволочь.— кричали солдаты.

Ругали серьезно, не стесняясь в выражениях. Я на всякий случай попросил наших рабочих, как более выдержанных, окружить пленников цепью.

После мне говорили, что некоторые солдаты при виде юнкеров не выдержали и бросились было к пулеметам. С большим трудом удалось их удержать, указав, что подстрелят и меня.

Мы подошли к Никольской улице. Здесь нас встретила новая масса солдат, еще более возбужденная и гневная...

— Руки вверх... Поднимите руки вверх,—раздались десятки голосов.

— Стой. Стой—свирепо кричал какой-то артиллерист, взобравшись на лафет орудия и размахивая револьвером.

Процессия остановилась. Возбуждение охваченной гневом массы солдат усиливалось. Это—самый опасный момент. Достаточно было случайного или провокаторского выстрела, чтобы ни одного из пленных не осталось в живых. Они стояли, дрожа, с поднятыми вверх руками.

— Убери револьвер, товарищ, и уйди с дороги—решительно приказал я артиллеристу.

—Стой, стой... я ничего... я только хочу сказать им... Ах, вы, сволочи... мать вашу... вы... вы... стрелять в нас.

От возбуждения и гнева он не мог говорить. Я велел отвести его и быстро двинулся вперед. Пленные устремились за мной. Движение несколько успокаивало толпу. Пленных бранили, им угрожали, но ни одного серьезного насилия произведено не было.

Мы подошли к зданию Исполкома (бывший губернаторский дом). Я распорядился, чтобы тотчас же отпустили всех женщин. Затем к вечеру были отпущены все учащиеся.

При обыске у многих оказались припрятанными револьверы. Юнкеров и офицеров, а также часть гласных мы задержали. Их немедленное освобождение могло вызвать кровавую расправу, ибо масса была слишком раздражена.

Да и наши собственные интересы диктовали эту меру. Мы узнали, что казаки, вызванные думским «комитетом спасения революции», находились уже вблизи Саратова. Постепенно их скопилась целая дивизия с артиллерией и пулеметами.

Большинство «вождей» думской армии «благоразумно» сбежало. Среди арестованных не оказалось ни Минина, ни Диденко, ни Майзеля.

Снова началась напряженная работа и борьба. Нужно было прежде всего ликвидировать «казачью опасность».

Пришлось мобилизовать все наши военные силы, рыть вокруг города окопы, посылать парламентеров, принимать делегации от казаков и т. д. и т. д.

К счастью, в течении недели мы ликвидировали казачью авантюру совершенно бескровно. Нам удалось «с'агитировать» казаков, и они ушли в указанное им место, поссорившись со своими офицерами.

А затем снова началась борьба с думцами, которые, разумеется, отказались выполнить принятые обстоятельства. В конце концов мы вынуждены были распустить думу [1]).

VII.

Буржуазия выбита с главной командной высоты, по управлению губернией и городом.

Власть в руках Совета.

---

[1]) Сар. Изв. № 238 за 1918 г.

Первые дни власти Советов сопровождались колоссальными трудностями уже по одному тому, что пришлось встретиться с упорным сопротивлением служащих, находившихся под влиянием идеологов буржуазии, которая все свои силы напрягала на то, чтобы остановить работу учреждений, в первую очередь аппарата связи и Губернского Земства.

Это, требовало от Совета и самих рабочих, особенно сильного напряжения сил и внимания. Только начиная с декабря месяца, когда было сломлено сопротивление почтово-телеграфных чиновников, работа учрежденского аппарата начала входить в норму.

Следующей задачей перед Советом стояло взятие в свои руки экономического оружия—Банков и Управления Городским Хозяйством—разогнать Городскую Думу.

Взятие Банков было проделано 18 ноября силами Красной Гвардии, находившейся под руководством Виктора Бабушкина.

Разгон Думы был произведен 25 ноября под руководством т.т. Антонова и Васильева. Этому событию предшествовало воззвание к населению со стороны Городской Думы по поводу захвата Банков.

Воззвание сводилось к призыву на выступление против Совета: «Помните, граждане, что в Петрограде и в Москве большевики тоже начали с контроля, а кончили тем, что брали из Банков деньги на свои надобности, на какие надобности неизвестно, ибо они не считаются с народной волей и отчета народу не дают».

Это выступлеие заставило Совет срочно приступить к разгону Думы. Вот, что говорит тов. Антонов об этом в своем труде «Под стягом Пролетарской Борьбы».

«Процедура роспуска производилась мною, Васильевым, Мицкевичем и при участии комиссаров, назначенных на места членов управы. Мы явились в здание Управы уже после того, когда техническая часть плана была закончена, т. е. отряд в 35 красногвардейцев и солдат под началом Алексея Яковлевича (рабочий пищевик) окружил управу, арестовал членов управы и сконцентрировал в думском зале служащих. Пока мы туда ехали, служащие, по московскому образцу, вели усиленную агитацию стоявшего в дверях и около председательского места конвойного отряда. Но если этот маневр, как трубили тогда наши противники, удался в Москве, он не оказал никакого действия на наших ребят. Наоборот, они, предупрежденные нами заранее, отнеслись к этой агитации с величайшей насмешкой. «Чего вы нас агитируете,—говорили работники отряда,—мы, чай, не безсознательная масса. Вы лучше поагитируйте промеж себя, авось кто-нибудь войдет в разум и по чести пойдет служить Совету».

За этими разговорами мы и застали собрание. Нас, конечно, встретили сперва криками: «насильники», «немецкие шпионы» даже—«христопродавцы», но затем, когда я на них прицыкнул, они несколько присмирели и дали возможность, во-первых, прочитать акт о роспуске, а во-вторых, произнести соответствующие речи. Говорили Михаил Васильев, Мицкевич, я и другие. Служащие ворчали, но слушали. Когда же заговорил С. И. Мицкевич, вся эта публика, считавшая его своим сослуживцем и своим по общим интеллигентским традициям, подняла невероятный вопль: «Изменник... предатель... большевик», — кричали они с необычайным ожесточением, мешая ему говорить. На их крики я вдруг, неожиданно для них, стукнул изо всей силы кулаком по столу и заорал: «Молчать... довольно, я вам говорю». Сразу наступило затишье, в котором Михаил поставил им ультиматум: кто подчиняется

Совету—идет направо, кто не подчиняется—идет налево». Не хотим, не хотим»—заголосили они снова.

В этот момент по направлению к тому месту, где стояли мы, с хор раздались два выстрела. Не успели мы сообразить, в чем дело, как наш отряд дал залп в сторону хоров. Началась отчаянная паника... стоны... рыдания, мольбы о пощаде... некоторые залегли под стулья, другие просто упали на колени и выставили вперед дрожащие руки. Так как нашим отрядам показалось, что второй выстрел исходил из собрания, то они, щелкнув затворами, направили винтовки на эту ползущую массу. Мы кинулись их удерживать. Удержав отряд от вторичного залпа и поймав на хорах какого-то суб'екта, мы обратились со словом успокоения. Михаил снова повторил ультиматум; тогда от имени служащих выступил не то Гусев, не то кто-то еще и заявил, что служащие подчиняются и с понедельника будут работать.

Члены Управы дали письменное удостоверение, что они «под давлением» Исп. Комитета отказываются от своих постов и сдали ключи Комиссарам»...

* * *

Вышибленная со своих позиций пролетарским натиском Октября, в городе, а также обезкураженная нашим первым приказом о земле [1]), буржуазия в лице эсеровских организаций кинулась защищать от большевистского влияния, и что это влияние сказывалось и довольно чувствительно, можно видеть из следующего воззвания Аткарского Уездного Земства совместно с эсеровским Комитетом и уездным с'ездом крестьянских депутатов, которое гласило:

«Святые слова великой Русской Революции: «Земля и Воля», зовущие нас к светлому будущему, к свободе и братству, заменили грубыми криками: «Хлеба и земли, земли во что бы то ни стало, немедля ни минуты». А там, чтобы ни случилось. Из многих мест поступают уже печальные и ужасные вести. Происходят погромы, поджоги, грабежи и самосуды... Кому это на пользу. Куда вас приведут те, которые много сулят и сейчас же призывают брать на учет ту землю и распределяют ее во владение крестьян.—Судите сами».

Формой удержания крестьянства под своим влиянием они избрали, это созыв Губернского Крестьянского Совещания из представителей волостных комитетов.

Совещание открылось 23 ноября 1917 года, на котором присутствовало 100 человек.

Собранное в этот день заседание С. Р. и С. Д. послало делегацию на крестьянское совещание для приглашения всего состава на об'единенное заседание.

Нечего и говорить, что это мероприятие сильно перепугало Президиум, который состоял исключительно из эсеров: Черненков, Ганжинский и Бейлин и они напрягли все свои силы, чтобы не сорвать совещание. Нашей делегации, состоящей из солдат и рабочих удалось с собой увести только 40—45 человек, которые после теплой встречи с Советом тут же поклялись: «нарушать всякую ссору и жить душа в душу с рабочими», и конечно, назад на совещание не вернулись.

Оставшиеся же крестьяне вынесли резолюцию в 6 пунктов, кои говорят:

1) Осуждение вооруженного захвата, произведенное накануне выборов в учредительное собрание.

2) Большевики могут входить в состав правительства только те, кои откажутся от захвата власти.

---

[1]) См. стр. 26.

3) Должна быть обеспечена свобода слова, собрания и стачек и т. д.

4) Власть должна принадлежать учредительному собранию.

5) Прекращение войны возможно только с согласия союзников.

6) Власть Советами должна быть передана особому комитету, состоящему из представителей от земских и городских самоуправлений на основании пропорциональности.

В ответ на это мероприятие, проведенное эсерами, большевики решили созвать с'езд и уже не путем представительства от волостных комитетов, а путем выборов непосредственно от крестьян. Проведение в жизнь созыва губернского с'езда крестьян решено поручить тов. Иванову Федору. Тов. Иванов свою работу построил так: подобрал около 300 человек из солдат через военную секцию, из лиц, кои связаны с населенными пунктами Саратовской губернии и проинструктировав их разослал по деревням для проведения выборов. Делегаты были снабжены всеми необходимыми материалами, а также получили на руки приказ № 1-й и к нему дополнение, составленное тов. Ивановым.

ОТ САРАТОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Приказ № 1.

Во имя спасения Революции, во имя сохранения от стихийных погромов и хищений народного достояния, во имя неот'емлемых прав крестьянства на всю землю, во имя хлеба для рабочих, измученной, голодной армии и прочего населения, Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет:

§ 1. Вся помещичья, монастырская, церковная и удельная земля немедленно должна быть взята на учет и в распоряжение крестьянских земельных комитетов или заменяющих их крестьянских демократических организаций.

§ 2. Все хлебные и кормовые запасы во взятых имениях и экономиях не могут быть продаваемы частным лицам. Ответственность за сохранность несут перед Советом означенные комитеты или организации.

§ 3. Живой инвентарь, как-то: лошади, рогатый скот, крупный и мелкий, и прочие, должны быть использованы в степени потребной для нужд крестьян, но каждый раз с разрешения комитетов или организаций и под их ответственностью за целость перед Советом. Племенной скот не должен употребляться на работы.

§ 4. Мертвый инвентарь (плуги, жнейки, веялки и прочее) подлежит использованию для работ; по окончании работ, в сохранном виде, передается на хранение в имение, под контроль комитетов и организаций.

§ 5. Усадьбы, дома и дворцы со всем внутренним убранством, книжными хранилищами, картинами и прочим, принимаются по тщательной описи и строго сохраняются. Ответственность возлагается на Комитеты или организации перед Советом.

§ 6. Комитеты обязаны организовать охрану и не допускать до расхищений, поджогов и погромов взятых на учет и распоряжение имений и экономий.

§ 7. Комитеты обязаны немедленно доставлять Совету описи имущества движимого и недвижимого, взятого на учет и в распоряжение.

§ 8. Споры и недоразумения между комитетами и организациями разных обществ разрешаются между этими комитетами: если они не придут к соглашению, то обязаны свой спор передать Совету, постановление коего обязательно впредь до решения Учредительным Собранием.

§ 9. Получив и исполнив означенный приказ, крестьянские комитеты обязаны немедленно донести Совету о том, какое количество хлеба они могут представить в распоряжение Совета для питания рабочих, армии и прочего городского населения. Исполнительный Комитет Саратовского Совета Раб. и Солд. Депутатов. Председатель В. П. Антонов.

Дан 26 октября 1917 года.

Дополнение к приказу № 1.

«В дополнение и подтверждение приказа № 1 Саратовский Совет Рабочих и Солдатских депутатов предлагает:

1) Ввиду перехода власти к советам, немедленно избрать в каждом селении там, где бы они не были избраны Советы Крестьянских Депутатов.

2) Средства для содержания сельско-хозяйственных рабочих в экономиях, а также взятого на учет сельско-хозяйственного, живого и мертвого инвентаря и усадебных построек, впредь до решения губернского с'езда крестьянских депутатов от волостей, можно извлекать из самого хозяйства; расходам этим вести точный учет.

3) При ликвидации помещичьих хозяйств должно сообразоваться с тем, чтобы посевная площадь волости не сократилась.

4) Из взятых на учет в экономии запасов хлеба и фуража всю свободную наличность за исключением необходимого количества для весеннего сева (не оставшихся после помещичьих запасов) и содержание сельско-хозяйственных рабочих и его сельско-хозяйственного инвентаря—должно немедленно доставить в ближайшие ссыпные пункты.

Примечание: Стоимость хлеба и фуража должна быть оплачена получившей их продовольственной организацией на общих основаниях.

5) Ненужный инвентарь (как например, свиней, птиц и т. п.) в случае обременительности его содержания продать.

6) Средствам вырученным от продажи ненужного инвентаря и т. п. вести точный учет. Расходуются они исключительно на нужды вызванные содержанием взятого на учет хозяйства

Исполнительный комитет Саратовского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Председатель Антонов.

С'езд открылся 30 ноября на котором было представлено 239 делегатов от 120 волостей.

На с'езде были приняты резолюции, которые гласили:

1) Признание власти, образованной в Петрограде и призыв к об'единению трудовой демократии и организации на местах власти из советов Крестьянских Рабочих и Солдатских депутатов.

2) Выбрать 40 человек из своей среды в Губернский Исполнительный Комитет, которому и передается вся власть по губернии.

3) Одобрить мероприятия Исполнительного Комитета в части земельных реформ от 26 октября 1917 г.; распустить Земскую Управу.

4) Земля отрубщиков возвращается в заведывание всего общества и отрубщики, немцы, колонисты и казаки землей имеют право пользоваться по трудовой норме.

5) Заменить чиновничьи продовольственные органы: Губернский и уездный—Советами Комиссаров по продовольствию, приспособить промышленность к удовлетворению нужд деревни, потребовать от правительства установления твердых цен на хлеб и на остальные товары, обязать все продорганизации дать хлебные запасы на ссыпные пункты и продорганы С. С. С. К. Д., реквизировать все предметы фабрично-заводской промышленности для немедленной сдачи городским и уездным продуправам, снабжение продовольствием производить в первую очередь голодающему населению и армии.

6) Советам Крестьянских Депутатов на местах организовать крестьянскую Красную Гвардию.

7) Выдачу пайков сосредоточить в руках сельск. хоз. Советов крестьянских Депутатов; для более правильного распределения продуктов привлечь солдат.

8) Сельхоз. рабочих до весны не увольнять и предоставить им питание на это время, совместно с сельхозрабочими обсудить вопрос о их дальнейшем устройстве выработки плана.

Так ответили землеробы на призыв рабочих к совместной борьбе с хищными буржуа. Крестьянин понял, что его интересы тесно связаны с интересами пролетариата, и в результате этого об'единения, все нападавшие на завоевания Октября биты.

* * *

Крупнейшим революционным событием и последней ломкой, цитадели буржуазии, в условиях Саратова, было взятие Управления Железной Дороги. Это совершилось в ночь с 1-го на 2-е января 1918 г. [1]). Захвату Управления предшествовало собрание рабочих жел. дор. мастерских в «Колизее», которое высказалось за немедленное взятие Управления Дороги в свои руки.

Нет нужды здесь доказывать, что взятие Управления Дороги рабочими в свои руки вызвало среди управленцев сильное сопротивление ввиде забастовки и саботажа служащего и инженерно-технического персонала.

1917 год закончился в Саратове полным разгромом классовых врагов пролетариата в деле борьбы за власть Советов.

Пролетариат победил.

* * *

Справившись с первыми трудностями Саратовские пролетарии бодро и уверенно приступили к стройке своего,—рабочего хозяйства.

---

[1]) Все даты данной статьи обозначены по старому стилю.

Цитадель Саратовской контрреволюции в дни октября. Зд. Городской Управы.

МИХ. ГЕСЛЕР.

Саратовская большевистская организация десять лет назад.

(Краткий очерк).

I. КАНУН 1917 ГОДА.

Саратовская организация большевиков в 1915—1916 г.г.—«Наша Газета»—«Маяк».—Накануне Февральской революции.

Первые социал-демократические кружки возникли в Саратове еще в конце прошлого столетия. Тов Лушников в своих воспоминаниях *) сообщает об организации зимой 1896 года кружка в железно-дорожных мастерских. В 1899 г., после ряда арестов и обысков, уже возникло «дело о социал-демократической рабочей группе» и 18 человек были впоследствии (1901 г.) высланы в административном порядке в разные губернии. Организация, однако, не погибла, никакие репрессии и в дальнейшем не могли уже ее ликвидировать.

За два десятка лет, прошедших с момента возникновения в Саратове первой соц.-дем. группы до Февральской революции 1917 года, Саратовская большевистская организация видала в своих рядах много видных работников. Достаточно упомянуть о таких например, т. т., как А. И. Рыков, Г. И. Ломов, М. Н. Мандельштам (Лядов), С. И. Канатчиков, И. П. Гольденберг (Мешковский), В. П. Милютин, М. С. Ольминский, (Александров, «Галерка»), А. М. Лежава, В. П. Ногин, М. И. Ульянова, М. И. Васильев-Южин и др. В лучшие периоды своей жизни организация насчитывала до сотни и больше членов, вела чрезвычайно интенсивную работу и пользовалась большим влиянием в рабочих массах. В годы войны в Саратове, как и везде, появился застой в рабочем движении, и стало-быть и в работе организации.

Нельзя, однако, сказать, что эта работа совершенно замерла. Саратовская организация, например, в 1915 году ухитрялась даже выпускать легальный орган «Нашу Газету». Первый номер ее вышел 8 августа 1915 года, десятый (и последний)—20 октября того же года. Тираж доходил до 10.000 экземпляров.

Фактическими руководителями «Нашей Газеты» были т. т. В. П. Антонов, П. А. Лебедев и Г. И. Оппоков (Ломов). Живейшее участи в газете принимал и М. С. Александров (Ольминский). Подписка шла не только из Саратова, но и из Москвы, Питера, Одессы, Харькова, Н.-Новгорода, Екатеринослава, Иваново-Вознесенска, Ростова-на-Дону, Тифлиса, Ташкента, Иркутска и др. городов. А какое отношение встретила «Наша Газета», в рабочих массах,—об этом лучше всего говорили многочисленные письма рабочих.

«Разразилась война,—писала группа приказчиков и рабочих г. Витебска,—и не стало рабочей прессы. В ее лице рабочий класс потерял защитника своих интересов, стойкого борца за правду, свободу мысли и лучшее будущее человечества. Уже много жертв пало в этой борьбе, много их падает еще, но свободное слово задушить невозможно.

*) Гр. Лушников. «Воспоминания о возникновении в Саратове соц.-демократической рабочей группы»: журнал «Коммунистический Путь» орган Сар. Губкома ВКП (б) № 10 (35), Ноябрь 1923 г., стр. 171—185.

И вот снова зазвучал этот голос, радостно отозвались ему... Пусть же мощно и гордо звучит голос правды, пусть ширится и крепнет наша рабочая печать, честно отражающая переживания чаяния рабочего люда».

«Мы, группа столяров и паркетчиков Петрограда, горячо приветствуем «Нашу Газету» и тех товарищей, которые создали в такую трудную минуту необходимый светильник, дабы указать верный путь сбитому с дороги пролетариату России. Мы надеемся и глубоко верим, что голос Саратовских товарищей услышит весь пролетариат России и поддержит морально и материально «Нашу Газету».

Но «голосу правды», как ее назвали витебские товарищи, недолго пришлось звучать. 20 октября 1915 года «Наша Газета» была закрыта на 10 номере (газета выходила еженедельно) и номер был конфискован (кроме 10-го, подвергся конфискации так-же 7-й номер). Маленькая отдушина, через которую после долгих месяцев молчания снова раздался свободный голос, была грубо заткнута жандармской рукой.

Саратовской организации, таким образом, не удалось на длительный период времени использовать легальную печать для пропаганды своих взглядов и организации масс. Но вскоре были найдены иные пути и возможности. Еще с 1912 года существовало в Саратове просветительное общество «Маяк»; руководила его деятельностью либерально-настроенная интеллигенция. На это-то общество и обратили свое внимание большевики. В середине 1915 года им удалось создать в правлении «Маяка» твердое ядро партийцев, после чего «Маяк» резко изменил свою работу и содержание ее, и сделался своего рода организующим центром для всех революционных элементов. В «Маяке» читались для рабочих популярные лекции на всевозможные темы, культурно-просветительная работа вообще была там поставлена очень хорошо, а постановка ее (и всей работы «Маяка») была такая, что, попав в «Маяк», рабочий незаметно для самого себя приобретал целостное революционное мировоззрение, и если не все, то очень многие из «маяковцев» становились впоследствии большевиками.

«Маяк» для Саратова,—говорит в своих воспоминаниях Виктор Бабушкин,—сыграл большую роль: он дал много революционеров, которые до сих пор борятся в рядах коммунистической партии за лучшее будущее. Самими активными деятелями в октябре 17 года были маяковцы, и Саратовский Октябрьский переворот исключительно обязан маяковцам; в дни Керенщины, маяковец был и на заводе, и в казарме, и на улице, а в октябре—первым на баррикадах» *).

Руководители «Маяка» в 1915—1916 г.г. были, по словам того же тов. В. Бабушкина, т. т. В. П. Антонов, Юрий Милонов, Г. И. Оппоков-Ломов, С. Раппопорт, М. Розенштейн и Иоффе; из эсеров—И. Ф. Платонов (оказавшийся провокатором). Несмотря на неоднократные разгромы большевистской организации, «Маяк» уцелел; до самой февральской революции 1917 года, он так и не переставал быть центром всей легальной работы партии.

Но не все сосредоточилось исключительно в «Маяке». Здесь можно было вести или легальную просветительную работу или полулегально, под видом этой работы, укреплять связь партии с массами, вербовать новых сторонников большевизма; «Маяк» был только одним из звеньев, рычагов работы с.-д. организации. Остальная часть работы проходила на местах, в кружках, группах и т. д. Трудно было вести эту работу, организация не раз подвергалась жестоким разгромам, выхватывались и

*) Виктор Бабушкин. «Маяк» 1915—1916 г. г .«Февраль», сборник воспоминаний о 1917 годе, Саратов 1923 г. Гиз. стр. 10—16.

высылались руководители (например, в 1916 г. в апреле были высланы из Саратова в Сибирь т.т. В. П. Антонов, П. А. Лебедев и Г. И. Оппоков); часто приходилось начинать все с самого начала: восстанавливать связь, кружки и т. д. Во время же войны, тем более трудно было восстановить нормальные условия подпольной деятельности.

Все же такая попытка была сделана в середине 1916 года. В один из праздников была устроена массовка за городом, близ Кумысной поляны. Присутствовало на ней около 60 человек. Здесь, на массовке была избрана инициативная группа в составе т.т. Воробьева, Плаксина, Марциновского, Букина и Гульбиса. Группе было поручено организовать кружки. В короткое сравнительно время было создано 6 кружков: на заводе «Жесть», среди портных, среди латышей, у железнодорожников (2 кружка) и один женский. Кружки разбирали «Эрфуртскую программу» Каутского, Богдановскую «политэкономию», «финансовый капитал» Гильфердинга и др. книги и брошюры. В общем работа кружков протекала удовлетворительно [1]).

О составе Саратовской организации большевиков, того времени, полных и точных сведений не сохранилось. Тов. В. И. Антонов в своей книге «Под стягом пролетарской борьбы» перечисляет только наиболее активных работников (сведения относятся к концу 1915 года). Это: т.т. С. В. Борисов, М. П. Артемьев, В. М. Корнеева, И. А. Галактионов, М. И. Хрынин, Саратов, М. Розенштейн, П. Т. Лосев, М. К. Савельев, Г. Д. Курулев, Степанов, В. Ф. Бабушкин, И. П. Ерасов, В. Ф. Букин, В. Погонялин, А. Тимофеев, Егоров, Ананьев, Ильинский, Муравлев, Большаков Михаил (все рабочие), М. Ольминский, Г. Оппоков, Ю. Милонов, С. Мицкевич, П. Лебедев, С. Раппопорт, Томас, Зирка, Богданова Е., С. Уралов, М. Костерин, С. Нацаренус и С. Лазарев. Ежемесячные сводки охранки за 1916 год охватывают больший круг лиц, но точность этих сводок находятся под большим сомнением: охранка включала в список всех подозреваемых в принадлежности к партии, часто не разбираясь во фракционных оттенках; с другой стороны, многие ускользали из поля зрения «недреманного» жандармского ока. Во всяком случае, перед февральской революции в составе Саратовской организации насчитывалось несколько десятков активных членов. Из более видных работников находились в Саратове в момент февральской революции т.т. В. П. Милютин и М. В. Васильев-Южин. Функции комитета выполняла уже упоминавшаяся «инициативная группа» (только вместо выбывшего Воробьева в ее состав был кооптирован М. И. Хрюнин).

II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Первые собрания.—Комитет.—С.-Д. организация и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.—Устав организации.—«Социал-Демократ».

Февральский переворот в Питере явился для саратовской большевистской организации несколько неожиданным. Однако, организация быстро учла создавшееся положение и с первых же шагов развила энергичную работу. А работы было много: выборы в Совет Рабочих Деп., организация масс, перестройка всей деятельности применительно к новым, легальным условиям. И, прежде всего, оформление самой соц.-дем. организации, которая, как мы раньше видели, не имела даже соответствующего руководящего органа.

[1]) К. Плаксин и А. Марциновский.—«Накануне» (воспоминания). Сборник «Февраль» стр 8—10.

К созданию последнего и было приступлено в первые же дни февральской революции. В «Маяке» собрались старые подпольные работники. На повестке собрания стояли вопросы: 1) Отношение к войне и 2) легализация организации и выборы комитета. Как указывают в своих воспоминаниях т. т. Плаксин и А. Марциновский, собрание это происходило 2-го или 3-го марта (по новому стилю 15 или 16). По вопросу о войне возобладала пораженческая точка зрения (лишь один товарищ занял так называемую революционно-оборонческую позицию). По второму вопросу было постановлено легализироваться, но с тем, чтобы новый комитет вел работу все же полулегально, учитывая неопределенность положения. Были предложения и о нелегальной работе комитета.

Комитет был избран в таком составе: Милютин, Фенигштейн (Долекций), Плаксин, Марциновский, Васильев, Хрынин и Раппопорт. Председателем комитета—Милютин [1]).

На первых порах своей работы новому комитету пришлось обсуждать вопрос о взаимоотношениях с меньшевиками. Последние предлагали создать об'единенную организацию; были среди членов комитета товарищи, склонные к удовлетворению этого предложения, но верх взяла все же точка зрения, сводившаяся к необходимости полного размежевания; меньшевики принялись за создание своей организации.

Развертывать свою работу большевистской организации пришлось, прежде всего, в направлении участия в выборах и деятельности Совета Раб. и Солд. Деп. Виднейшие деятели соц.-дем. организации входили и в Совет и в Исполком его, но как и везде, в первые месяцы революции большевики были в Советах в меньшинстве. В саратовском Совете они завоевали большинство лишь в сентябре 1917 года, в 3-м созыве, а до этого гегемония оставалась исключительно за меньшевиками и эсерами, и вся политика Совета так же диктовалась этими двумя партиями. Однако, внутри Совета большевики успешно развивали свою деятельность: не менее успешно она проходила и в рабочих массах, как мы увидим впоследствии. В первые же дни и недели революции большевистской организации необходимо было закончить свое оформление, сконструироваться, так сказать, и естественно, другие задачи на первых порах отходили на более отдаленный план.

Первое открытое общее собрание большевистской организации состоялось 25 марта (7 апреля). Председательствовал на нем т. П. А. Лебедев. 29 марта (11 апреля по новому стилю) собрались активные работники (на этом собрании было постановлено: 1) немедленно приступить к образованию фракции в С. Р. и С. Д.; 2) организовать военную группу Р. С. Д. Р. П., причем организация была возложена на т.т. Куликова и Соколова, 3) создать ораторскую коллегию). 31 марта (13 апреля) было устроено 2-е общегородское собрание организации. 10 (23) апреля—третье.

На первом же общем собрании был принят временный организационный устав, который мы проводим здесь целиком.

ВРЕМЕННЫЙ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ УСТАВ САРАТОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. С.-Д. Р. П.

1. Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию.

---

[1]) К. Плаксин и А. Марциновский—«Накануне». Сборник воспоминаний «Февраль». ГИЗ—1922 г. гор. Саратов.

ПОД РУКОВОДСТВОМ ИХ

Саратовский пролетариат взял власть в свои руки.

т. АНТОНОВ В П.
Председатель Саратовского Совета.

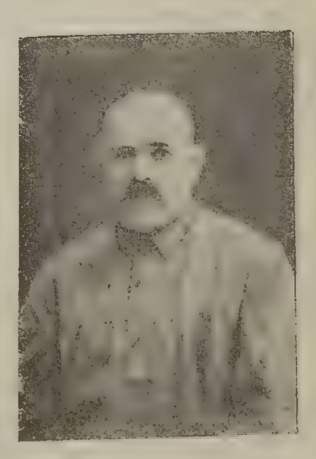

т. ВАСИЛЬЕВ М. И.
Товарищ председат Саратовского Совета.

Члены первого легального Комитета Саратовской организации ВКП (б).

т. ПЛАКСИН К. И. (слесарь).

т. МАРЦИНОВСКИЙ А. М.
(столяр).

2. Низшей организационной ячейкой является заводское или цеховое собрание, которое избирает заводский комитет.

Примечание. Т.т. с.-д., не работающие в предприятиях, а являющиеся представителями интеллигентных или каких-либо других профессий, могут входить в одну из заводских организаций в качестве ее пропагандистов или другого рода сотрудников на равных правах со всеми ее членами или же организовать самостоятельную ячейку, которая наравне с заводскими организациями входит в состав местной партийной организации.

3. Весь город делится на пять районов: 1) береговой, куда входят все мельницы, лесопилки, грузчики, судовые и вообще береговые рабочие, 2) городской, куда входят портные, столяры, кузнецы, булочники, приказчики, типографские рабочие, служащие, студенты и т. п.; 3) фабрично-заводской, куда входят механические заводы, разные мастерские, фабрики и др. фабрично-заводские предприятия; 4) железнодорожный, куда входят железнодорожные мастерские, депо, князевские мастерские, телеграфн. маст., управление и др.; 5) военный, куда входят все войсковые части, находящиеся в городе.

4. В случае необходимости внутри района могут быть образованы подрайоны.

5. Районное собрание, состоящее из всех членов данного района, выбирает районный комитет.

6. Каждый районный комитет обладает самостоятельностью в решении вопросов, касающихся постановки работы в районе, пользуется правом издавать по вопросам района литературу и созывать (не реже 4-х раз в месяц) районные собрания от своего имени и за своею ответственностью.

7. Высшей партийной инстанцией является общее собрание всех членов саратовской организации, которое выбирает главный исполнительный орган—городской комитет.

8. Городскому комитету принадлежит идейное и организационное руководство всей местной организацией.

9. Состав комитета определяется в 15 человек.

10. В числе 15 человек городского комитета общее собрание всей партии избирает 5 ответственных городских организаторов, одного ответственного организатора—агрария, одного ответственного пропагандиста-агитатора, одного ответственного организатора милиции, одного ответственного литератора, а также по одному ответственному представителю от образующихся фракций (например, фракция в Сов. Раб. и Сол. Деп. фракция в продовольствен. собрании, фракция в местное самоуправление).

11. При комитете состоят коллегии пропагандистов и агитаторов, коллегии литераторов и др., обслуживающие партию, организаций.

12. Не реже одного раза в месяц комитет собирает общее собрание всех членов местной партийной организации и отдает ему отчет в своей работе и представляет денежный отчет; предлагает на обсуждение проект работы на предстоящий месяц и приблизительный проект сметы расходов.

Примечание. По инициативе не менее 30 членов городской комитет обязан созвать экстренное общее собрание.

13. Все комитеты выбираются на три месяца.

Обсуждало собрание и вопрос о своевременном политическом моменте (докладчик тов. Фенигштейн). По этому вопросу была вынесена резолюция следующего содержания:

Обсудив вопрос о своевременном политическом моменте, общее собрание членов саратовской организации РСДРП признает:

1) Несмотря на то, что революция совершена рабочим классом и революционной армией, т.-е. теми же рабочими и крестьянами, **власть формально передана в руки идеологов и представителей имущих классов.**

2) В силу чего **Временное Правительство, состоящее из представителей буржуазии, не может разрешить всех вопросов и задач, созданных революцией.**

3) До сих пор оно только под давлением революционных сил пролетариата и революционной демократической части армии, без собственной инициативы, ведет борьбу с остатками старого строя и вводит самые необходимые изменения.

4) **Перед рабочим классом стоит громадная задача—довести дело революции до конца.** Он должен своей организованностью, силой и единством с революционной армией и крестьянством реализовать нашу программу-минимум.

5) В этой борьбе он встретит противодействие и должен готовиться дать отпор нарастающей реакции со стороны господствующих классов.

В виду этого **рабочий класс, организуясь самостоятельной классовой единицей, будет поддерживать лишь те начинания Временного Правительства, которые согласны с его требованиями, и должен готовиться к решительной борьбе с контр-революцион. попытками, с какой бы стороны они ни исходили, и препятствиями развитию революции во всех проявлениях политической, социальной и экономической жизни.**

Комитет на этом собрании избран не был (существовавший комитет считался временным): не был он избран и на втором собрании. Лишь третье обще-городское собрание 10 (23) апреля избрало, наконец, комитет. Согласно принятому организацией уставу, в комитет вошло 15 товарищей: В. П. Милютин, П. А. Лебедев, В. П. Антонов, К. Плаксин, Алексеев, М. И. Васильев, Раппопорт, Соколов, Хрынин, Фенигштейн, Мгеладзе (Вардин), Вайнтруб, Марциновский, Абрамов и Гульбис, кандидатами к ним т.т. М. Цейтлин, Тихомирова и Букин. На означенном собрании присутствовало 200 членов партии (на собрании 25 марта около 150).

К этому времени саратовская организация имела уже свой печатный орган. 23 марта (15 апреля) вышел первый номер газеты «Социал-Демократ»—органа саратовского комитета РСДРП.

В передовой статье № 1 (»Наш путь»—ст. В. Милютина) газета намечала задачи, стоящие перед революционным пролетариатом и его партией.

«Мы свергли старый **политический** строй, но старый **экономический** строй остается в полной силе,—характеризовала газета сложившуюся в результате Февральской революции обстановку.—...Власть капитала остается... Борьба рабочего класса с капиталистами за свои интересы и за благо человечества **неизбежна...** Когда будет строиться новый политический строй страны, нужно твердо знать, что мы должны укреплять наши классовые организации, что мы должны быть готовы к борьбе...

... Социал-демократическая партия является передовым отрядом рабочего класса... Наша очередная задача—сплотить все наши силы, укрепить нашу организацию и твердой рукой провести нашу программу в жизнь, и в первую очередь наши основные требования:

демократическую республику,
8-ми часовой рабочий день,
конфискацию помещичьих земель».

Таким образом, мы видим, что саратовская большевистская организация уже в первые дни и недели революции занимала правильную позицию по всем основным вопросам: в вопросе о власти, о войне, о текущем моменте. Способствовало этому то, что в Саратове работал ряд старых большевиков, руководству которых организация и обязана тем, что ей удалось почти совершенно избежать возможных идеологических колебаний..

Организация быстро росла. Доступ в партию в то время был совершенно свободен, приносила свои плоды и усиленная вербовочная работа, и в результате к апрелю 1917 г., спустя лишь месяц—полтора после Февральского переворота, организация насчитывала в своих рядах свыше 1500 членов. На очередь встал вопрос о созыве общегородской партийной конференции, каковая и состоялась 17 (30) апреля.

III. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ.

Апрельская и июльская общегородские конференции.—Выборы в Городскую Думу.—Большевизация Совета.

На апрельской конференции присутствовало 16 делегатов (кроме того, с совещательным голосом, члены комитета). Из докладов с мест и отчета комитета выяснилось, что организация сильно выросла в количественном отношении: на некоторых предприятиях рабочие поголовно записались в партию (из доклада представителя фаб.-зав. района). Но работа еще недостаточно развернулась: представители районов могли сообщить конференции лишь о нескольких собраниях членов партии и—все [1])

На конференции также стоял вопрос об об'единении партии. Докладчик т. Мгеладзе (Вардин) проводил ту мысль ,что об'единение «во что бы то ни стало» невозможно, и возможность или невозможность об'единения определяется отношением к войне и Интернационалу. Об'единение с оборонцами, таким образом, исключается, но докладчик считал таковое возможным с меньшевистским центром—Организационным Комитетом и группой «Рабочей Газеты», отвергая позицию т. Зиновьева, высказывавшегося в «Правде» за об'единение только с так называемой циммервальдской левой, т.-е. с левым крылом циммервальдского об'единения интернационалистов.

Такая точка зрения докладчика встретила отрицательное отношение со стороны ряда товарищей, выступавших в прениях. Общее мнение было такое: об'единять следует только интернационалистов. В таком духе и была принята резолюция:

«Обсудив вопрос об об'единении различных с.-д. течений, конференция саратовской организации с.-д. большевиков приходит к следующим выводам:

1) Империалистическая война внесла глубокое расслоение среди социалистов всех стран. Во всей Западной Европе вопрос об отношении к войне вырыл между социал-шовинистами и интернационалистами непроходимую пропасть. Через эту пропасть мост не может быть перекинут.

2) Такой же процесс деления и расслоения имел место и в России. И здесь, как в Западной Европе, выявили себя и вполне успели идейно оформиться два течения: социал-националистическое и интернационалистическое. Никакого единения между этими течениями быть не может.

---

[1]) Впрочем по краткому газетному отчету нельзя судить о содержании докладов; протоколов же и др. материалов, относящихся к этому периоду не сохранилось.

3) Зато возможно и необходимо точное организационное слияние всех течений, признающих и ведущих интернационалистическую политику, т.-е. отвергающих «гражданский мир», стоящих на почве непримиримой классовой борьбы, ведущих борьбу за немедленное окончание мировой войны. Конференция выражает твердую решимость добиться такого единения, несмотря на возможные разногласия по некоторым вопросам пролетарской тактики».

После июльских дней была созвана вторая общегородская конференция. На ней естественно, стержнем был вопрос о **текущем моменте**—об отношении к июльским событиям и дальнейших задачах и тактике большевистской партии. Докладчиком и на этот раз выступал т. Мгеладзе. И снова в его докладе сквозили неверные нотки. Общую оценку контр-революционной роли мелкой буржуазии и ее партии (меньшевиков и эсеров) докладчик в общем дал правильную, но выводы его доклада шли в разрез с линией партии. Вот что говорил т. Мгеладзе:

«Цели и задачи революции могли быть разрешены лишь при разрыве с капиталистами и при окончании войны. Но разрыва с капиталистами нет, война продолжается, и мы видели, что первая стадия революции закончена.

«Когда на Западе грянет буря революции, когда под влиянием этой революции снова раскроются двери тюрьмы, тогда и задачи нашей революции получат осуществление. А сейчас все наши силы, всю нашу энергию мы должны направить на дело партийного строительства. Будем ли мы работать открыто или снова загонят нас в подполье, перед нами одна обязанность—быть стойкими и верными борцами международного социализма». («Соц.-Дем.» № 55).

Доклад вызвал, как указывает в своей книге («Под стягом пролетарской борьбы») т. Антонов, продолжительные (длившиеся два дня) прения. Сам т. Антонов и другие товарищи стояли за старый лозунг перехода власти в руки Советов; такого же мнения, очевидно, придерживалось и большинство организации. По крайней мере, в то время, когда т. Ленин (брошюра «К лозунгам») высказывался за снятие лозунга «вся власть Советам» и писал, что этот лозунг может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к **данным** (т.-е. соглашательским—М. Г.) Советам, а говорить это, призывать к этому, значило бы теперь обманывать народ» (собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 18), официальные ораторы саратовской организации большевиков выступали в заседании Саратовского Совета (20—7 июля 1917 г.) с предложением **«о немедленном переходе власти в руки центрального исполнительного комитета Советов»** (политическая резолюция большевиков, «Изв. Сар. Сов.» № 58 и 59 за 1917 год).

Это было ,конечно, крупной ошибкой. Но большого значения она практически не имела: тот же т. Антонов признается: «разноязычному состоянию наших организаций положила конец сама партийная масса» [1]).

В этот период (июль 17 года) проходили в Саратове выборы в **Городскую Думу.** Результаты их оказались не совсем неблагоприятными для большевиков: выступая против буржуазных партий и об'единенных сил меньшевиков и эсеров, большевики заняли второе место по числу полученных голосов. Вот как распределялись силы: список № 1 (трудовики и народные социалисты) получил 2683 голосов, № 2 (кадеты)—6690, № 3 (союз домовладельцев)—1905 голосов, № 4 (меньшевики—эсеры и Бунд)—34564, № 5 (группа «единства»)—1075, № 6 (блок трех ев-

[1]) В. П. Антонов. «Под стягом пролетарской борьбы», стр. 116.

рейских социалистическ. партий)—330, № 7 (сионисты)—1305 и № 8 (большевики)—6931. («Пролетарий Поволжья» № 32 1917 г.; тов. Антонов в цитированной уже книге приводит несколько иные цифры, а именно: за список № 1 подано—2417 голосов, № 2—6654, № 3—1558, № 4—36476, № 5—1117, № 6—280, № 7—1148 и № 8—7182).

Большевики получили в Думе 13 мест (прошли: Васильев М. И., Лебедев П. А., Ковылкин С., Плаксин К., Мицкевич С., Золин, Милютин В. П., Мизеркевич, Чугунов, Романенко, Мгеладзе (Вардин), Лалов и Антонов В. П.).

После корниловских дней (конец августа по старому стилю) начался по всей стране стихийный отход масс от соглашательских партий, что прежде всего, отразилось на составе Советов, которые (в результате перевыборов и отзыва депутатов избирателей) один за другим приобретали большевистский облик. Не миновал этот процесс и Саратова.

Теперь у большевистской организации была прочная опора в местном Совете. Сюда, в Совет, и был перенесен центр тяжести всей работы организации. Так что к моменту Октябрьской революции существовали налицо все предпосылки для успешного перехода власти в руки Совета и в Саратове.

IV ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Перед восстанием. — Настроение масс и работа большевистской организации. — Областной с'езд Советов. — Октябрь.

Тов. М. Васильев (Южин) в своих воспоминаниях об Октябрьских днях в Саратове рассказывает:

«В первых числах октября в Саратов приехал из Петербурга тов. В. П. Милютин, бывший еще в то время членом ЦК партии.

— Поддержат ли саратовские рабочие и солдаты Петроград, если там вспыхнет восстание против Временного Правительства?—спросил он меня при первой же встрече.

В тоне его голоса слышалась некоторая растерянность и сомнение.

— За большинство рабочих и солдат местного гарнизона я ручаюсь,—спокойно ответил я.—Больше того: я не ручаюсь, что солдаты не подымут восстания в ближайшее время, независимо от Петербурга. Затяжка войны, июньское настроение и предательство Корнилова страшно вооружили их против Керенского и соглашательских партий. Мы с трудом удерживаем их от преждевременного выступления. А как в Петербурге?

— Там то же самое. Ленин настаивает на немедленном свержении Временного Правительства. Но значительная часть членов ЦК партии против.

— Ленин прав. Если мы не хотим, чтобы поднялось стихийное движение, осужденное, быть может, на неудачу, мы должны стать во главе его.

— Хорошо. Я сообщу о настроении Саратова ЦК» [1]).

Настроение было, действительно, вполне определенное. Мы уже отметили первый предвестник этого настроения—большевизацию состава Саратовского Совета (обоих его секций, т.-е. и рабочей, и солдатской). В Совете большевики имели подавляющее большинство; в массах, тем более, их влияние было преобладающим. Сама большевистская организация г. Саратова, по свидетельству т. В. П. Антонова, уже к июлю 1917 года включала в свой состав до 3½ тысяч членов и в том числе целый ряд

[1]) М. И. Васильев.—Октябрьская революция в Саратове (воспоминания). Сборник «Пять лет пролетарской борьбы». Саратов. ГИЗ—1922 г. Стр. 8.

крупных работников и массовиков-агитаторов и организаторов. В ней работали т.т. В. П. Милютин (до апрельской всероссийской конференции большевистской партии), М. И. Васильев-Южин, П. А. Лебедев, С. И. Мицкевич, И. В. Мгеладзе (Вардин), Г. Я. Фенигштейн (Долецкий), Е. В. Кссолапов, М. В. Смидович-Милютина, Е. Н. Богданова (ныне зав. бюро жалоб Сар. губ. РКИ), Э. Р. Петерсон, Н. М. Маркова, С. К. Минина, Е. К. Романенко, З. И. Лебедева, Н. Гончаров, В. Н. Соколов, П. Г. Жебров, В. П. Куликов, Ходакова, С. Я. Раппопорт, Р. Ю. Гульбис, Н. М. Кизичев, А. Ф. Павлов, О. Генкин и из рабочих: С. Т. Ковылкин (столяр, ныне работает в правлении волжского госпароходства), К. И. Плаксин (слесарь; в последние годы—предс. сар. ГСПС и теперь—пред. ярославского ГСПС), А. М. Золин (пом. машиниста), Т. К. Чугунов (слесарь; теперь—предс. Сар. ГИК), Я. Я. Мизеркевич (литейщик), П. И. Лалов, И. Т. Егоров, Я. Ф. Стыпнек, И. А. Галактионов, Н. И. Беляков, В. Ф. Букин (слесарь; в 1920 г. умер от тифа), М. К. Савельев, А. П. Чибряков, В. Корнеева, А. М. Марциновский, М. И. Хрынин, А. Агеев, В. Бабушкин, И. П. Ерасов, М. И. Дроздов, С. С. Кособоков (умер в 1920 г.), Л. Каганович (ныне ген. секретарь КП (б) У) и ряд других.

С таким составом можно было развить какую угодно работу. И результаты не долго заставили себя ждать. Революционное настроение в массах определилось уже в августе—сентябре, и определилось с недвусмысленной выразительностью. Показателями этого настроения могут служить резолюции рабочих собраний этого периода. Вот одна из них:

«Мы, рабочие и служащие заводов т-ва Бушкова, в числе около 4000 человек, энергично требуем:

1. Беспощадной борьбы с контр-революционными силами, беспощадной расправы с Корниловым, его соучастниками и пособниками.

2. Немедленного разгона Государственной Думы и Государственного Совета и всех контр-революционных организаций.

3. Немедленного вооружения рабочих в форме фабричной и заводской милиции.

4. Немедленного освобождения всех, арестованных и томящихся в тюрьмах, наших товарищей большевиков-интернационалистов.

5. Реорганизации власти на началах не соглашательства с буржуазией, а соглашения со всеми частями революционной демократии: рабочими, солдатами, беднейшими крестьянами.

6. С целью вырвать почву из-под ног контр-революции, которая еще питается экономической разрухой, немедленно решительным образом упорядочить жизнь страны и принять самые решительные и энергичные меры борьбы за мир.

7. Всякие попытки заключить гражданский мир с контр-революционными классами, капиталистами должны быть отброшены.

8. Корнилов и его сторонники должны быть немедленно арестованы и преданы суду.

9. Необходимо решительным образом бороться против клеветнической деятельности буржуазных газет и партий, направленной на разложение демократии и армии». («Соц.-Дем.» № 65 от 10/IX 1917 г.).

В этой резолюции еще не чувствуется правильного понимания задач, стоявших перед революционным пролетариатом, уже в эти дни (сентябрь); так, напр., резолюция требует организации власти на основе «соглашения со всеми частями революционной демократии», не вдаваясь в детали, не раз'ясняя, в **какой же форме** должно произойти такое соглашение и **кем (Советами?** другими органами?..) должна быть организована власть.

Более ясно ставится вопрос о власти в резолюции 3-х-тысячного митинга рабочих и солдат г. Камышина, состоявшегося 8 октября.

«Добиваться всеми имеющимися у нас средствами передачи власти в руки рабочих, солдат и беднейшего крестьянства, которая (власть) действительно может довести страну до Учредительного Собрания». («Соц.-Демократ», № 76 от 19/X 17 г.).

Чем ближе к Октябрю, тем явственнее и внушительнее звучат такие голоса в рабочей и солдатской среде. Неравнодушной к большевистской пропаганде остается и **деревня:** сюда также передается революционный под'ем, охвативший города.

«Я сейчас нахожусь в Балашовском уезде, Сарат. губ.,—пишет в «Соц.-Демократ» тов. М. Долгов.—Я был в нескольких селах и даже удивился. Здесь образцовая организация, крестьяне почти все пропитаны большевистским духом. Когда я был в селе Зубриловке, там было собрание; я пошел послушать и мне пришлось сказать несколько слов по просьбе знакомых товарищей; и что же? Когда я им сказал, что я—большевик, крестьяне начали просить, чтобы я им сказал, как они должны руководствоваться и что делать с землей помещиков. Я им говорил: все надо взять на учет комитету; они так и сделали; эсеры потеряли силу; если еще где есть, то доживают последние дни... Я ездил в село Юсупово... крестьяне были удивлены, что от них все скрыли эсеры, и обещались, что будут голосовать в Учр. Собрание за партию большевиков; они говорили, что эта партия—единственная их защитница». («Соц.-Дем.» 19/X 1917 г. № 76).

Из самих рядов соглашательских партий бежали их члены. Нижеследующий документ—постановление рабочего коллектива партии эсеров при профсоюзе колбасников [1]) г. Саратова—в этом отношении крайне характерен:

«Признавая тактику соглашательства с буржуазией вредной делу революции и считая себя, как членов партии, косвенно виновными в торможении завоеваний действительной свободы, и признавая партию с.-д. большевиков единственной защитницей рабочего класса против гнета капиталистов,—**заявляем о своем выходе из партии (эсеров) и присоединяемся к товарищам с.-д. большевикам».** («Соц.-Дем.» 26/X 1917 г. № 78).

Это был уже самый канун решительных боев. Рабочие красной столицы готовились к штурму, но и другие города не отставали. В Саратове вопрос о власти был поставлен ребром на происходившем 15—16 октября (по ст. стилю) **областном с'езде** (или конференции) **Советов Р. и С. Д. Поволжья.**

С'езд собирался в крайне напряженной атмосфере. Чувствовалось, что ближайшие же дни будут решительными. И с'езд должен был сказать свое веское и окончательное слово. С'езд это слово сказал. По вопросу о власти была принята голосами большевиков и им сочувствующих (в том числе части левых эсеров) следующая резолюция:

«1. Русская революция совершилась в такой обстановке международной и национальной, когда все выдвинутые ею вопросы могут быть разрешены только за счет и против имущих классов. Развитие революции в сторону действительного разрешения вопросов экономического, финансового, продовольственного, земельного и, наконец, вопроса о войне,—означало крайнюю обостренность классовой борьбы, исключающую всякую возможность гражданского мира.

---

[1]) Собрание было 22/X—17 г. (по ст. стилю); присутствовало на нем 50 членов коллектива.

2. Русская буржуазия с первого момента революции обнаружила свою контр-революционную сущность. Политика коалиции, политика соглашения правых эсеров и меньшевиков с буржуазией, не только не разрешила ни одного из поставленных революцией вопросов, а привела к господству буржуазной диктатуры—бонапартизму Керенского—Корнилова. Эта политика в угоду международным разбойникам-империалистам бросила революционную армию в наступление, отдав судьбу ее в руки контр-революционного командного состава, систематически предававшего ее. Эта политика привела к полному расстройству народного хозяйства, голоду, финансовому банкротству и, укрепив международный союз хищников империализма против русской революции, поставила революционный народ перед угрозой заключения международными разбойниками империалистического мира за счет русской революции для удушения ее.

3. Мятеж Корнилова сорвал завесу с глаз измученных и истерзанных соглашательской политикой народных масс. Революционная волна поднимается все выше и выше....».

Дальше в резолюции говорится о провокационной политике правительства Керенского, указывается на опасность, грозящую революции в результате этой политики, и делается вывод:

«4. Исходя из всего вышеизложенного, третий областной с'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет:

а) что этому безответственному перед демократией правительству, провоцирующему гражданскую войну, он **не окажет никакого доверия, никакой поддержки,**

б) **что единственным выходом из создавшегося положения является немедленный переход власти к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».**.

Резолюция, как уже говорилось, была принята с'ездом. За нее голосовало 28 делегатов, против—12. Эти двенадцать человек, голосовавших против, были меньшевики и эсеры [1]). После принятия резолюции о власти и другой резолюции—о земле, меньшевики и эсеры заявили о своем уходе со с'езда; всего ушло 14 человек. С'езд, однако, не был обескуражен этим уходом [2]) и продолжал свои заседания. Между прочим, как сообщает в своих воспоминаниях делегат с'езда от Новоузенского уезда, т. Охрименко,—губернский комиссар Вр. Правительства, меньшевик Топуридзе, после ухода соглашателей, отдал распоряжение—поставить охрану в зале заседаний и не пускать туда делегатов. Охрана, однако (солдаты 92 пех. полка), узнав, в чем дело, сняла караул и осталась на с'езде в качестве гостей. Характерный штрих!

Спустя 2 дня, 18 октября, эсеры выступили на заседании исполкома Сар. Совета с декларацией о выходе из состава исполнительных органов Совета и секций, мотивируя этот выход тем, что они **не могут и не хотят** брать на себя ответственности за «гибельную для дела революции тактику большевиков».

Между тем, дней до развязки оставалось уже очень немного. 25 октября, в тот самый день, когда питерские рабочие одержали по-

---

[1]) Состав с'езда, по данным меньшевистской газеты «Пролетарий Поволжья» (№ 115, 17/X—1917 г.), был такой: 8 меньшевиков, 4 эсера, 8 левых с.-р., 1 примыкающий к меньшевикам и остальные большевики. Последних, вероятно, было больше двух десятков (точное число мы не могли найти в материалах губистпарта).

[2]) Тов. В. П. Антонов в книге «Под стягом пролетарской борьбы» указывает (стр. 139), что резолюция об отношении к правительству была принята по его (Антонова) предложению 16 октября Сар. **Советом.** Указаний на заседание Совета, относящихся к этому дню, мы не нашли; возможно, что тов. Антонов ошибся, спутав с'езд Советов с пленумом Совета.

беду над правительством Керенского, слух об этом дошел и до Саратова. Большевистская организация немедленно начала действовать.

«В 6 часов вечера 25 октября,—пишет т. В. П. Антонов,—состоялось совещание трех партийных комитетов (больш., меньш. и соц.-рев.). Председателем его был избран меньшевик Чертков. Мы отказались от выборов председателя. Чертков доложил о том, что в Петербурге началось большевистское восстание, которое в данный момент, очевидно, подавляется «демократией» силой оружия. Необходимо удержать от безумных шагов провинцию и, в частности, Саратов. Чертков от имени комитетов меньшевиков и эсеров надеется, что благоразумие возьмет верх у саратовских большевиков и они, осудив петербургскую «авантюру», сохранят единый фронт демократии.

На эту тираду Васильев, отмечая факт полной неизвестности саратовским большевикам о событиях, категорически заявил, что ни политически, ни нравственно местный комитет не может осудить питерцев. С искаженным от злости лицом выступил тогда Александр Минин и в резкой форме обрушился на нас.

Я поддержал т. Васильева. Третий из наших руководящих товарищей—П. А. Лебедев, солидаризируясь с нами, предлагал не таиться, до конца раскрыть все карты, показать текст телеграммы и выражал сомнение в достоверности сообщенных сведений о событиях.

После нескольких ораторов с противной стороны, нам был в упор поставлен вопрос: поддерживаем ли мы петроградское «безумие»—да или нет?!.

— «Да, поддерживаем и... до конца,—ответили мы» [1]).

Ночью 26 октября Саратовский Совет огромным большинством постановил присоединиться к питерскому восстанию. Кучка меньшевиков и эсеров после этого постановления отказалась работать в Совете; ее лидеры вместе с думцами попытались было вооруженной рукой бороться против власти Советов. Но борьба оказалась непродолжительной, за думским комитетом «защиты революции» (защита от революции, как его метко охарактеризовал один из большевиков — гласный, тов. Мицкевич) не пошли массы; встали на защиту этого «комитета защиты» только юнкера, офицеры да часть гимназистов, студентов и т. д.

28 октября 1917 г. борьба с думцами была закончена полной победой Совета. Началась работа по организации новой власти, которой (т. е. власти Советов) пришлось еще много увидеть трудностей на своем пути, натолкнуться на много препятствий (саботаж старых служащих и чиновников, контр-революционные заговоры и восстания и т. д.), но красное знамя пролетарской революции с честью несли все эти десять лет саратовские рабочие, руководимые партией большевиков.

---

[1]) В. П. Антонов—Саратовский. —«Под стягом пролетарской борьбы». ГИЗ — 1925 г. Стр. 147.

И. КУТЯКОВ.

Саратовский Совет Рабочих Депутатов на защите революции.

(ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ НА УРАЛЬСКОМ ФРОНТЕ).

Разбитая Октябрем буржуазия по всей центральной России не имела достаточных сил при помощи которых она могла бы возвратить власть и собственность.

Базой, откуда можно было черпать силы для борьбы с своим классовым врагом, у буржуазии было казачество.

Учитывая это обстоятельство, крупная буржуазия в купе со всей чиновной челядью эвакуировалась на территории населенные казаками и в частности, на территории Уральского казачества.

Ноябрь, декабрь 1917 года, январь и февраль 1918 года были месяцами сборов, подсчетом своих сил и выработкой плана наступления на пролетариат и крестьянскую бедноту.

Одним из об'ектов для первого нападения буржуазии с вооруженной силой, в лице Уральского казачества, являлась территория Саратовской губернии и сам Саратов, как одна из баз снабжения продовольствием Большевистского центра.

Первым вооруженным выступлением Уральского казачества было нападение на Красную Гвардию, которая была послана в ст. Илецк, для восстановления Советской власти *).

И. КУТЯКОВ
боец на Уральском фронте
(зам. Чапаева).

Вторым выступлением казачества было—разгон и арест Совета рабочих, Киркизских и Крестьянских Депутатов.

Саратовский Совет Р., К. и С. Д. с неослабным вниманием следил за действиями реакционных сил, за действиями Уральского казачества, ибо Совет понимал, что следующим шагом этого качества должен быть переход в наступление по всему фронту.

Поэтому Саратовский Совет немедленно послал Уральскому войсковому правительству ультиматум со следующими требованиями:

---

[1]) Город Илецк расположен не на территории Уральской области, а в Оренбургской губернии.

1) Уральское войсковое правительство должно в письменной форме подтвердить, что оно признает власть Совета Народных Комиссаров верховной властью Российской Федеративной Республики.

2) Немедленное восстановление разогнанного и частью арестованного Уральского Совета.

3) Изгнание всего пришлого элемента из Уральской области: контр-революционного офицерства, буржуазии и помещиков.

Войсковое правительство медлило с ответом. Это вызывалось исключительно стратегической обстановкой, ибо достаточной вооруженной силы для внешней борьбы с Советами, в его руках пока не имелось. Оно стремилось, как можно больше выиграть во времени путем ведения бесконечных переговоров по прямому проводу или же путем посылки в Саратов от войскового с'езда делегации в составе сотника Мусатова и казака Борзикова. Последние по приезде в Саратов больше стремились к шпионажу, чем к улаживанию конфликта мирным путем, за что и были арестованы Саратовским военным советом.

Ниже мы приводим дословно разговоры по прямому проводу, которые велись между Саратовским советом и войсковым правительством.

Так, первый разговор происходил 29-го марта 18 года между комиссаром по продовольствию Саратовского Совета тов. Садаевым и членом войскового правительства Михеевым А. А.

«Уральск—Алтата (Озинки)—29/III—16 ч. 30 м.

Михеев: Я член войскового правительства, в чем дело.

Садаев: Я губернский комиссар по продовольствию Саратовского Совета. Как работник по продовольствию для голодающих граждан, привык к мирной работе на пользу всех, кто бы они ни были, к какому бы они сословию не принадлежали. Обеспокоен тем, что произошло между Уральском и Саратовом. Определенных причин к вооруженной борьбе пока не знаю, но знаю, что с вашей стороны вчера пассажирский поезд был задержан вашими вооруженными силами на ст. Шипово. Мы же перед тем к вам пропустили пассажирский поезд. Сегодня я узнаю, что движение остановлено; на линии тихо, но боюсь, что это перед грозой и кровопролитием, а поэтому я осмелился заговорить с вами для предотвращения пролития братской крови. Ведь не так давно мы лежали с вами в окопах и нас бил общий враг—немец и он еще не перестает бить нас, а здесь неожиданно и непонятно, для чего готовятся с оружием в руках, бить русские русских. Я лично верю, что мирная политика уральцев одержит и теперь верх и вы не двинете на нас вооруженных сил, а мы постараемся уговорить своих, чтобы они не двигались на вас и этим можно, я думаю, вполне предотвратить братскую бойню. Просил бы вас высказать свой ответ на сказанное мною.

Михеев: Как член войскового правительства и как депутат войскового с'езда, я с удовольствием слышу от вас господин комиссар, заявление, которое может вполне вывести обе стороны из того острого положения, которое создалось между Саратовом и Уральским войском. В настоящее время здесь заседает войсковой с'езд и основной мыслью его все время была мысль жить с своими соседями по братски. Известно ли господину комиссару, что несколько дней тому назад из Саратова войсковому правительству был пред'явлен ультиматум за подписью Антонова; в этом ультиматуме, между прочим, говорилось, что войсковое правительство должно немедленно освободить арестованных по требованию жителей города Уральска, Колостова, Дмитриева и др. [1]). Известно ли господину комиссару и вообще городу Саратову, что наз-

[1]) Члены коммунистической партии.

ванные лица старались всеми силами вызвать гражданскую войну между казачьими, иногородними, киргизскими и переселенческими населениями. Ненависть к этим провокаторам со стороны местного населения стала столь велика, что заключение в тюрьму спасло их от самосуда. Теперь в городе все жители чувствуют себя спокойно, не ожидая наступления ни с чьей стороны. В этом порукой может быть твердая власть войскового правительства и вновь образовавшегося краевого совета казачьих, киргизских, переселенческих и татарских депутатов. Основным желанием нашего войскового с'езда есть желание, чтобы движение между Саратовом и Уральском возобновилось, как можно скорее; поезд со стороны Уральска был задержан лишь потому, что мы боялись задержки поездов со стороны Саратова. Сегодня войсковым с'ездом послана в Саратов телеграмма в которой указывается, что тяжело и больно отразится прежде всего, как на самом Саратове, так и на других городах, перерыв железнодорожного сообщения. До сих пор всем известно, что Уральская область являлась самым аккуратным поставщиком предметов продовольствия и это обстоятельство вам, как работнику по продовольствию, необходимо строго учесть. Мы же с своей стороны готовы итти навстречу к вам восстановлением железнодорожного движения хоть сейчас-же. В заключение добавляю, что тревога относительно враждебных чувств со стороны казаков по отношению к Саратову не вполне основательна. Наши станицы, поселки и хутора организовались и вооружились лишь в силу того, что нами получен, как я уже сказал, ультиматум из Саратова, видимо, недостаточно взвешенный и продуманный. Наша организация военных сил почти уже окончена и будет безопасна для вас, если не повторится нападений на нашу территорию, подобно тому, которое имело место со стороны Оренбургских отрядов Красной гвардии; пусть вам будет известно, что благодаря провокации арестованных лиц—Колостова, Дмитриева и др., братская кровь уже пролита в Илецкой станице. Мы похоронили уже первых своих бойцов. Еще раз добавляю, что мы никого не обижаем и не трогаем и силы свои готовили и будем готовить против тех, кто хочет поселить между живущими в нашей области рознь и вражду [1]). Я кончил.

Садаев: Из сказанного вами много есть такого с чего можно было начать улаживать конфликт мирным способом. Главным образом поведение и действие Колостова и Дмитриева требуют всестороннего и беспристрастного обследования, а для этого я полагал бы образовать следственную комиссию и если бы вы предложили теперь Саратову создать таковую, он бы не отказался и это было бы началом того мирного способа, при помощи которого только и можно в настоящий момент сгладить обострения. Ведь тот же Антонов, подписавший ультиматум, возможно не знает тех деталей из действий Колостова и Дмитриева и влияния их действий на граждан Уральска; если это всесторонне исследовать, то вполне возможно, что действия Колостова и Дмитриева самим же Антоновым не будут одобрены. С другой же стороны, существование у вас Советов Казачьих, Киргизских, Переселенческих и Татарских депутатов говорит за то, что нет со стороны Уральцев ярких противодействий вообще к Советской власти, которая признана Российской республикой. Вот этот ваш Совет, я думаю, что и может быть языком, на котором Саратов с Уральском вполне сговорится, а мелочные шероховатости ради главного будут сглажены. Если вы согласны на создание названной мною следственной комиссии, то я передам об этом пря-

[1]) Однако, вырезали на голову 400 человек Красной гвардии.

мым проводом Саратову, но дайте слово, что ваши вооруженные силы не пойдут на нас за пределы войска. Жду ответа.

Михеев: Ваше предложение об образовании следственной комиссии по делу Колостова и других сейчас же мною будет предложено войсковому с'езду, после чего я дам окончательный ответ. Надеюсь, что это будет приемлемо для наших граждан. В настоящий момент я заверяю вас, что ни один из наших отрядов не перейдет нашей границы и еще раз добавляю, что весьма желательно восстановить железнодорожое сообщение между Саратовом и Уральском, дабы предметы продовольствия от нас, а мануфактура и другие необходимости шли бы беспрепятственно со стороны Саратова к нам. По всему вышесказанному желательно, чтобы вы сейчас же переговорили с Саратовским Советом. После чего вызовите члена войскового правительства. Я кончил.

Садаев: Ну хорошо, досвидания, сейчас буду говорить с Саратовом».

На этом разговор был закончен; 30-го марта разговор по прямому проводу происходил между председателем Саратовского Совета тов. Антоновым и арестованным членом Уральского Совета товарищем Шаичневым.

«С вами говорит Антонов. У аппарата член Исполнительного Комитета Шаичнев».

Шаичнев: Вчера к нам прибыла делегация от войскового с'езда в Уральскую областную тюрьму с постановлением, которое и привожу дословно: «Войсковое правительство постановило: предложить с'езду выборных послать двух делегатов к арестованным, в связи с последними событиями, лицам, с предложением заявить, что восстановление в данный момент областного Совета депутатов (Крестьянских, Солдатских и иногородних) они считают нецелесообразным и опасным и что единственным правильным путем решения вопросов местной жизни они считают путь совместных с'ездов иногородних с казаками и чтобы все организации иногородних настаивали перед Саратовом о восстановлении железнодорожного движения». Переговорив с делегацией, мы вынесли следующую резолюцию: «Мы, нижеподписавшиеся, сим сообщаем, что присоединяемся к пожеланиям, выдвинутым войсковым с'ездом и немедленно же обращаемся к Саратовскому Исполнительному Комитету со следующим заявлением: просим немедленно прекратить вооруженное наступление и восстановить железнодорожное движение до Уральска, так как находим возможным мирное улажение конфликта путем переговоров. Препровождая настоящее заявление, мы просим с'езд обратить внимание на то, что, в силу различных соображений практического характера посылка смешанной делегации быстрее и вернее исчерпала бы весь инцидент. Если с'езд примет предложение о посылке делегации, то просим нас уведомить. 29 марта 18 года. Подписали: Червяков П., Дмитриев П., Шаичнев, Половинкин, Вуторов, Зеленин, Тоуканаев, Колостов А., Востряков, Пуссаль».

В дополнение к этому должен сказать, что сегодня делегация заявила официально, что с'езд до момента восстановления железнодорожного движения и взятия ультиматума обратно Саратовским Исполнительным Комитетом, своей делегации совместно с нами посылать не будет, при чем она просит заявить, что в Саратове ходят провокационные слухи о насилиях, произведенных над членами совета и будто бы некоторые даже лишены жизни—этого нет, но были единичные инциденты, которые относятся к малосознательным массам, допустившим это преследование. Арестовав и препроводив нас в тюрьму, сняли с нас

допросы. Из тюрьмы нас не выпускают только по тому, что якобы боятся самосуда над нами. Я кончил.

Антонов: Хорошо. Саратовский военный совет в 4 часа обсудит ваше заявление. Скажите, вы пришли к аппарату, значит, из тюрьмы.

Шаичнев: Да, из тюрьмы и под конвоем.

Антонов: Решение приняли в тюрьме вполне свободно.

Шаичнев: Да.

Антонов: Хорошо. Будьте спокойны, в 5 часов, или лучше в 6, потребуйте снова переговора по аппарату. Кстати, сообщаю, что у нас наготове 50 аэропланов и десять броневиков; двигаются к нам и наши силы: пехота и тяжелая артиллерия. Пока досвидания [1]).

Шаичнев: Тогда пожалуйста в 6 часов сами позовите нас, ибо наш провод изолирован.

Антонов: А кого из вас попросить.

Михеев: Разговор прерывает член войскового правительства Михеев в присутствии Шаичнева. Войсковой с'езд и Краевой Совет вновь образовавшийся в области, желая все уладить мирным путем, сделал все, что для него возможно и между прочим, как одну из мер он предложил переговорить с вами лично арестованным жителям-членам местного совета, которого фактически никто не признавал. Вместо желания пойти навстречу нашим заявлениям, вы сейчас при разговоре, грозите вооруженными силами. Несколько дней тому назад войсковое правительство уже получило от вас ультиматум, железнодорожные и телеграфные сообщения были вами прекращены, и в ответ на это, наше войско ответило мобилизацией всех станиц, поселков и хуторов. Еще раз указываем, что в данном случае, виновниками всего этого являетесь вы с вашими необдуманными шагами. Вчера вечером в 6 часов на эту тему я уже говорил с губернским комиссаром по продовольствию Садаевым, он заверил меня, что войдет в переговоры с Саратовским Советом, просил возобновить движение и не допускать перехода вооруженных сил с нашей стороны за предел нашей территории, обещая, что все может кончиться мирным путем. Теперь мы поняли, какой мир мы можем ожидать от тех лиц, которые при первом нашем желании уладить все мирно, говорят нам о пушках, аэропланах и штыках. Сейчас же мы широко оповестим все наше население нашего войска о ваших угрозах и крепкий наш дух от этого еще более укрепится. Добавляю, что наше войско никого не трогать из своих соседей, [2]) встретить грудью на своей границе саратовских насильников. Войсковой с'езд просил меня довести до сведения вашего, чтобы вы немедленно взяли свой ультиматум, возобновили бы немедленно прерванные вами железнодорожные и почтово-телеграфные сношения и дали гарантию, что ни одно из войсковых лиц, а также и наша делегация, посланная к вам неделю тому назад, не пострадали бы и были бы в полной неприкосновенности и в дополнение добавляю, чтобы все грузы, которые идут в Уральскую область в адрес Совета, направлялись бы в областной Совет казачьих, киргизских, иногородних и переселенческих депутатов. Я кончил.

Тов. Антонов ушел от аппарата не дав никакого ответа.

Вследствие того, что войсковое правительство не пропустило идущий из Уральска в Саратов пассажирский поезд с хлебом, Саратовский Совет отдал приказ правлению Рязанско-Уральской жел. дор. о

---

[1]) Это неверно, тов. Антонов, вероятно, сказал просто для устрашения войскового правительства.

[2]) Наверное наглая ложь. Уничтожен отряд Красной гвардии в 400 человек, вырезана Бенердаковская с.-хоз. коммуна и разогнаны Советы в пограничных селах.

прекращении дальнейшей отправки поездов в сторону Уральска, дабы не остаться без паровозов и вагонов, которые могли бы быть использованы для военных целей войсковым правительством.

«31-го марта. 16 час. 30 мин. Всем железнодорожным комитетам, Советам в пределе Рязанско-Уральской жел. дор. В связи с выступлением контр-революционного Уральского казачества и чинимого им насилия над Советскими и железнодорожными властями и вмешательством в железнодорожные дела, исполнительный комитет приказывает Уральской ветке от Уральска до Ершова движение абсолютно остановить, прекратив всякие работы, и предлагает всем служащим, если потребуется по усмотрению на местах, угнать паровозы и подвижной состав в Покровск и Красный-Кут.—Председатель железнодорожного Комитета ст. Ершов—Акимов».

Таким образом с этого времени всякое железнодорожное и телеграфное сообщение между Уральской областью и Советской Россией было кончательно прекращено.

Саратовский совет, хотя и пред'явил ультиматум, но фактически не был готов к поддержанию его вооруженной силой.

Только 1-го апреля отдается приказ о назначении тов. Загуменного командующим войсками против Уральцев, начальником штаба назначается тов. Молдавский, им поручается приступить к разработке плана похода на Уральск и подготовить переброску войска к границам казачьей территории .К этому времени войсковое правительство, как видно из разговоров по прямому проводу было вполне подготовлено к вооруженной борьбе, но ей не хватало лишь мужества первым перейти границы Самарскй губернии и об'явить гражданскую войну Советской России. Оно всеми способами изыскивало повод к началу боевых действий, но при условии, чтобы народные казачьи массы не могли обвинить его потом, что оно являлось первой зачинщицей войны и не придерживалось своего лозунга—сами ни к кому не пойдем и к себе никого не пустим.

8-го апреля был сформирован штаб, к этому времени в Саратов прибыло по 150 красногвардейцев из всех уездов губернии, что вместе составляло 1350 человек. Из Тамбова прибыл один батальон при 2-х орудиях и 12-ти пулеметах, из Пензы—500 шт. (Ком—р Штромбах), при одном броневике, Саратов выставил один батальон — 600 шт., 4 орудия, из которых два 48-ми лин. и конный отряд 150 сабель при 10-ти пулеметах. Всего собралось—3200 шт., 42 пулемета, 6 орудий, да к этому прибавилось 1000 шт., 50 пулеметов и 2 орудия, направленные Пугачевским Советом.

Красное командование считало, что означенное количество бойцов вполне достаточно для подавления Уральской контр-революции. Однако, прибывшие красногвардейские отряды из г.г. Камышина, Петровска и Пензы, заявили, что они посланы в Саратов только на два дня и на фронт против Уральских казаков итти отказались. Пришлось эти отряды уговаривать, разоружать, непослушных арестовывать, но все-таки большинство бойцов дезертировало в свои районы и лишь небольшая часть их участвовала в боевых действиях.

Таким образом, саратовское командование, прибывшее 14 апреля на ст. Ершов, имело в своем распоряжении: 670 шт., 268 сабель, 6 орудий, 42 пулемета, 5 аэропланов, одну бронемашину и поезд снабжения.

Как видно из указанных цифр, красное командование ошиблось в своем расчете. Становилась ясной малочисленность имеющейся вооруженной силы, требовалось увеличение ее, поэтому всю энергию и дея-

тельность оно решило перенести на привлечение красногвардейских отрядов из пограничных уездов с Уральской области, т.т. из Пугачевского и Новоузенского уездов, Самарской губернии. Для этой цели было созвано военное совещание, на котором присутствовали председатель Пугачевского Совета тов. Ермощенко, военный комиссар т. Ульянов А., члены исполкома тов. Чапаев, Демидкин и Шевелев; от Новоузенска—председатель Совета Сапожков, члены: Третнев, Жидков и Рубан. На совещании постановили: приступить к спешной переброске отрядов к границе Уральского казачьего войска.

Тем временем вооруженные силы казаков успели сгруппироваться в пограничной полосе и небольшие отряды их производили набеги на близлежащие села крестьян, а главным образом ,на хозяйства коммунаров.

18-го апреля из Пугачевска прибыло в село Дергачи два отряда, первый под командой тов. Демидкина в 300 шт., второй—тов. Шевелева в 500 шт., а отряд Чапаева численностью в 600 шт., при двух орудиях уже оперировал, т. е. вел небольшие бои с казаками в районе села Сальянки и хутора Бенердак [1]). На следующий день из Новоузенска в Дергачи прибыл сводный отряд в 1000 шт. под командой Сапожкова, а 20-го апреля по железной дороге на ст. Алтату (Дергачи), прибыл штаб Саратовских войск со всей имеющейся вооруженной силой, где было приступлено к оборудованию бронированного поезда и к раздаче действующим частям патрон и обмундирования. За это время, как с нашей, так и с белой стороны было разрушено полотно железной дороги на расстоянии 30 километров на участке ст. ст. Озинки и Шипово.

УЛАЖИВАНИЕ КОНФЛИКТА МИРНЫМ ПУТЕМ.

О назревшем конфликте между Саратовом и Уральским казачеством, узнал казачий комитет при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Последний 11-го апреля командирует в г. Саратов своего члена—Уральского казака тов. Ружейникова И. С., с целью уладить конфликт мирным путем и не допустить вооруженной борьбы между обеими сторонами.

С прибытием Ружейникова, состоялось совещание Саратовского военного Совета, где детально освещался вопрос о создавшемся конфликте. После доклада Ружейникова об оценке этого конфликта казачьим комитетом при ВЦИК, военный Совет решил приступить к переговорам с войсковым правительством и вполне одобрил поездку Ружейникова в г. Уральск.

20-го апреля Ружейников прибыл в штаб войск на ст. Алтату, где заслушал доклад тов. Загуменного об общей постановке на фронте. После этого, он отправился на ст. Семиглавый Мар, занятую казаками; в качестве сопровождающих, штаб придал ему тов. Коломейца и др., которым поручалось провести агентурную работу, в частности выяснить настроение казачьих масс и с положением войск по железной дороге. По пути движения делегация была обстрелена казачьим постом, несмотря на то, что ехали под белым флагом. На ст. Семиглавый-Мар делегаты были задержаны. Комендант станции телеграфно запросил войсковое правительство о разрешении пропустить делегатов в г. Уральск. Ответ был получен положительный.

21-го апреля Ружейников прибыл в г. Уральск и был немедленно арестован по приказанию войскового правительства. На следующий

[1]) На границе с Уральским войском

день под усиленной охраной, он был приведен в здание правительства, где ему было предложено сделать доклад о целях его приезда. Начавшийся доклад перебивался рядом перекрестных вопросов, как-то: что из себя представляет казачий комитет, его политическая физиономия, для какой цели созывается 25-го апреля в Москве казачий с'езд, как оценивает он (Ружейников) политическое положение на местах в Уральской области, какое его политическое «кредо» и много других вопросов.

В общем весь доклад Ружейникова свелся к допросу его войсковым правительством, состоящим из следующих лиц: председателя — Фомичева, членов—Михеева, Лискина, Кирпичникова, полковника Мартынова и полковника—Хорошкина.

В конце доклада, вернее допроса, Фомичев предложил Ружейникову сделать доклад войсковому С'езду. Но прежде чем начался доклад председатель с'езда—Кирпичников взял вступительное слово, в котором вероятно с целью компромитации Ружейникова сообщил, что политическое «кредо» делегата, вполне ясно указывается штемпелем его мандата. Далее он коснулся вопроса созываемого в Москве казачьего с'езда, указав, что с'езд имеет целью выделить Всероссийский Центральный Казачий Комитет, который будет стоять на платформе Советской власти и который будет иметь возможность говорить от имени всего казачества Российской республики или иначе—руками казаков делать политику большевиков. На это Уральское казачество никогда не пойдет.

После вступительного слова Кирпичникова, выступил Ружейников, но так как весь с'езд состоял из кулаков и буржуазии, то выступление последного успеха не имело.

С'езд после доклада вынес следующее решение:

«Постановление экстренного с'езда Уральского казачьего войска от 9-го (22) апреля 18-го года.

Заслушав доклад доктора Ружейникова о целях приезда его в г. Уральск и поручениях, данных ему казачьим комитетом при Центральном Комитете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов,—войсковой с'езд постановил: предложить доктору Ружейникову покинуть немедленно пределы войсковой территории».

Под усиленной охраной Ружейников был доставлен на вокзал. Всю ночь он весьма бдительно охранялся приставленным к нему караулом, а на следующий день был обратно приведен в помещение с'езда, где Кирпичников прочем ему второе постановление экстренного с'езда Уральского казачьего войска за № 206 от 10 (23) апреля 1918 г.

«Заслушав доклад командующего войсками об опасениях врача Ружейникова ехать, согласно постановления с'езда от 9-го апреля через Саратов и члена войскового правительства Ливкина, об обмене арестованными в Саратове делегации с'езда на двух арестованных в Уральской тюрьме,—войсковой с'езд постановил:

1) врача Ружейникова отправить через Саратов, командующему войсками принять меры к охране врача Ружейникова на войсковой территории;

2) войсковой с'езд согласен произвести обмен арестованных—делегации на двух заключенных в Уральской тюрьме. О чем и предложить Ружейникову уведомить Саратовский Совет.

Подлинное за надлежащими подписями. Верно:

Секретарь: Я. Истомин.

На это тов. Ружейниковым было заявлено, что успех обмена пожалуй мог бы быть обеспечен, если бы с'езд вынес постановление об обмене всеми арестованными, как с той, так и с другой стороны. Но по

настоянию председателя с'езда Кирпичникова, с'езд не захотел менять своего постановления.

25-го апреля тов. Ружейников и Коломиец благополучно прибыли на ст. Алтата, в штаб красных войск. Здесь Ружейников выступил с докладом о том, что сделано им в целях мирного улаживания конфликта и обмена арестованными, как с той, так и с другой стороны. Штаб войск единогласно признал возможным немедленно приступить к обмену арестованными, независимо от дальнейших переговоров. А тов. Коломиец в секретном докладе сообщил, что в Уральске идет усиленная подготовка частей, ведется противо-советская агитация и арестовываются все большевики. Это сведение убедило красное командование в том, что едва ли войсковое правительство намерено уладить конфликт мирным путем и скорее стремится как можно больше выиграть времени, с целью сбора своих сил и засевов полей.

По прибытии в Саратов Ружейников сообщил Совету о результатах своей поездки, указав на возможность все уладить мирным путем, после чего по прямому проводу был вызван Уральск.

«У аппарата председатель Саратовского Совета Антонов и делегат Ружейников.

Антонов: Согласно постановления военного совета при Саратовском Исполкоме, заслушавшего предложения Уральского экстренного казачьего с'езда от 10 (23) апреля за № 206 и доклад делегата казачьего Комитета при Центральном Исполнительном Комитете С'езд Советов—Ружейникова о пожелании войскового с'езда вступить в переговоры, довожу до вашего сведения следующее: военный Совет не имеет ничего против обмена арестованных, независимо от дальнейших переговоров. Обмен на условиях освобождения арестованных с той и с другой стороны. Предлагаю довести это постановление до войскового се'зда и дать исчерпывающий ответ.

Председатель Саратовского Совета—Антонов.

Кирпичников: Сообщите точнее, кого вы считаете должными к освобождению из Уральска. Мы не понимаем.... более точно скажите и дополните...

Антонов: На ваш вопрос о том, что вы не понимаете, кем и в каком количестве нужно обмениваться, отвечаю еще раз: всех арестованных в связи с политическим конфликтом, начиная с арестованных членов Уральского Совета. Количество определяется словом «все», как с той, так и с другой стороны.

Кирпичников: Сию минуту переговорим со с'ездом. Через полтора часа будет дан ответ. (Перерыв).

В 14 часов 36 минут переговоры возобновились с членом войскового правительства и двумя депутатами.

Антонов: Что поручил войсковой с'езд передать военному Совету.

Михеев: В ответ на ваше предложение Уральскому войсковому правительству произвести обмен арестованными, войсковой с'езд выразил свое согласие, о чем и доводит до вашего сведения. Остается лишь сговориться, когда и при каких условиях мы можем произвести этот обмен.

Антонов: В какой конкретной форме из'явлено с'ездом согласие на обмен. Говорю это, дабы не произошло не уясненного состояния, бывшего при первом разговоре сегодняшнего дня, т. е. 27-го апреля 1918 г.

Михеев: С'езд постановил требовать освобождения наших делегатов Борзикова и Мусатова, а так же всех казаков, задержанных в г. Саратове по линии жел. дор. от г. Саратова до наших пределов. В обмен

на это с'езд, назначив по общему уговору пункт, доставляет лиц арестованных из состава Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и лиц, причастных к этому Совету.

Антонов: Что значат ваши слова: «лиц, причастных к Уральскому Совету»?

Михеев: Лиц причастных мы называем тех, которые выступали открыто в г. Уральске в защиту деятельности никем здесь не признаваемого бывшего Уральского Совета, вы поняли?

Антонов: Воля военного Совета на из'явленное войсковым с'ездом пожелание обмена, переданное нам тов. Ружейниковым, изложена в предыдущем разговоре в следующей форме: «Всех арестованных в связи (даже подчеркнуто) с политическими конфликтами, начиная с арестованных членов Уральского Совета». Поэтому я спрашиваю: мыслите ли вы в числе подлежащих обмену арестованных членов Николаевского Совета Комиссаров.

Михеев: Да, мыслим. В числе подлежащих обмену арестованных должны быть упомянутые вами личности.

Антонов: Конкретный способ обмена мы поручаем штабу наших сил. Принципиальное наше согласие вы имеете. Пунктом обмена может быть нейтральная зона, о каковой вы имеете переговорить со штабом.

Михеев: Когда приблизительно мы можем переговорить со штабом по этому вопросу?

Антонов: Не позже 29-го апреля с. г. К этому же сроку должны быть подготовлены для обмена упомянутые в условии категории лица. Ваших арестованных к тому же времени доставят в наш штаб.

Михеев: Сообщите штабу, чтобы он накануне обмена вызвал бы Уральск для сговора относительно места и времени обмена.

Антонов: Хорошо, кончаю.

Ружейников: Подтвердите ваше согласие, согласие с'езда о желании вести переговоры с Саратовским и Окружным Советом.

В целях выяснения возможности ликвидации возникшего конфликта условия Саратовского Совета мною были доложены войсковому правительству и войсковому с'езду. Так как в письменной форме я не имею от вас полномочий, то военный совет относится с недоверием к моему заявлению и вообще моему докладу о том, что уральское войско склонно уладить конфликт мирным путем, без пролития крови. Защищая интересы родного казачества на фронте, я, как уже заявил на войсковом с'езде, употребляю все усилия к тому, чтобы осветить истинное положение вещей и не дать развиться надвигающейся грозе над родным и дорогим мне Яиком. И вместо разрешения вопроса железом и кровью, как это было прежде, я уверен, что он разрешится мирно,—когда трудовое Яицкое казачество поймет свою органическую связь со всей трудовой Россией. Я кончил. Ружейников.

Михеев: Раньше в сношениях с Саратовом я от лица войска предлагал разрешить конфликт мирным путем. вся вина за то, что случилось между нами и Саратовом, исключительно Саратовского Совета, и как тогда, так и сейчас мы заявляем, что мирное разрешение конфликта может быть разрешимо при условии восстановления железной дороги, телеграфа и почтовых сношений. Относительно последних ваших слов об органической связи с трудовой Россией мы можем сказать: мы глубоко и давно понимаем эту связь и лучше, чтобы об этом лишний раз не повторять. Я жду ответа.

Ружейников: Чем об'яснить, что на запрос Саратовского Совета председатель войскового с'езда Кирпичников ответил буквально: «против Совета (Уральского) никаких враждебных мер не было.. Среди аре-

стованных несколько советских членов. Отдано распоряжение вчера, в пятницу, об их освобождении...». Чем об'ясняется, что после этого оказалось, что Совет действительно разогнан и арестованные не только не освобождены, но под караулом были приведены к аппарату для переговоров с Саратовским Советом под надзором членов войскового правительства.

Михеев: Нас еще больше удивляет, на каком основании держатся наши делегаты, которые по закону должны пользоваться полной неприкосновенностью. Поэтому, что было все раньше и почему случилось, об этом говорит, по-нашему, теперь излишне, приступим к делу, для которого вы начали переговоры.

Ружейников: Я узнал, что делегация была арестована после того, как выяснилась неправильность ответа председателя войскового с'езда Кирпичникова. Приступим к делу. Что же мне сказать военному Совету?

Уральск: Что нужно было сказать военному Совету, нами было сказано и Антонову и вам. Сущность разговоров вы можете всегда продумать.

Переговоры возобновились 28-го апреля 1918 года. Со стороны казаков—Михеев и два делегата.

Антонов: Извольте выслушать и довести до сведения с'езда следующие решения военного совета при Саратовском Исполкоме, состоявшемся по докладу, возбужденному делегатом Ружейниковым, и согласно нижеследующей телеграммы казачьего Комитета при ЦИК С'езда Советов: «Казачий Комитет при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете, оповестившись о крайней обостренности отношений в пределах Уральской области между казаками и войсками, руководимыми Советской властью, настойчиво просит о прекращении напрасного кровопролития и разрешения вопроса мирным путем, а трудовое казачество Урала казачий Комитет просит не итти против рабочих и крестьян по наущению офицерства и слиться во едную дружную семью с народом. Казачий Комитет. Москва. Кремль. 27/IV № 04729». Военный Совет Саратовского Исполкома, заслушав телеграмму и доклад Ружейникова о переговорах с представителями с'езда, постановил: мирные отношения могут быть установлены на условиях: 1) признание Совета Народных Комиссаров, как верховной власти Советской Республики; 2) восстановление Совета Уральской бедноты, ныне разогнанного; 3) изгнание набежавших в пределы Уральской области контр-революционных элементов бывшего русского офицерства, помещиков, капиталистов; 4) освобождение всех арестованных, в связи с создавшимся политическим конфликтом.

Об указанных условиях военный Совет поручил мне довести до сведения войскового с'езда. Председатель Совета Антонов.

Антонов: Запрос войсковому с'езду: известно ли войсковому с'езду, что в ночь на 27 апреля произведен казачьими частями налет: с хутора Овчинникова уведен скот, все разграблено. Рабочие арестованы. Известно ли о взрыве железнодорожного моста с казачьими властями между Озинками и Семиглавым Маром, и если известно, то доведите до нашего сведения.

Ружейников: Спросите у войскового с'езда разрешения для моего приезда в г. Уральск, так как возможно, что для дальнейших переговоров и докладов в целях информации необходимо мне в скором времени приехать в Уральск. К тому же по улаживанию конфликта я намерен служить родному казачеству, как врач, о чем мною подано соответствующее заявление.

Михеев: Отвечаю, начинаю с конца,—доктору Ружейникову. Вашу просьбу о возвращении в г. Уральск передам Войсковому С'езду. С сожалением вижу, что ваша миссия в г. Саратове не удалась. Мы этого ждали, мы знали, а теперь еще больше убеждены—разрешение конфликта Саратов с нами не хотел и не хочет и теперь, доказательство этому—постановление Саратовского Военного Совета.

Теперь я буду отвечать господину Антонову.

Антонов: Что угодно?

Михеев: Буду отвечать вам.

Антонов: Извиняюсь. Обсуждены ли с'ездом наши условия и вынес ли с'езд решения по этому поводу. Если нет, если вы хотите отвечать лично от себя, то, так как это ваше мнение не носит официального характера, оно не может интересовать Военный Совет, каковой и не уполномочил меня выслушивать неофициальные мнения.

Михеев: Я депутат войскового с'езда и член Войскового правительства. Я говорю с вами, как официальное лицо, неся ответственность за все слова свои перед верховным органом власти нашего края—Войсковым С'ездом. Почти на все вопросы, которые вы задаете нашему С'езду, я могут вам дать ответ, нисколько не рискуя разойтись с ответом самого С'езда. Все же доведу постановление Военного Совета до Войскового С'езда, и если вы желаете, то я сейчас дам вам раз'яснения, как лицо официальное, по поводу пограничных недоразумений, о которых вы только что говорили.

Антонов: Военный Совет поручил мне передать и получить постановления Войскового С'езда на условия. Что касается информации о взрыве и арестах рабочих хутора, имею честь выслушать вас.

Михеев: О пограничных инцидентах сообщаю вам, милостивый государь, следующее: вы говорите, что казачьи части увели скот с хутора Овчинникова, а известно ли вам, какое хозяйничанье допускалось Красной гвардией в этом хуторе. Известно ли вам, что весь инвентарь помещика казака Овчинникова расхищен и в дополнение ко всему этому несколько дней тому назад отряд Красной гвардии явился в Озинки, арестовал и забрал с собой агента продовольственной Управы по мясному отделу, отобрав у него все казенные деньги. Известно ли вам, что пограничный поселок нашего войска Мусатовский разнесен Красной гвардией, что из него уведен весь скот, отобрана одежда и посуда. Подчеркиваю, что упомянутые пограничные инциденты произошли раньше тех, про которые вы упоминали в нашем разговоре; об этих инцидентах, допущенных Красной гвардией по отношению к нашей области, знает все наше население. Оно знает много других инцидентов, но об этом слишком долго говорить. О предложениях военного Совета я доложу Войсковому С'езду. И впредь предупреждаю вас, что ответ Войскового С'езда будет базироваться на тех данных, которые мы в настоящее время имеем под рукой, благодаря, так сказать, пограничным инцидентам. Я же лично довожу, что конфликт мог бы удалиться мирным путем, Войсковой С'езд нашел бы общий язык с Саратовским Исполнительным Комитетом, если бы в доказательство своего миролюбия и демократичности своих настроений выполнили одно из главных желаний нашего народа, выраженное уже вам,—открытие железнодорожного сообщения и почтово-телеграфного.

Впредь до выполнения этих скромных желаний нашей области, все ваши пункты, изложенные в постановлении Военного Совета, едва ли могут быть разрешены в положительном смысле.

Антонов: Принятие С'ездом наших условий сможет разрешить конфликт и тем самым могут отпасть предупредительные меры, принятые нашим Советом.

Что касается инцидентов, то прежде всего напрасно вы жалуетесь на Красную гвардию. Красная гвардия находится в городе. В защите Советской власти при походах участвует новая Красная армия, которая едва ли прибегает к тем мерам, о которых вы говорите. Конечно, как и во всякой армии имеются нежелательные элементы, действия которых нами не покрываются, с которыми борятся самым беспощадным образом, вплоть до расстрела. В ответах на сообщения о хищнической деятельности некоторых казачьих частей в одном случае вы умолчали, а в другом заявили, что все ваши части от всякого малейшего упрека. Тем самым вы даете возможность действовать мародерам под именем казачества. С своей стороны, я заявляю, что если выяснятся преступные действия некоторых элементов из наших частей, то штаб, по предписанию Военного Совета, примет самые суровые меры. Конечно, когда две стороны в полной боевой готовности стоят друг против друга, то на обязанности руководителей, до открытия военных действий, лежит принятие мер для избежания излишних жертв. Если вы не примете этих мер, то вся ответственность перед нами и трудовым казачеством, которое вы ведете, ляжет на ваши головы. Больше говорить не имею времени. Когда ответ.

Михеев: После завтра, я... Саратов. Антонов ушел от аппарата.

Последний разговор происходил 1-го мая 1918 года.

«Уральск. У аппарата три депутата Войскового С'езда, Михеев и другие. У аппарата товарищ председателя Саратовского Исполкома товарищ Васильев и делегат доктор Ружейников.

Васильев. По поручению Военного Совета я прошу дать точный, ясный ответ на те условия, которые были пред'явлены Военным Советом Войсковому правительству С'езду. Я кончил.

Михеев. Я говорил пять минут тому назад, что мы депутаты Войскового С'езда точно и ясно, как привыкли казаки, сообщили все ответы на постановленные вопросы военным Советом. Мы уже передали уполномоченному начальника вашего штаба Алтате, если он задержал передачу нашего ответа, то вина его; в отдельности передать свои ответы всем уполномоченным нам кажется излишним, и впредь наше желание таково, чтобы вы не уполномачивали никаких посредников, вроде ад'ютанотов и начальников штаба. Пусть Совет говорит с нами непосредственно, я даже предлагал вчера вашему Совету, чтобы для важных вопросов высылались делегации с вашей и с нашей стороны на нейтральные пункты. Тогда будет меньше недоразумений.

Васильев: Я настойчиво прошу вас оставить эти нотации, вызывающие совсем ненужные обострения. Дело слишком серьезно, чтобы подливать масло в огонь. Словом я, повторяю, предложения дать короткий, точный и устный ответ непосредственно Совету на предложенные вами условия; надеюсь, что они были переданы С'езду и С'езд этот ответ имеет. Я кончил.

Михеев: Войсковой С'езд через нас, троих депутатов, дал ответ начальнику вашего штаба. В это время, когда вы говорите о своем миролюбии и каком-то подливании масла в огонь, нами получено доказательство вашего миролюбия: сейчас получено сообщение, что хутор помещика, казака, т. Логашкина ,который находится на нашей территории, разграблен красноармейцами. Как же после этого говорить спокойно. Еще раз повторяю: ответ Войскового С'езда уже передан начальнику штаба. Я жду ответа.

Васильев: Какой же может быть ответ. Почему не хотите повторить то, что вы говорили начальнику штаба. Это можно сделать скоро, и ваш ответ сможет удостоверить точность сообщения штаба.

Михеев: Так и нужно было бы сказать вначале. Я дословно привожу свой ответ начальнику штаба:

«Войсковой С'езд при обсуждении всех пунктов, пред'явленных Яицкому войску, остался на прежней своей позиции. Пусть Саратов сначала проявит свое миролюбие и демократичность и откроет железнодорожное и почтово-телеграфное сношение. В этих целях,как мы вчера предлагали господину Антонову, пусть на нейтральную полосу выедет делегация с вашей и нашей стороны. Эта делегация выяснит все детали назревавшего конфликта и тогда лишь может быть рассмотрено предложение Саратовского Совета»—вот дословно ответ, переданный вашему начальнику штаба. Я кончил.

Васильев: Вы хорошо понимаете, что это не есть ответ на вопросы, поставленные Военным Советом. Перерыв сообщения есть следствие тех событий, которые произошли в Уральске. Последствия могут быть устранены лишь тогда, когда будут устранены причины, вызвавшие их; точно также вопрос о согласительной комиссии может быть разрешен после того, как Войсковой Совет даст, наконец, ясный и недвусмысленный ответ на поставленные вам вопросы.

Михеев: Войсковой Совет вполне точен и ясен все детали, поставленных нам вопросов, могут быть освещены и разрешены только лишь путем переговоров через делегацию; сейчас же категорические требования дать ответ, неиспользовав, предлагаемых нами мер, С'езд может иметь полное право не желать. Пусть Саратов вспомнит, что он является лишь городом Всероссийской Федеративной Республики, не имеет права пред'являть грозного ультиматума громадной области, являющейся равноправным членом Российской Федеративной Республики. Над этим Военному Совету г. Саратова нужно подумать, поэтому и впредь при сношениях с нами помнить, что мы не холопы, а всегда свободные казаки. С этим мы просим вас считаться. В заключение еще раз говорю, если вы хотите с равноправной Вам областью жить в мире и дружбе, то уберите свои ультиматумы и говорите с нами, как с равными.

Антонов: Военный Совет заявляет:

1) Конфликт произошел не по вине Саратовского Совета, а по вине Войскового правительства, разогнавшего Совет Уральской бедноты и посадившего ее послов в застенок.

2) Совет Саратовский, как орган власти рабочих и крестьян, может и должен разговаривать, как равный с равными органами власти Уральской бедноты. Его сейчас нет.

3) Войсковое правительство, в котором сидят враги Советской власти, т. е. рабоче-крестьянской бедноты, не может рассматриваться, как орган власти казачьей бедноты, не может рассматриваться, как полноправный член рабоче-крестьянской Социалистической Федеративной Республики. Лишь тогда, когда беднота получит возможность создать свой орган власти — Советы, мы можем быть спокойны, что на нас заведомые контр-революционеры не поведут для нашего разгрома своих обманутых солдат так же, как это было на Дону и Астраханском Крае. Мы хотим работать мирно; перед нами стоят колоссальной важности задачи, а Войсковое правительство со своей политикой все время угрожает нам и мешает работать. Поэтому мы не можем, быть спокойными, что на нас не нападут врасплох контр-революционеры, когда в области Уральской создается гарантия нам и всей Советской власти, т. е. Совет Уральской казачьей бедноты. Мы спрашиваем категориче-

ского ответа: приняты условия или нет. Ответ должен быть: да или нет. Многословных или обходящих сснований вопрос нам недостаточно. Да или нет.

Михеев: Из всего вами сказанного видно, что господин Антонов не передавал того разговора, который я имел с ним раньше по поводу наших областных дел, в частности и так называемого вами Совета бедноты.

Антонов: Со слов, Военный Совет заявляет конфликт произошел и т. д. говорит по поручению Совета Антонов. Военный Совет поручил от вас получить категорический ответ однословного характера, да или нет. В этой плоскости и предлагаю дать таковой ответ, или заявить одним словом: отказываемся дать однословный ответ.

Михеев: Диктовать нам ответ не ваше право. Мы терпеливо выслушали ваше обвинение Войскового правительства и Войскового С'езда в воображаемой контр-революции. Все эти факты нам давно..

Антонов: Извиняюсь, агитационных речей для организации казачьего общественного мнения в неправильную сторону нам больше не нужно. Скажите честно, открыто: да или нет. Если не можете, ничего не отвечайте.

Михеев: Все, что нужно было сказать по поручению С'езда, нами сказано, исполнений по этому вопросу спросите у вашего начальника штабом. Мы весь наш разговор, как и всегда, сообщили Войсковому С'езду, Краевому Совету, Бюро фронтовиков — казаков, и солдат, и местным исполнительным комитетам по всем станицам. В заключение прошу два слова: почем стоимость пуда муки, которую получает Саратовская беднота. Я кончил.

Антонов: Демагогические вопросы о стоимости хлеба характеризуют вас определенно; из вашего заявления Военный Совет может сделать только один вывод: категорический отказ на предпологаемые условия. Для нас ясно, что вы отказываетесь принципиальным ответом от признания Совета Народных Комиссаров верховной властью Советской Федеративной Республики. Для нас ясно, что вы отказываетесь от представления условий для создания в Уральске казачьей бедноты. Для нас ясно. что вы отказываетесь изгнать из области набежавших к вам банд контр-революционного русского офицерства, помещиков, капиталистов. Для нас ясно, что вы не хотите признать сразу принципиальных положений, признанных по всей России, между прочим, Донскими, Терскими, Астраханскими, Забайкальскими, Кубанскими казаками — бедняками. Технические вопросы.

Михеев: Вы говорите не по вопросу. Предлагаем Военному Совету спокойно обсудить предложение Войскового С'езда, которое вполне разделяется нашим краевым советом. Побольше хладнокровия и тогда может быть надежда, что мы соседи, которые вдумчиво относятся к вопросам меж'областных трений, это будет лучшее для вас и для нас. Мы хотим жить мирно.

Антонов: Мы тоже хотим жить мирно, но вами принимаются все меры к тому, чтобы этого мира не было, а это вполне естественно...».

На этом дальнейшие переговоры по прямому проводу были прекращены. Таким образом цель улаживания конфликта мирным путем кончилась неудачей. В этот же день командующий войсками тов. Загуменный сообщил в Саратов, что все его попытки переговорить с войсковым правительством об обмене арестованными не привели ни к каким результатам. Войсковое правительство отклонило это предложение и вообще заявило, о своем нежелании продолжать дальнейшие переговоры. Тов. Загуменный из всего этого пришел к выводу, что Вой-

сковое правительство затягивало мирные переговоры с тем, чтобы скорее закончить организацию своих вооруженных сил. Поэтому он просит разрешения первым перейти в наступление, на что Саратовский Совет и изъявляет свое согласие.

Дабы не получилось ложного впечатления, якобы о желании Войскового правительства уладить конфликт мирным путем и не начинать гражданскую войну, мы считаем долгом упомянуть о посылке Советом Народных Комиссаров в начале июня 18 года, мирной делегации в составе члена ВЦИК тов. Ульянова И. И. и членов казачьего комитета т. т. Ружейникова И. С. и Неусыпова Ф. М.

Означенная делегация прибыла на Уральский фронт для ведения мирных переговоров с Войсковым правительством. Мандаты делегатов были подписаны т. Лениным. Прибыв на фронт, делегация соединилась по прямому проводу с Уральском и вызвала правительство, но последнее категорически отказалось от всякого ведения мирных переговоров и заявило, что разговаривать с Совдепией будет только лишь языком пулеметов и артиллерии.

Один из членов этой делегации тов. Неусыпов, взяв двух красногвардейцев, выехал непосредственно в г. Уральск. Но по пути его захватили казаки и после сильного избиения доставили в г. Уральск, а сопровождающие красногвардейцы были расстреляны. Тов. Неусыпов был отдан под суд, его судили, — как изменника казачеству, — за что и расстреляли. Как на суде, так и при расстреле, он вел себя геройски и умер со словами: «Да здравствует Коммуна».

ВИКТОР БАБУШКИН.

Захват банков.

Великое свершилось—власть из рук буржуазии перешла к трудящемуся народу—рабочим и крестьянам. Быстрым и смелым ударом рабочая партия большевиков смела жалких защитников буржуазии—меньшевиков, эсеров, кадетов и прочих лизоблюдов передних капитала.

В Саратове переворот удался еще лучше, скорее и бескровнее, чем в других городах России. Сделав переворот, Саратовская организация немедленно захватила те важнейшие учреждения, без коих немыслимо было существование власти, а именно: телеграф, почту, думу, водокачку и т. д. Работа по захвату этих учреждений проводилась молниеносно, так сказать налетом.

Не получая ниоткуда никаких декретов и распоряжений, Саратовская организация действовала и руководилась только своим опытом, а опыта было очень мало, разве только Пятый год и исторический материал разных революций. Но, несмотря на этот скудный опыт, организация Саратова со своей задачей справилась, если не блестяще, то, во всяком случае, очень хорошо.

Проделав лихорадочно все работы по захвату могучих орудий власти капитала, как телеграф, телефон, почта, завоевав реальную силу солдат и полузавоевав транспорт,—Саратовский Исполнительный Комитет в одном из своих ночных заседаний (заседание исполкома шло круглые сутки) выделили инициативную группу для спешных удар-

ных работ. Группе этой было дано право проводить свои решения быстро и без предварительного обсуждения исполкомом. В эту инициативную группу входили: предгубисполкома тов. Антонов и члены Президиума т.т. Хвесин и Бабушкин.

Глубокой ночью эта тройка удалилась в комнату тов. Антонова и принялась за дело. А нужно сказать, что жизнь в исполкоме (дом бывш. губернатора) кипела день и ночь; в то время, как-то дико и нелепо слышать—«устал, домой», и т. д: Почти весь президиум жил, ел, спал там же, на работе в исполкоме, или где его свалит усталость.

Владимир Павлович Антонов информировал нас о том, что некоторые банки финансируют начавшееся движение контр-революционных генералов на Дону—Корнилова, Алексеева и других, а потому быстро и решительно нужно забрать банки в свои руки.

Дело с захватом банков для нас с тов. Хвесиным было довольно-таки неприятным, так как после захвата какого либо учреждения захватчик обязательно становился и во главе его, как управитель. Управлять же хитрой машиной банковских операций—нам не улыбалось, так как я в то время, да думаю, и тов. Хвесин, понимали в банковских делах столько, сколько понимает сазан в библии.

Это опасение мы высказали Владимиру Павловичу. Но на динамичного Антонова эти доводы не повлияли нисколько, а мы пережили несколько мучительных часов слушанья экспромтной лекции о строении и деятельности банков.

С смутной головой от усталости и смыкающимися глазами от ряда бессонных ночей, мы сидели и слушали «лекцию». С тех пор и до нынешнего дня я ненавижу всякие «лекции» до отвращения. Помню, как туго залазили в голову хитрые операции банков и всевозможные специфические термины, в роде «акцептант» и т. д.

Инициативной группой было поставлено на-завтра захватить банки в свои руки и только после проведенной операции сделать доклад Исполкому.

План захвата был радикален и прост. Было решено с утра смешанной воинской силой солдат местного гарнизона и красной гвардии, под руководством железнодорожников одновременно оцепить банки.

В пасмурное холодное утро, когда ветер мелкой пылью разметал сухой, только что выпавший снег, по замерзшей кочками земле,—я с телефонной книжкой в руках разбивал, смешивал отряды солдат с красной гвардией и посылал с напутствием для захвата банков, предварительно справляясь по телефонной книге абонентов адреса банков. Неумело, не по военному скомандовав, двинулся первый со своим небольшим отрядом в двадцать человек Сережа Кособоков, а за ним тронулись второй, третий отряды и т. д.

Отослав все отряды, я сообщил тов. Антонову, и мы трое, Антонов, я и Хвесин на автомобиле поехали отнимать у капитала капитал, последнее могучее орудие, посредством которого он еще боролся с диктатурой пролетариата. Под'езжая к «государственному банку», я увидел небольшие кучки народа, и сейчас же мелькнула мысль о нелепых слухах, которые полетят по городу со скоростью радио. Впоследствии, так и вышло. «Интеллигенция» и обыватель с пеной у рта доказывали, что большевики вывозили ящики с золотом, а тройка на автомобиле, так нагрузила автомобиль, что деньги прямо сыпались на землю, и кое-кто из подбиравших потом «человеком стал».

В «государственном банке» нас встретили воем и истерикой, так как, кроме служащих, была задержана и вся «публика», пришедшая «вложить» или «выложить». В кабинете директора нас встретил «сам»,

с широкой, седой, холеной бородой и, как говорится, «солидный». Об'ясняем цель прихода и диктуем: дать сводку операций банка, отпечатать сейфы и т. д. «Сам» стал сопротивляться, доказывать, что он отвечает только перед центральной властью временного правительства и т. д.

Полились убеждения и доказательства со стороны тов. Антонова. «Сам» не сдавался. Когда переговоры стали принимать затяжный характер, я не вытерпел и предложил взять в работу ретивого чиновника. Это резкое предложение человека в рваной солдатской шинели быстро привело к соглашению солидного директора, а мы, выпустив публику домой и заставив чиновников составлять сводку, двинулись дальше.

И так, мы ездили из банка в банк и везде встречали одну и ту же картину. Задержанную и волновавшуюся публику мы выпускали из временной золотой тюрьмы домой, а чиновников заставляли работать. Наша комиссия почти везде, во всех банках встречала самый ярый саботаж чиновников первого разряда. Нам везде заявляли, что наши требования о составлении сводки невыполнимы, что «это дело 5-ти дней», и кое где заявили, что на сводку нужно 1½—2 месяца сроку. Несмотря на такие «страшные» заявления чиновников, мы твердо заявили им, что до тех пор они не пойдут домой, пока сводка не будет готова.

— А если для этого потребуется год—кричали чиновники.

— Будете сидеть здесь год—отвечали мы невозмутимо.

Видя такую твердость с нашей стороны, чиновники остались делать сводки, и самая поздняя сводка поступила к нам в два часа ночи. В этот исторически-революционный момент не обошлось и без курьезов. Посланный мной отряд под командой тов. Черненко (железн. дорожн. рабочего) с адресом, мною взятым из телефонной книжки, попал не в банк, ему указанный, а в «страховое общество», ибо банк давно уже перебрался в другое помещение, и адрес в старой телефонной книге был старый. Ошарашенные страховики пытались было доказывать, что они де не банк, а «страховое общество», но... Черненко был непреклонен, и «банк» был им атакован. Самым последним и скандальным местом было казначейство, (где ныне губпрофсовет). В казначейство мы попали в 12 часов ночи, а там вся публика задерживалась до нашего приезда; легко себе представить испуганно-озлобленных голодных чиновников и публику, которая нас встретила. В то время, когда мы появились около «Волжско-Камско-Коммерческого банка», чтобы наложить пролетарскую «лапу» на золото капиталистов, нас встретила «делегация думских деятелей». «Думские деятели» призывали нас «побояться бога и не трогать «святой собственности». К сведению потомства сообщаю, что в этой «альтруистической» делегации были толпы кадет, меньшевиков и эсеров, а также представители попов, черной сотни и просто торгашей с Верхнего базара. Просьбы их «остановиться от грабежа» были полны угроз и кары возмездия. Вот это—истинные слуги капитала... В час ночи, мы были в доме бывш. губернатора и информировали исполком о переходе капитала в валюте от капиталистов в руки рабочих и крестьян. В это время у нас были в руках почти все сводки банков, и мы, делая информацию, оперировали цифрами.

Исполнительный Комитет заслушав наше «лихое дело» по захвату банков, признал его своевременным и правильным. Таким образом, эта огромная работа была проделана ровно в 24 часа, без длинных и скучных словопрений и заседаний. Через несколько дней инициативной группой был разработан и приведен в исполнение другой план—

захвата (вторичного и окончательного) думы и ее ликвидации. С захватом думы, ушел туда работать тов. Хвесин, а я, к своему крайнему недовольству, засел управлять финансами губернии. Работа была сложная и трудная, но это не входит в мою задачу, и я ограничусь этим беглым очерком захвата банков в Саратове. Может быть мои соучастники этой славной инициативной группы дадут более подборные сведения, чем эти, но я оговариваюсь и оправдываюсь тем, что события десяти лет непрерывной, тяжелой, но славной, Великой революции затушевывают все эти, исторически теперь забытые, дела, а тогда большие и важные.

Вот как были взяты в Саратове в руки рабочих капиталы Саратовской буржуазии в лето 1917 года, в дни великой Октябрьской пролетарской революции.

А. МАРЦИНОВСКИЙ.

В первые дни.

(Отрывки воспоминаний).

Борьба за укрепление власти.

Как только мы покончили с думой, мы получили известие, что в Разбойщине стоит эшелон с казаками, намеревающийся итти на Саратов. Навстречу казакам отправили отряды красногвардейцев и войска, а для переговоров послали тов. Ковылкина и еще кого-то.

Казаки были все настроены против большевиков, но под влиянием речей наших посланцев заколебались. Спустя несколько дней казаков уже не было: они направились домой, не то через Вольск, не то через Камышин (это были Уральские казаки).

Вскоре после этого в Уральске началось восстание казаков. От нас запросили помощь и мы отправили туда отряд нашей Красной Гвардии.

Одновременно с этим начались кулацкие восстания против Советской власти в 2-х уездах; пришлось и туда послать красногвардейцев и часть регулярного войска. Затем восстания в немецких колониях; там было арестовано несколько красноармейцев.

Когда мы об этом узнали, мы пошли туда на помощь и освободили арестованных, а на немцев наложили контрибуцию.

Весь ноябрь и декабрь месяцы и дальше, вплоть до лета, протекали в тяжелой напряженной обстановке. Постоянные угрозы нападения казаков, белогвардейцев и пр. отрывали много времени, сил и в то же время приходилось вести большую работу в городе и губернии по закреплению завоеванной власти Советов.

Нашей работе в учреждениях мешал саботаж. Когда мы выпустили арестованных работников в думе, то думали, что они будут подчиняться нашим постановлениям. Оказалось, что дело было далеко не так. Они стали саботировать и игнорировать нашу молодую власть—говоря, что большевики не дают высказаться, что они грабят и т. д. Вообще меньшевики и эсеры работали все время против нас, поэтому Исполком вынес постановление о разгоне Думы.

Нас, красногвардейцев вызвали из Саратовских мастерских для этого разгона. Мы окружили Думу и расставили посты. В большом зале был т. Васильев; он об'яснил служащим и членам Думы постановление.

Вдруг раздался выстрел. Многие испугались и спрятались под скамейки. Кто стрелял—так и осталось не выясненным, но во всяком случае не красногвардейцы.

Еще до разгона Думы были захвачены Банки. Во главе захвата Банков стояли железнодорожники, как основное ядро.

Саратов в этом отношении опередил другие города: даже в Москве Банки были захвачены гораздо позже, чем у нас.

Для захвата Банков был назначен Виктор Бабушкин и другие. Нас вызвали в ГИК и распределили по отрядам. Меня назначили во главе отряда на Александровской улице, где был Азовско-Донской Банк. Помню, когда мы вошли к управляющему Банка, то ни он, ни бухгалтер не хотели нам давать ни документов, ни ключей.

Под угрозой ареста ключи все же были принесены; сейфы и кассы вскрыты. Проверяли тов. Бабушкин и Антонов, а мы стояли охраняли.

Захват Управления Р-У. жел. дор.

С Управлением Дороги дело обстояло хуже, чем с другими учреждениями, ибо там саботировали до невозможности. Управленцы говорили, что нефти нам хватит лишь на несколько суток, что дорога негодится и т. д. Вместо снарядов, они нам доставили спирт для солдат. Солдаты стояли на линии, а им под нос подходили цистерны со спиртом и солдаты начали пить. Хорошо, что мы во время узнали об этом и откатили эти цистерны в жел. дор. мастерские, но мы также побаивались, чтобы рабочие не добрались до спирта; поставили возле него охрану, пока этот спирт не увезли на спиртной завод.

Когда нам нужно было отправлять войска, то жел. дор. служащие нарочно забивали станции. Над таким саботажем пришлось призадуматься. Управленцы говорили, что топлива нет, а когда мы стали искать—оказалось, что есть и топливо.

Надо было принимать решительные меры. Мы собрались в кино «Колизей».

На этом собрании главный разговор был о том, чтобы взять Управление Дороги в свои руки. Высказывались т.т. Ковылкин, Ерасов и другие. Но как это сделать—не знали. Выбрали комиссию, чтобы договориться с Исполкомом и провести в жизнь. В комиссию были выбраны: т.т. Лалов, Агеев, Ерасов, Ковылкин и Иванов. Это было примерно в средине декабря.

Помню, мы встретили новый год в городском театре. Подходит ко мне в театре Горбунов (которого я раньше не знал) и говорит: «тов. Ерасов велел Вам передать, что завтра в 10 час. утра Вам надо ехать в Москву». Я посмотрел на него с удивлением и сказал, что он наверное ошибается, но он назвал мою фамилию и подтвердил, что в 10 часов я должен быть в революционном Комитете.

В воскресенье в 10 час. утра, я пошел в Ревком. Встречает меня Ерасов и говорит: «Бери хлеб и поезжай в Москву. Комиссия решила, что ты должен ехать в Москву. Твое дело организовать там Ревком и забрать в свои руки все узловые станции от Москвы до Тамбова. В Тамбов едет Беляков, который должен взять в свои руки все узлы от Тамбова до Козлова, а в Козлов едет Вайфель; все должны привезти с собой делегатов». (Я между прочим привез 18 делегатов).

Мне велели ехать в Павелецкое депо в Москве, где работал большевик тов. Акимов, чтобы я с ним сговорился. Написали мне мандат на маленькой засаленной бумажке; на этом мандате была печать Комитета.

В Москву я приехал 2-го января, когда на дороге уже работали. Я стал спрашивать; где работает тов. Акимов. Меня тоже спросили для чего мне нужен тов. Акимов. Я сказал, что мой родственник и я хочу его видеть.

Когда тов. Акимов ко мне вышел, я показал ему свой мандат и сказал, что до 4-го января районы дороги должны быть в наших руках. Тов. Акимов вызвал еще двух коммунистов и начал советываться, что делать.Я предложил им организовать революционный Комитет.

Революционный Комитет был избран вошли в него: Воропаев, П. Янин, Акимов и еще двое. Когда мы собрались все вместе с коммунистами, они сказали, что ввиду того, что у них имеется районный Совет железнодорожников, то надо согласовать с ним. Акимов говорит мне: «Вы пойдите, расскажите, может быть, они присоединятся к нам, а то мы боимся, как бы нам ходу не было». Я согласился с ним, и мы пошли.

Меня окружили многие ребята железнодорожники. Я им рассказал, что думаю делать, что у нас Управление уже взято в наши руки, только надо доканчивать это дело. Меня сначала высмеяли, ибо там были меньшевики и эсеры. На это я им ответил: «Мы пришли к вам за советом и вы ответьте: согласны вы взять дорогу в свои руки или нет. Лучше было бы, если бы вы согласились взять, ибо Р.-У. жел. дор. находится в таком положении, что дальше существовать не может. Ввиду того, что Саратов имеет большое значение для государства, как хлебный район, надо взять дорогу. Они над этим посмеялись.—Я же сказал Акимову: «Давай уйдем, ну их к чорту».

Мы ушли и сами организовали Революционный комитет и дали телеграмму в Саратов о существовании Ревкома, а также в Каширу и на все ближайшие станции до Тамбова. Ревком запросил также все станции: не нужно ли там люди для помощи.

Мы сидели всю ночь и отовсюду получали ответ: «В помощи не нуждаемся, можем обойтись собственными силами, выделяем делегатов и организуем Ревком».

Мы организовали охрану, распределили комиссаров по пути, по телеграфу и т. д. и об'явили начальникам, что если они не будут работать, то мы их арестуем.

Как на грех, были снежные заносы. Много народа лежало на вокзалах и голодало. Мы приняли меры к тому, чтобы достать муки, выменяли ее на хлеб и давали по фунту хлеба тем, кто сидели голодные на станции, чтобы они очистили дорогу. Этим мы достигли того, что из Москвы смогли приехать делегаты и вообще на станции стало меньше публики. Я потом сам удивлялся, как скоро было выполнено это задание.

Через день или два путь уже был очищен и приехали 18 делегатов с разных станций. Когда все собрались, я сказал, что заседаний здесь мы не будем устраивать, а надо ехать в Саратов.

Из Тамбова мы получили телеграмму, что там не согласны. Дело в том, что большинство членов старого дорожного комитета удрало в Тамбов; они хотели отделиться и потому сопротивлялись. Когда мы получили эту телеграмму, то я сказал этим 18-ти делегатам, что им придется остаться в Тамбове, выступать там и доказывать о необходимости взятия дороги.

В Тамбове арестовали одного делегата. Тогда мы забрали два вагона, 2 смены машинистов и поехали в Тамбов.

Там на общем собрании железнодорожников выступало много наших противников, выступала и наша делегация. Часть Тамбовских рабочих с нами согласилась, а часть нет. Я поехал в Саратов. Спустя день и все делегаты приехали из Тамбова, там пришлось долго канителиться.

Андрей Агеев.
Умер от туберкулеза в 1923 году.

Пока я был в Москве, в самом Саратове 1-го января 1918 года было взято Управление Р.-У. жел. дор. в наши руки.

После распределения комиссаров по всей дороги, был созван у нас в Саратове районный Совет. В районный Совет выбирали из следующих учреждений: жел.-дор. мастерских, депо, управления. Нормы представительства я не помню. Попали в районнный совет некоторые представители и от эсеров и меньшевиков.

На пленуме представленный нами список был принят, ибо там было большинство большевиков. В районный комитет был выбран—Агеев, заместитель его—Федоров, казначеем—Бурсаков—эсер, машинист депо. В районном трибунале представителем Лалов, членом—Марциновский, затем кондуктор—Юрлов и некий Леонтьев (эсер).

Надо было назначить комиссара по дороге, ибо все спецы работать не хотели и надо было их заставить работать. Районным комиссаром по пути выбрали: т.т. Черненко, а Медведев был его заместителем; на телеграф был назначен Горбунов.

Е. Н. БОГДАНОВА

Участие женщины в завоевании и укреплении советской власти.

Хотя многое уже сгладилось и стушевалось в памяти, быстро сменяющимися событиями революционной борьбы, но я думаю, что и приводимый материал все же даст некоторую картину участия Саратовской женщины в строительстве Советской власти.

Уже в период после февральской революции женщины приняли горячее участие в подготовке Октября. Вначале количество их было мало. Первые выступали на борьбу женщины — большевички, но очень быстро революционная волна выдвинула новые кадры женщин — борцов революции.

Возраст и социальное происхождение их были различны. Участвовали и 50-летние старухи и 17-ти летние девушки. Были и работницы, и служащие и интеллигентки.

Разногласие и борьба большевиков за диктатуру пролетариата со всеми, бывшими тогда, буржуазными и мелкобуржуазными партиями. захватила и женщин и влила их в ряды нашей партии.

С февраля по Октябрь женщина участвовала на открытых митингах — площадях, улицах и в закрытых помещениях, посылаемая партией, шедшая сама, считая своей обязанностью быть в массе, — проводить большевистские лозунги.

Выступали не считаясь с умением красиво говорить. Удачное выступление часто меняло симпатии толпы. Так, например, тов. Марциновский рассказывал, как тов. Феоктистова спасла от побоев толпы, набросившись с резкими выпадами на офицеров, после чего сочувствие толпы оказалось на стороне тов. Марциновского.

Из постоянных агитаторов вспоминаются: Петерсон — подпольщица — работница, Рая Цейтлин, Степанова — подпольщица — работница с табачной фабрики, Куклина — кухарка, выступившая на общественную работу в революцию, имела большое значение, как агитатор и организатор масс, швеи — Корнеева, Феоктистова, Женя Вайнтруб, Минина — интеллигентка, Ревекка Минкович — фельдшерица (умерла в революции от тифа), мне, как жительнице гор, пришлось вести агитационную работу в горной части города.

Немалую роль играла так же женщина в проводимой глубокой пропагандистской работе, а также в укреплении первых после революционных организаций.

Клич большевиков: «Вся власть Советам» все более и более внедрялась в массу.

А в советах и в других организациях в это время засели меньшевики и эсеры. В Совете руководство принадлежало им, большевиков было немного. В члены Совета от женщин тогда прошли: Петерсон, Корнеева, Вайнтруб. Секретарем рабочей Секции была С. Кодакова.

Второй массовой организацией, куда нужно было войти — были продовольственные районные комитеты.

Организовались они в апреле. Выборы проводились широкой массой. Отражая классовую борьбу, собрания протекали бурно. Я прошла от горного района № 6 и от городского З . И. Лебедева. Были ли еще большевички от других районов не помню.

Далее шли предвыборные собрания и выборы в Городскую Думу и Учредительное собрание.

Несмотря на разные блоки антибольшевистских партий, их количественное превосходство, бешеную атаку, женщины не смущались и вели работу. Выше названые агитаторы, а также и друг. почти что жили на улицах. Особенно горяч был июль месяц, — когда шла отчаянная травля большевиков.

Часто в обстановке, раскаленной клеветой и демагогией меньшевиков и эсеров, женщина выступала перед раз'яренной толпой с горячими речами (Куклина и др.). Массы постепенно завоевывались.

Двумя выборными участками в Городскую Думу и Учредительное Собрание заведывали большевички: Романенко — подпольщица — работница, Н. Богданова — учащ. При проведении выборов все партии назначали своих представителей, которые должны были блюсти интересы своей партии. Я, З. Н. Лебедева и Феоктистова также были командированы на выборы. В Думу была избрана Романенко в числе 13-ти городских депутатов — большевиков. Тогда же оформлялись и профсоюзы. В некоторых из них женщины являлись организаторами и руководителями.

Союз домашних прислуг организовала товарищ Куклина, при помощи тов. Филипповой и тов. Цейтлин. Им пришлось вынести на себе всю тяжесть борьбы с хозяевами и организацией наиболее отсталой, забитой части трудящихся. Об'явления о собраниях писались или на клочках бумаги и ими же расклеивались на базарах и т. д. В союзе швейников работали Женя Вайнтруб, Эсфирь Марциновская, М. Тихомирова и др. До Октября и власть и материальные средства были в руках меньшевиков и эсеров. Требовалось колоссальное напряжение в борьбе за захват масс, для чего партия собирала все наличные силы, из которых большой процент были женщины и девушки.

Приходилось выполнять массу технической работы, имевшей в то время громадное значение.

При выборах у меньшевиков и эсеров наклейку плакатов, распространение листовок, газет и проч. производил платный аппарат. По городу шныряли разукрашенные автомобили, из которых нарядные эсеровские девицы с бутоньерками на груди и букетами цветов в руках, густо осыпали всех разноцветными бумажками с фамилиями, выставленных кандидатов, воззваниями, обещаниями и т. п.

У нас же средств не было и в свободное от работы время, часто поздно вечером, а иногда уже и ночью мы ходили по улицам и клеили наши воззвания, небольшого размера, попутно срывая, заполнявшие все заборы, огромные вражеские плакаты.

Издававшаяся большевистская газета «Социал Демократ» требовала также много сил по ее распространению. Эту работу несла, главным образом, зеленая молодежь, большинство которой было девушек. На всех митингах можно было их встретить с пачками газет, которые они продавали. Ходили они по чайным, фабрикам, заводам, киоскам и просто по улицам. Работа, как будто незаметная, но в то время она имела громадное политическое значение. Помню из таковых работниц —

Лену Феоктистову, Нюру Пытину (Бабушкину), М. Кузнецову, Нину Богданову и др..

В ночь переворота женщины были на боевых постах — я, Романенко, интернационалистка — студентка Гольдин были на перевязочном пункте в чайной М. Архангела, где была расположена наша боевая часть. Ревекка Минкович, П. В. Зайцева (фельдшерица) и др. дежурили с перевязочным материалом в Исполкоме.

В первые дни жизни Советов женщины свои знания, силы и энергию отдавали на их укрепление. Рая Цейтлин была секретарем первого большевистского Исполкома, ее замещала Н. Богданова, потом Корнеева. Отдельные поручения выполняли Смуржик, Романенко, Антонова.

Советы были окружены врагами, что вызвало боевую напряженность. Здание Губисполкома представляло военный штаб. Молодежь составила боевую дружину, — и в ней девушки Р. Смуржик, З. Романенко, Н. Богданова и др.. Организуется Чека, там работают З. Красильщик, Волковская и другие.

Переходим к будничной работе — созданию нового аппарата, взамен старого бюрократа — чиновника, яро противодействующего нашей работе, нужны верные свои люди и Саратовская организация выдвигает на ответственные посты женщин. Несмотря на отсутствие организационного хозяйственного опыта в прошлом и тут, при саботаже чиновничества, успешно и планомерно ведет свою работу — комиссар почты-телеграфа тов. Корнеева, неопытные швеи — Пчелина, Тальская, Захарова, Кузнецова и др. становятся почтовыми работниками... Их учила и воодушевляла борьба, пролетарский инстинкт им указывал верную дорогу!..

Романенко, Минина и я, работая в Совете городских комиссаров. однажды были окружены «восставшей» толпой фельдшериц, учительниц, — пришедших за жалованием и не получивших его из-за отсутствия денег. Они были настолько раз'ярены, что одна из них набросилась на меня с кулаками, а другая плюнула Мининой в лицо, но случайно не попала.

Борьба с Советской властью со стороны гнилого, бессильного чиновничества принимала иногда комический оттенок. выражаясь в подбрасывании нам пасквильных стихов, похабных ругательств, расклеивании их на стенах.

[redacted].

С января 1918 года я, а затем и Рая Цейтлин были посланы на работу в Губпродком.

Борьбу приходилось вести с поставщиками обуви — меньшевиками, которые в своих действиях не стеснялись и поставляли совершенно негодную обувь.

Немало и среди райуполномоченных засело антисоветского элемента. Наша работа ревниво охранялась: крестьянам казалось, что все «блага продкомовские» нами отдаются рабочим, и наоборот.

Работа наша усложнялась с каждым днем, так как начинался недостаток предметов первой необходимости. Все это отягчалось работой контр-революции, сеявшей панику в населении.

Проявлялись и уродливости в связи с так назыв. властью на местах, в силу чего получались зачастую несуразности: за Волгой в (Покровске) горы прекрасного белого хлеба, а в Саратове не хватало на паек полфунта — четверть фунта белого хлеба!..

В 1918 году мобилизуются на фронт Галковская, я, одна беспартийная (врач) едет добровольно.

Женщины активистки 1917—1918 года.

I ряд — сидят на полу: тт. Филиппова, Бутова и Марциновская. II ряд — сидят: тт. Степанова, Алексеева, Богданова. Эрфрут и Куклина. Стоит одна т. Зайцева. III ряд—тт. Бабушкина, Шлюзберг, Кузнецова, Ершова, Лалова, Сбродова, Рауман, Захарова и Смуржик

1919 год застает меня, Романенко, Белявскую и Рубакину на здравотдельской работе.

Работа по здравоохранению была крайне сложна. Город перегрузили лазаретами. Помещений было крайне недостаточно. Отсутствие дров, белья, медикаментов, лишало нас возможности ставить больных в человеческие условия. Настроение у медперсонала было упадочное, да еще к тому же среди него было достаточно антисоветского элемента. Квалификация медперсонала оставляла желать лучшего. Безобразий творилось много. Однако, и в этой обстановке, здравотдел шел по линии обеспечения трудящихся мед. помощью. Зараждалась и развивалась советская медицина.

Создается комиссия помощи больным и раненым красноармейцам. В ней работаем — я, тов. Юшкина (от грузчиков) и тов. Кукс.

При полном отсутствии денег, приходилось изощряться в поисках средств.

Нужно строить новый быт. Женщина выступает и на этом фронте, часть из них отдает свои силы коммунистическому воспитанию детей. Создаются ясли, дет. сады. На этой работе выделяется тов. Лалова, — малограмотная работница папиросница, получившая революционное воспитание еще в подполье с его тюрьмами и ссылкой, организатор дет. сада, яслей жел. дорожников, а затем дет. городка, где теперь воспитываются и работают, обучаясь ремеслам, более 600 детей.

Голод в Поволжье. Женщина идет на борьбу с ним. Есть случай, когда целая волость жила до следующего урожая, благодаря активности женщин — работниц — чл. Союза мед. сантруд.

Организуются первые кооперативы, и там видна активность женщины.

Мало ограничиться перечисленными активными товарищами, — имена коих запомнились.

Мощность и величие нашей борьбы захватили массы.

Вспомним субботники! Сколько там участвовало женщин, девушек, почти детей! Я помню субботник на ст. Князевка. Грузили шпалы. Тяжелые бревна таскали, даже беременные... А погрузка железа на ст. а мытье полов в больницах, лазаретах, дет. домах, а починка белья, пошивка одеял!.. Всего не перечислишь.

Все приведенное, касается лишь товарищей, попавших в поле моего зрения. Об остальных раскажут другие. Но вспоминая прошлое, видишь женщину агитатора, организатора, видишь ее с винтовкой, марлей, тряпкой в руках, видишь ее и в Чека и в Детдоме, видишь ее с газетой, со шпалами, видишь ее во всех учреждениях и организациях пролетарской общественности!

С каждым годом участие женщины в социалистическом строительстве расширяется. За эти 10 лет с Октября выдвинулись новые и новые кадры женщин. Идут свежие силы, вовлеченные в строительство Женотделом, идет наша молодая смена через Комсомол, а за ними виднеются задорные, здоровые пионеры.

Растет культурный и политический уровень женщины через Рабфаки, Вузы.

Поднимается квалификация женщины у станка на фабрике, заводе, в фабзавуче и профшколе!..

Готовится женщина — инженер — в Вузе и женщина — мастер на заводе!

Октябрь освободил женщину, дал ей права. Нужно втянуть в общую борьбу за социализм всю малосознательную женскую массу.

Эта задача еще и сейчас стоит перед нами.

М. ЛЕВИНСОН.

На великой стройке.

(Перелистывая комплекты «Саратовских Известий»...).

Да мы живем и в жизни крепнем. Далеким эхом, по заволжским степям, вместо прежних голодных стонов, разносятся паровозные гудки. К утренним зовам фабричных труб, тысячи рабочих с гор. Патрикеевки, затона и солдатской слободки спешат к станкам, горнам и машинам завода им. Ленина, депо, ж.-д. мастерских и мельниц. Стелят дым своих труб и шум машин—над Волгой и меловыми горами, вольский гигант цемзавод «Большевик» и «Красный Октябрь». У подножья Саратова в бетоне растет, в говоре камнедробилки, будущая мощная электростанция.

Это шумят леса нашей великой социалистической стройки. Это саратовский пролетариат день за днем подымает ее этажи.

Весной этого года, рабочие депо провели общественный смотр депо. Через несколько недель, тоже самое сделали у себя на фабрике—табачники, Ленинцы недавно провели смотр завкома, Стружкинцы—парт'ячейки. На каждом предприятии своя производственная комиссия и совещание. Тысячи рабочих участвуют в систематической повседневной работе по улучшению производства.

От огня мы шли к ремонту, от ремонта мы идем уже новостройками. Труден путь. Только оглянувшись назад, можно видеть, как много пройдено. Память человека коротка, и жалко, что единственными пока источниками участия саратовских рабочих в социалистической стройке являются комплекты—«Саратовских Известий». Пожелтели страницы газет, трудно прочесть строки, тиснутые плохой краской на плохой бумаги. Но с пожелтевших страниц былые годины бросают яркий свет в **сегодня.**

Саратовские рабочие, также, как и весь рабочий класс России. исторически, не приобрел общественно-производственных навыков. В эпоху штурма твердынь капитализма, это сыграло огромнейшую революционную роль. Но когда штурм сменился стройкой, только великая привычка к коллективному труду и политическая сознательность дали возможность русскому рабочему приобрести эти навыки.

От одиночек производственников—до массовых производственных совещаний. От рабкоровской заметки—к массовым смотрам. От взрывов трудового энтузиазма—до повседневной, кропотливой систематической работы.—Таков путь участия саратовского пролетариата на социалистической стройке.

* * *

Последним годом войны был 1920 год. Двадцать первый год сулил начало мирного строительства, и, в то же время, он оказался самым труднейшим годом, который, когда-либо до и после,—переживала

революция. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство были накануне полного краха, который вслед за собой мог повлечь крах советской системы.

Да, это был, неслыханно-труднейший год!

Нужно было, в первую очередь, в особо ударном порядке, оказать поддержку и дать толчек к развитию—сельскому хозяйству. Нельзя было, ни на минуту, забывать промышленность и транспорт. Но первоочередное внимание требовало крестьянское поле. Это внимание ему было оказано.

В январе 21 года, советское правительство начинает готовиться к весенней посевной кампании. Эта кампания, совершенно справедливо была названа—великой, и в ее проведении на саратовских рабочих была возложена особо ответственная задача.

12 февраля на металлозаводе бывш. Колесникова, состоялось расширенное заседание горсовета совместно с рабочими завода, посвященное предстоящему великому посеву. Это историческое заседание вынесло резолюцию мобилизовать половину членов горсовста на проведение посевной кампании. Горсовет вместе с рабочими колесниковцами призвал весь Саратовский пролетариат к величайшему напряжению в деле помощи посевной кампании. Они потребовали от него неограниченный рабочий день—для ремонта с.-х. орудий и инвентаря.

Через три дня, для посылки в деревню уже были мобилизовано свыше 500 рабочих и коммунистов. Рабочие железнодорожники усилили переброску семян. Двести ремонтных мастерских ГСНХ готовы были начать ремонт с.-х. инвентаря и орудий. Рабочие депо увеличили с 9 до 12-ти суточный выпуск паровозов.

Но посевная кампания давая лишь надежду на хлеб, в то же самое время потребовала сокращения потребления хлебных запасов. В марте, горсовет был принужден месячный фонд потребления хлеба с 282 тысяч пуд., снизить до 215 тысяч. Тот, кто получал фунт с четвертью хлеба, стал получать лишь фунт. Кто получал фунт—получил ¾ фун. Другого пути, продержаться до осени не было. И этим воспользовались кадеты и эсеры.

В самый разгар переброски семян в Заволжье, почти в день восстания в Кронштадте, в первых числах марта в среду рабочих ж.-д. мастерских проникают провокаторы и вместе с «учредиловцами» эсерами и меньшевиками стали подбивать рабочих на забастовку. Играя на голоде, их прямой целью—был срыв переброски семенных грузов в Заволжье. Деревня горела в огне бандитских восстаний и вряд ли когда-либо для саратовских рабочих, наступило более тяжелое испытание.

Бывает так. Несешь тяжелую ношу и, неожиданно, дрогнут в коленях ноги. В это время нужно большое самообладание, что-бы не упасть.

Так было и с рабочими ж.-д. мастерских. На мгновение ими овладело сомнение. Меньшевикам и эсерам удалось затянуть их на собрание во время работы. Но дальше собрания рабочие за ними не пошли. Политическая сознательность, преданность советам взяли верх над голодным желудком. Ставка шептунов, провокаторов и «учредиловцев» на забастовку была бита самими рабочими и бита окончательно.

В этот ответственнейший для Саратовского совета исторический момент ему необходима была действительная поддержка всех рабочих.

И он ее получил.

8-го марта рабочие котельного завода заявили горсовету:

«Мы не допустим прекращения работ и отдадим всю свою энергию для своевременного выпуска из ремонта нашего Красного Флота».

Вместо, так желаемой забастовки, ответом предателям был трудовой энтузиазм. Вслед за котельщиками 11 марта рабочие завода «Сотрудник» Р.-У. ж. д. постановили производить сверхурочно ремонт с.-х. орудий и инвентаря. Губсовнархозом «Сотруднику», тут же, был передан заказ на изготовление 52 тысяч предметов.

Вместе с сотрудниковцами с поддержкой и доверием Совету выступили рабочие и других предприятий.

Золотовские водники в апреле добровольно увеличивают рабочий день на полтора часа. Во время ледохода, саратовские водники, в нечеловеческих условиях, спасают караван. Команда парохода «Семьянин», работая днем и ночью, выводит судно в плавание, сократив в 5 раз, положенный срок ремонта.

Можно было бы привести сотни примеров трудового под'ема рабочих.

Голодные, усталые, истомленные трудом, они отдавали последние силы на восстановление разрушенного хозяйства.

Саратовский пролетариат положил не мало усилий на крестьянское хозяйство, он сберег в тяжелую годину от окончательного разрушения свое производство, он, кроме того, сам засевал поля пшеницей и рожью.

Великая посевная кампания была проведена. Рабочие жили великой надеждой на всходы. По утрам, каждый прежде всего смотрел на небо. Оно было сине и безоблачно. Люди начали проклинать солнце. Скоро стало тревожно, а в газетах зловещие цифры о состоянии хлебов, вещали о голоде.

И он пришел, вместо великой надежды на хлеб, голод, превративший людей Заволжья в канибалов.

Перед рабочими встал вопрос быть, или не быть. Но инстинкт, здравый инстинкт победившего класса подсказал им, что единственный исход, чтобы не быть разбитыми, в помощи голодного голодающему и в твердой железной выдержке.

Саратовские рабочие развели небывалую помощь голодающим. Начиная от деповцев и кончая могильщиками Воскресенского кладбища, все рабочие коллективы провели отчисления в пользу голодающих.

А в это-же время железнодорожники перебрасывают новые сотни тысяч пудов семян для озимых посевов в Заволжье и по губернии. Рабочие котельщики, учитывая всю важность котельных работ, в связи с постановлением ГСНХ о закрытии завода, берут его содержание на себя. Рабочие Волжского завода увеличивают интенсивность труда на 16%, «Сотрудника обороны» на 40%, а универсальцы в октябре м-це, доводят выработку деталей сапожных машин на 112% выше задания, увеличив интенсивность труда на 223%.

Было-бы ошибочно думать, что в это время на фронте промышленности мы наступали. Наоборот, мы отступали, вплоть до сдачи заводов в аренду и их консервацию.

Но рабочие в этом были меньше всего виновны. Их заслуга в том, что они, с исключительной выдержкой дождались более лучшего времени, когда они снова вернулись на предприятия.

На работающих предприятиях, основное внимание рабочих во время наибольшего разгула голода было сосредоточено на борьбе с хищениями.

В 1922 году табачники изгоняют из своей среды шестерых рабочих, занимавшихся кражей табака. На общих рабочих собраниях, в печати—они требуют от горсовета более решительных мер по борьбе с хищениями, как на заводах, так в особенности на транспорте. В апреле 22 года по требованию рабочих снимаются с работы за неумелое хозяйствование два директора бондарного треста.

Несмотря на голод, где только можно, рабочие коллективы стремились пресечь расхищение народного имущества, сохранить производство и даже двинуть его по пути развития.

В истории пролетариата Саратовской губернии, этот год займет почетное место. Несколько страниц этой славной година будут особо уделены рабочим цемзавода «Красный Октябрь».

В 1918 году за отсутствием топлива цемзавод остановился. Но вот в конце двадцатого года до рабочих дошел слух, что Москва предполагает снова пустить в ход завод. Слух всколыхнул рабочих.

Будем работать бесплатно, но завод пустим, — заявили цементники.

И голодные, Краснооктябрьцы к осени 21 года подготовили завод к пуску.

Была одержана гигантская победа. Но 16 сентября все усилия рабочих были уничтожены. В 6 часов вечера этого дня, на заводе возник пожар и через 15 часов огнем были уничтожены механические и ленточные транспортеры, все ремонтные мастерские, склады цемента и лесопилка.

Вряд ли, голод, так сильно мог ударить по рабочим, как злая рука, подпалившая завод. Полная растерянность охватила рабочих, многие плакали, словно дети. Но воля к жизни была слишком велика. Через несколько дней, рабочие снова принялись за восстановление завода. Им помогали, собирая гвозди на пожарище, их дети и жены.

5-го ноября 21 года завод был снова восстановлен и пущен в ход.

Осенью 22-го года голод был бит.

В ноябре был пущен в ход завод «Сотрудник Революции». Накануне пуска «Сотрудника» заработал завод № 2. Газетная заметка того времени о пуске завода сообщает: «Много пришлось поработать нам над восстановлением завода. Работали днем, прихватывая и вечера и, наконец, после невероятных усилий маслозавод готов к пуску.

Среди саратовских рабочих, переживших голод, намечается огромный политический сдвиг. Партия была выверена в самый трудный момент. В день пятой годовщины Октября рабочие завода «Новая Этна» обратились с личным письмом к В. И. Ленину, в котором просят согласия Ильича назвать завод его именем.

Ровно пять лет тому назад «Новая Этна» получила имя вождя В. И. Ленина.

23-го декабря на заводе с большим под'емом проходит день сближения рабочих с партией.

В канун нового года на страницах «Саратовских Известий» была помещена рабочая заметка о состоянии фильтров:

«Отступление кончилось—идем вперед».

Выдержка и героизм Саратовского пролетариата оказались сильнее голода и разрухи. Рейд голода закончился. Началось наступление.

* * *

Период после голода потребовал от Саратовских рабочих не только взрывов трудового энтузиазма, но и повседневной борьбы у себя на предприятиях с хищением, неувязками в производстве, бесхозяйственностью и хозяйственным головотяпством. Энергия рабочих могла только на известное время поддержать жизнь разрушающегося хозяйственного организма. После голода нужно было залечить раны этого организма.

Были ли в то время на предприятиях те каналы, по которым могла-бы пойти, бурлящим потоком, повседневная производственная активность масс?

Нет. Эти каналы отсутствовали. Экономическая работа профсоюзов еще не была приспособлена для этого. О производственных комиссиях и совещаниях тогда еще не знали. Вот почему, впервые эта активность выливается на страницах «Саратовских Известий» и она же явилась непосредственной причиной возникновения рабкоровского движения.

Когда перелистываешь газеты конца 22-го года и всего 23-го года, то видишь, как, от одной заметки, жизнь фабрик и заводов, завоевывает себе чуть не целую страницу. С каждым днем росло число рабочих корреспондентов. Первоначально, эти одиночки силу своего пера обращали против отдельных личностей—хищников производства, бюрократов и головотяпов. Однако вскоре, не оставляя борьбу с «конкретными носителями зла», рабкоры идут войной против недостатков производства, отражая в печати производственную активность масс.

В отделе «Рабочая Жизнь» производство завоевывает первое место. Но все-же это было далеко до действительного участия масс в производстве. Производственная повседневная активность рабочих, их неисчерпаемый опыт не использовался.

Лишь 2-го ноября 1923 года состоялась конференция фабзавкомов, где был поставлен доклад об участии ФЗМК в производстве.

Эта задача, говорил в то время, докладчик тов. Трушечкин, не легкая. У нас не было и приблизительного подхода к этой работе. Сами хозорганы далеко еще не подошли к анализу своего производства.

Но и после конференции практически вопрос был поставлен в плоскости участия в производстве профорганизаций, но не масс.

Участие-же масс шло через голову заводских организаций. Массовая активность сначала находила свое отражение в газете и, уже после, возвращались обратно на завод.

Сколько было снято работников за бесхозяйственность! Сколько исправлено недочетов в производстве! Сколько рабкоры-одиночки предотвратили возможных ошибок!

В том-же году производственная активность масс нашла себе еще одно русло—стенные газеты.

В конце 23 года, впервые на страницах «Саратовских Известий» рабкоры подымают вопрос о необходимости участия в производстве—самой массы. Для этого, предлагается организовать на предприятиях кружки «ревнителей старого железа», «красной меди» и т. п.

6-го ноября на заводе «Сотрудник Революции» собрались рабочие «Сотрудника», «Универсаля» и Волжского завода, где они обсуждали производственную программу на 23—24 хозяйственный год.

Но на всем этом лежала печать, какой-то ударности и кампанейства. По существу-же опыт рабочих не использовывался, ибо намечались лишь формы выявления этого опыта.

Только в 24 году, впервые, на предприятиях организуются производственные комиссии и совещания, и нужно отметить, что их значение масса поняла быстрее, чем многие хозяйственники.

Так, рабочие макаронной фабрики рекомендуют своему заведующему приходить на совещание с цифрами, а не с голыми фразами.

Рабочие водопровода требуют, через печать, от своих хозяйственников созыва производственного совещания. Страницы газет за 24 год сплошь усеяны заметками о работе производственных совещаний и комиссий на предприятиях. На заводе им. Ленина производственное совещание длится два дня. С возникновением производственных комиссий и совещаний попутно идет рост количества изобретений. Появляются изобретения рабочих Савельева, Кузнецова, Шевцова, Земляухина и других.

Но одновременно угрожающим стало положение с недостаточным темпом роста производительности труда. Рост зарплаты значительно обогнал рост производительности труда.

Рабочие «Сотрудника Революции» дают наказ своему завкому принять все меры к поднятию производительности труда и установить строгую трудовую дисциплину.

Водопроводчики повышают производительность труда на 15%.

Рабочие мастерских, так-же дают повышение производительности труда.

Гораздо хуже обстояло дело с производительностью труда на заводе им. Ленина. Это обстоятельство побудило ВСНХ снять с завода им. Ленина. Это был слишком тяжелый удар для рабочих.

В ответ на постановление ВСНХ—рабочие заявили:

— **«Раз у нас не было особенных заслуг перед революцией во время гражданской войны, то мы будем иметь их на фронте труда, и от своих слов переходим к делу: доборвольно повышаем норму выработки на 10%. Предлагаем последовать нашему примеру в первую очередь рабочим трампарка, который имеет название им. Ильича».**

Трампарк вызов принял. Кампания производительности труда дала большие результаты. Трудовая дисциплина самими рабочими была значительно повышена.

Однако с результатами работы производственных комиссий и совещаний дело обстояло гораздо хуже. Последние, вызвав небывалую активность, в то же время, настолько слабо руководились профорганизациями и хозяйственниками, что конкретная их польза была значительно ниже активности рабочих.

Двадцать пятый год проходит под знаком приближения Саратовской промышленности к довоенному уровню. Завод им. Ленина впервые дал прибыль. Цемзавод «Красный Октябрь» вырабатывает 692 тысячи бочек цемента вместо 591 тысячи в 1923 году.

В 26 году пускается в ход гигант «Большевик» и механизированный кожзавод № 1. Достигает довоенного уровня мануфактурная фабрика «Красный Октябрь». Обнаруживает огромный рост и дает прибыль «Мир хижинам—война дворцам». Ж.-Д. мастерские перешагнули довоенный уровень.

В начале 27 года мы идем полосой, оставив позади довоенную промышленность.

Крестьянское движение в Саратовской губернии в 1917 году.

В Саратовской губернии, аграрное крестьянское движение давало себя заметно чувствовать еще четверть века тому назад, в 1901—1902 г.г. В эпоху первой русской революции (1905—1907 г.г.) оно проявилось с огромной силой: губерния стояла в те годы на одном из первых мест по размаху аграрного движения. Интересные данные об этом размахе приводят тов. Троцкий в своей книге «1905 г.».

«За короткое время было сожжено и разрушено в стране свыше 2.000 помещичьих усадьб, из них в одной **Саратовской губернии—272.** Убыток помещиков только по 10 наиболее пострадавшим губерниям определялся, по официальным данным, в 29 миллионов рублей, **из которых на одну Саратовскую губерн. приходится около 10 миллионов.**

Эти цифры не должны удивлять. Саратовская губерния, во-первых, по своей территории и населенности превосходит многие другие; во-вторых, в губернии было сосредоточено очень значительное количество крупных помещичьих земель. А вообще, так называемых, частновладельческих земель было накануне революции свыше 1.250 тысяч десятин, из 6.423 тысяч десятин всех земель в губернии. В пользовании крестьянства оставалось (вычитая также государственные земли) 4.069 тысяч десятин. На одно крестьянское хозяйство приходилось, в среднем, 9,43 десятины, на душу—1,6 десятин. Тогда, как рядом были огромные помещичьи экономии, в большинстве сосредоточивавшие в своих пределах наиболее удобные и лучшие земли.

Так было перед февральской революцией 1917 года. Последняя разбудила надежды крестьян на получение земли, но на первых порах крестьянство заняло выжидательную позицию. Оно ждало, когда власть распорядится отдать крестьянам помещичью землю. Время летело; буржуазная власть и не думала отбирать землю у помещиков. Тогда крестьянство заволновалось; уже по истечении нескольких недель со дня февральского переворота, появились первые искорки грядущего пожара земельной революции.

Циркуляром министерства внутренних дел временного правительства было предложено местам сообщить в главное управление по делам милиции сведения об аграрном движении, беспорядках и т. п. Из Саратовской губернии такие сообщения полетели с апреля 1917 года.

Вот наиболее характерные из них:

«В имении Гагарина, Камышинского уезда, 3 апреля население арестовало штат администрации, захватило поля, вытравило сенокосы, производило рубку леса, не щадя и искусственные лесонасаждения, вылавливало в прудах разводимую рыбу; забрасывали колодцы, отбирали военно-пленных, не допустили пахать пар, описывали имущество. Были поджоги сена и леса. Уездный Комитет бессилен. Управляющий имением просит помощи.

— В Сердобском уезде крестьянами насильственно захвачено 3.432 десятины земли, приготовленных к засеву в имении Сабурова.

— В Липовской волости, Саратовского уезда, крестьянами насильственно отняты земля, имущество, инвентарь и скот у местного землевладельца Хвалова.

В мае поступают такие сведения:

— В Вольском уезде крестьянами отобраны у помещицы Рубцовой земля и лес.

— В Петровском уезде крестьяне самовольно заняли пахотную землю в имении Толмачевых, при деревне Трегубовке, разогнали рабочих и сняли военнопленных.

— В имении Трескино, принадлежавшем П. Н. Дурново, в Сердобском уезде, сообщают о препятствиях, чинимых партизанами и делающих невозможным ведение хозяйства: запрещают продавать скот, сдавать сад и пр.».

В июне, июле и августе—та же картина, по сведений становится все больше и больше, что указывает на то, что движение принимает большие размеры. Уже из всех буквально уездов летят тревожные телеграммы. Но пока что крестьяне держатся еще сравнительно «мирно»: захваты не носят **массового** характера, случаев разгрома имений тоже немного.

Сентябрь показывает уже совершенно иную картину. Аграрное движение принимает стихийный характер. В сводках и сообщениях за этот месяц звучит отчаяние и растерянность перед лицом поднимающейся крестьянской волны.

— «В Балашовском уезде,—гласит телеграмма председателя Правления Саратовского Губернского Отдела земельных собственников, Юматова,—крестьяне громят имения, выгоняют и бьют владельцев и служащих, жгут гумна.

— В Сердобском уезде, в 8 верстах от имения Азаровича, наблюдались случаи вооруженных нападений на местную администрацию.

— В Сердобском уезде крестьяне грабят и жгут постройки землевладельцев. Власти бездействуют.

— Аграрные беспорядки в губернии разрастаются. Разграблены имения Ананьева и Устинова. Местные власти бездействуют».

Орган Саратовских меньшевиков газета «Пролетарий Поволжья» отмечает в № 99 за 28 сентября (по старому стилю), то же самое:

«В Сердобском уезде, развивается крестьянское погромное движение. В ночь с 19 на 20 с. м. и все 20 крестьяне с. Салтыковки громили имения Азаревича и Черкасовой.

В имении Л. И. Устиновой, Еланской волости, в ночь на 25 с. м. приехавшими неизвестными крестьянами, перерезано и увезено 400 шпенских племенных овец, причем караульный, пастух и овчар были заперты в землянке.

В Аткарском уезде—брожение, вызванное постановлениями крестьянского с'езда в Саратове. Пожелания с'езда об отмене частной собственности на землю крестьянами приняты, как закон, и проводятся в жизнь.

В Вырыпаевской волости крестьяне с. Агаревки, расхищают леса земледельца Фициуса.

Губернскому комиссару телеграфируют: крестьянами Мещерской волости составлен приговор—снять 27 с. м. в экономиях всех рабочих и пленных. До полутора тысяч скота остается без корма и призора. В лесах производится массовая хищническая порубка. Землю постановлено переделить по наличным душам.

Сельские общества постановляют арестовывать владельцев.

Уездный исполнительный комитет телеграфирует, что беспорядки в уезде разрастаются, принимают серьезные размеры. Местные власти справиться с разгромами безсильны.

Губернский комиссар распорядился принять все меры для прекращения беспорядков. Отдано распоряжение о переводе части войск из Аткарска для охраны имущества и порядка в уезде».

Но еще недели полторы назад (16 сентября) тот же губернский комиссар в официальном донесении сообщил, что в губернии «вообще спокойно» и были лишь «единичные случаи грабежей и убийства». Казенный оптимизм, как видно, долго не держался и уступил место иной оценке происходящего. 4 октября в официальном органе губернской власти «Саратовских Губернских Ведомостей» (№ 77) печатается статья-призыв, где констатируется, что **беспорядки в Саратовской губернии не прекращаются.** Продолжаются разгромы имений, хищение скота, хлеба из экономий, порубки лесов, разделы частновладельческих земельных угодий». Газета жалуется на... «моральный вред» от этих беспорядков и грустно отмечает: «Гибнет вера в силу и мощь революционной демократии, в ее способность к организованной творческой работе»... «Граждане. Будьте гражданами, — призывает газета, — достойными сынами освободившейся от векового гнета многострадальной России. Не дайте

ей погибнуть. Не разрушайте ее (читай: помещиков — Ред.) благосостояния».

Но «граждане» остались глухи к этому призыву. «Революционной демократии», олицетворяемой меньшевиком Топуридзе (губернский комиссар), они уже не верили: ведь за 7 месяцев революции эта «демократия» ровным счетом ничего не сделала, чтобы провести в жизнь самые основные революционные задачи. И в Октябре крестьянское движение продолжает расти. Тов. В. П. Антонов-Саратовский указывает, что только за период 7—21 октября по губернии подверглись разрушению до 50 имений. Репрессивные меры не помогали, да и не было в распоряжении официальной губернской власти (губернского комиссара), такой силы, при помощи которой можно было бы справиться с возникающими одновременно во многих местах волнениями. А местные земельные Комитеты не слишком охотно шли на конфликт с крестьянством; чаще всего они (комитеты) или смотрели сквозь пальцы на самочинные захваты земли и лесов, или даже санкционировали эти захваты.

Бесспорным авторитетом среди крестьянства Саратовской губернии в первые месяцы Февральской Революции пользовалась партия эсеров (социалистов-революционеров). Издавна губерния являлась как бы цитаделью этой партии и еще в 1905 — 1907 г.г. в городах и деревнях были крепкие и многочисленные с.-р. организации. Но... программа этой партии была революционнее, чем сама партия, чем вся ее политика и тактика после февраля 1917 года и Саратовское крестьянство скоро убедилось в этом. Правда, созывавшиеся до Октябрьской революции, губернские крестьянские с'езды (их было два) носили ярко выраженную эсеровскую окраску и как будто бы показывали, что ни одна другая партия, кроме этой «крестьянской защитницы», не имела и не имеет корней в крестьянской массе, но уже на 2-м с'єзде, проходившем в середине сентября 1917 года, наметились кое-какие признаки того, что в «эсеровском царстве» далеко не все обстоит благополучно.

Так, по одному из основных вопросов повестки дня—о власти, большинство делегатов с'езда весьма неприязненно встретило принцип коалиции с буржуазными партиями. И официальный эсеровский докладчик по этому вопросу на с'езде Минин вынужден был, учитывая настроение, протестовать против сотрудничества с буржуазией (это в то время, когда ЦК и верхи с.-р. партии определенно стояли за коалиционную политику).

Но вынесенная с'ездом резолюция по вопросу о власти отличалась крайней расплывчатостью; ее (резолюцию) составители постарались сгладить все острые углы и оставить лазейку на всякий случай. Вот что гласит, например, 3 пункт резолюции:

«Корниловское восстание сделало для всех ясным, что имущие классы—против революции и, что только дружными усилиями трудового народа, можно побороть темные силы старого порядка».

Однако, дальше резолюция останавливается в нерешительности перед напрашивающимися выводами. И предпочитает обойтись, в сущности, без всяких выводов.

«Поэтому,—говорится в следующем, 4 пункте резолюции, мы находим необходимым создание правительства из лиц, которые неуклонно творили бы народную волю и были бы ответственны перед центральными органами об'единенной демократии».

Что это за «лица», творящие «народную волю», и что подразумевается под словом «центральные органы об'единенной демократии»—этого резолюция не поясняла. При желании можно было сюда включить какое угодно содержание.

За то по вопросу о земле с'езд высказался весьма недвусмысленно, постановив отменить всякую собственность на землю и т. д. (т. е. приняв полностью все пункты эсеровской программы), и к этому теоретическому положению добавила практические требования передачи всей земли в распоряжение земельных комитетов для временного, до Учредительного Собрания, распределения в уравнительное пользование трудового крестьянства. Эта резолюция, как и резолюция о власти, были вынесены левым крылом с.-р. партии.

В заключение с'езд постановил проводить в Учредительное Собрание представителей партии с.-р., «ввиду того, что на знамени этой партии написано: «земля и воля»—именно то, к чему в течение ряда веков стремится трудовое крестьянство».

На знамени-то, действительно, были написаны хорошие слова, но **дела** эсеровской партии были несколько иного рода. Эсеры, сидевшие на правительственных постах, и не думали ни о земле, ни о воле. Доверчивое Саратовское крестьянство вскоре увидело вместо обещанной земли—карательные экспедиции, вместо воли—приказы губернского комиссара «не останавливаться перед применением оружия при подавлении беспорядков». В конце концов, без последствий все это не могло остаться. «По мере затягивания разрешения земельных отношений,— пишет тов. Антонов-Саратовский,—по мере усиления наглости помещиков, которые под охраной казаков творили всякие безобразия над крестьянами (вплоть до порки за потраву), по мере увеличения репрессий против волостных комитетов (сотни их председателей были посажены в тюрьмы губернии), наконец, по мере выяснения неурожая на крестьянских землях и урожая на помещичьих,—мужики стали терять доверие к эсерам и все больше прислушиваться к нам. Распропагандированные нами солдаты, уходя домой из тающего гарнизона, разносили «большевистскую бациллу» и в земельном вопросе.

Один из признаков этого поворота крестьянства от эсеров к большевикам является изменение состава солдатской (военной) секции Саратовского Совета. В Совете 2-го созыва большевики имели только 50 депутатов-солдат, меньшевики—90 и эсеры—260. В Совете 3-го созыва у большевиков было уже 156 мест, у меньшевиков—4 и у эсеров—60.

Это изменение настроений солдатской массы обеспечивало партии пролетариата успех в деле борьбы за Советскую власть, за диктатуру пролетариата. Ибо здесь, в солдатских секциях через представителей армии, городские рабочие непосредственно вступили в связь, в контакт с крестьянской массой, и осуществлялся на деле союз рабочего класса и крестьянтва—необходимое уловие для победы пролетарской революции. В Октябрьские дни в Саратове, в момент решительного боя за власть, было доказано и на деле, что этот союз осуществлен, что симпатии солдатской массы к партии большевиков шли дальше словесного выражения.

Сходный процесс происходил и в деревне. И здесь крестьянская масса начинала отвертываться от эсеровской партии и становиться в ряды революции. Иногда симпатии крестьянства склонялись на стоорну левых эсеров, иногда и прямо на сторону большевиков. Честная тактическая и политическая линия большевистской партии способствовала этому.

Большевистская партия ставила вопрос прямо, не отделываясь ссылками на Учредительное Собрание и т. п. И крестьянство видело и верило, что эта партия не обманет, не перекинется на сторону помещиков, как то сделали фактически эсеры.

Между прочим, незадолго до Октябрьского восстания третий областной с'езд Советов Р. и С. Д. Поволжья вынес резолюцию о земле, несомненно способствовавшую дальнейшему сближению масс крестьянства с революционным пролетариатом и его партией.

Эта резолюция гласила:

«Неприкрытая помещичья политика временного правительства в земельном вопросе, а именно: циркуляры о немедленном принудительном возврате крестьянами всей отобранной у помещиков земли, инвентаря и посевов владельцам, массовые аресты и отдача под суд земельных комитетов, карательные экспедиции, посылаемые в деревню, и соглашательская политика «вождей демократии» (эсеров и меньшевиков), капитулировавших перед помещиками,—поставили страну перед фактом крестьянского восстания, протекающего под знаком борьбы за землю.

Посему третий областной с'езд Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья постановляет: необходима немедленная (до учредительного собрания) конфискация помещичьих, церковных и монастырских земель, вместе с живым и мертвым инвентарем и передача всего этого в распоряжение земельных комитетов или других, вполне независящих от помещиков и чиновников, органов местного самоуправления».

Остальное доделал Октябрь и декрет 2-го всероссийского с'езда Советов о земле.

После Октябрьской революции и уничтожения помещичьего землевладения, крестьянство Саратовской губернии получило почти всю частновладельческую землю. Вместо 4.059 тысяч десятин—в его распоряжении оказалось 5,264 тысячи десятин (цифра 1924 г.) или на 1.205 тысяч десятин больше (частновладельческих земель в 1917 году, как мы уже отмечали, числилось 1.250 тысяч десятин). Среднее количество земли на 1 хозяйство увеличилось на 20 с лишним процентов и достигало 11,94 десятин; средний душевой надел поднялся до 2,19 десятин [1]).

Эти немногие цифры говорят сами за себя. Партия рабочего класса выполнила все свои обещания и тем самым окончательно завоевала на свою сторону всю массу трудового крестьянства.

Контр-революция в Саратовской губернии в 1918—21 гг.

(По документам и воспоминаниям [2]).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Борьба пролетариата и крестьянства со своим классовым врагом —буржуазией не окончилась в ноябре 1917 г., когда 2-й Всероссийский С'езд Советов взял власть в свои руки. Нет, борьба, в сущности, еще только начиналась: побежденный буржуазный класс не намерен был так легко уступать свои позиции, и сразу же после Октябрьского переворота начинается длительная полоса **гражданской войны.** Захватила

[1]) Все цифры приводятся только для правобережной части губернии; Новоузенский уезд, как не входивший ранее в состав Сар. губернии, в расчет не принимается, равно как и выделившиеся из состава губернии уезды (Сталинградский и Покровский).

[2]) Для настоящего очерка автором использованы имеющиеся в избытке те воспоминания т.т.: Понятовского, Симонова, Маркова, брошюра т. Веденяпина—«Балашовская организация РКП в борьбе с бандитизмом», а также личные воспоминания о работе в Кузнецком уезде в годы гражданской войны.

эта полоса и Саратовскую губернию. Можно даже сказать, что в нашей губернии гражданская война происходила особенно остро и носила иной характер, чем в большинстве других губерний.

Основное отличие заключается в том, что Саратовская губерния не была или почти не была ареной борьбы **крупных** вооруженных сил революции и контр-революции. «Фронтов», в общепринятом значении этого слова, здесь почти не было (исключение составляет лишь южная часть губернии: Сталинградский—впоследствии выделившийся из Сарат. губернии—уезд и отчасти Балашовский; в конце 1918, начале 1919 года), но зато широкой волной разливалось бандитско-эсеровское и кулацкое движение; в городах, в свою очередь, темные силы контр-революции поднимали восстания и устраивали заговоры. Нельзя, кажется, назвать ни одного города, где бы не было попыток контр-революционных восстаний, и ни одного уезда, в той или иной мере не пострадавшего от бадитских налетов.

В самом Саратове контр-революция создала свой нелегальный центр. Как показывал на процессе эсеров Дашевский, предполагалось сделать Саратов **«центром восстания на Поволжьи».** Здесь была сильная военная эсеровская организация; существовали такие же организации и в уездах, опираясь на офицерство, на кулачество и т. д. Подпольная работа велась в широких размерах, но в значительной мере парализовалась успешной работой органов Ч. К. Благодаря этому же, благодаря раскрытию целого ряда подготовлявшихся мероприятий и аресту контр-революционных агентов,—замыслы с.-р. партии постигла неудача. Превратить Саратов в «центр восстания» не удалось. Но вдохновители контр-революции—эсеры все же сумели причинить много вреда трудовому населению губернии. Кулацкие восстания, несомненно, вдохновлялись этой партией и часто прямо возглавлялись ее представителями; бандитское движение также проходило под «идейным» руководством эсеров: главари бандитских шаек Антонов, Попов и др. или официально примыкали к партии с.-р. или об'являли себя сочувствующими этой партии. Но так или иначе, а связь между почти всеми контр-революционными выступлениями и эсеровской партии доказана с неопровержимой убедительностью, доказана и фактами, и документами, и показаниями самих руководителей этой партии «взбесившихся мелких буржуа». Ниже мы отмечаем кой-какие характерные моменты, иллюстрирующие это положение.

Разумеется, в небольшой статье невозможно полностью, или хотя бы с приблизительной полнотой, обрисовать всю картину контр-революционного движения в губернии. Этой задачи мы перед собою и не ставили. Мы даем только ряд отдельных эпизодов, отдельных моментов; мы берем при этом лишь **часть** уездов, почти не касаясь событий в Камышинском, Новоузенском и др. уездах, и не потому, что эти события представляют из себя меньший интерес, а потому, что наша задача ограничивается скромными рамками: показать, **как и с кем** боролись рабочие и крестьяне Саратовской губернии за власть Советов, за завоевания революции в бурные годы гражданской войны. Это не история; это—только отдельные страницы ее. Но мы думаем, что и этого достаточно.

I. Борьба за власть Советов в Хвалынске в 1917—18 г.г.

В Хвалынске, к моменту Октябрьской революции, Исполком Совета был большевистским, и разногласий в вопросе об отношении к событиям не было. Но власть не так-то легко было взять в свои руки. Влияние Исполкома не распространялось дальше пределов городской чер-

ты, а в самом городе контр-революция спешно мобилизовала свои силы, опираясь на юнкеров военно-топографического училища. Городская Управа выделила из своей среды «комитет спасения родины и революции»; при юнкерском же училище был организован «военный совет».

Попытка Исполкома разоружить юнкеров кончилась неудачей. Начальник училища, зная, что у Совета нет никакой вооруженной силы, просто на-просто отказался выдать оружие. Однако, со своей стороны юнкера медлили выступать, чем и воспользовался Исполком.

27 декабря 1917 г. в г. Хвалынске открылся 1-й крестьянский с'езд. С'езд постановил взять власть в свои руки и избрал уездный исполком, куда вошли 9 коммунистов, 7 сочувствующих, 2 левых эсера и 1 беспартийный. С'езд постановил также разогнать городскую и земскую управы и прекратить существование «комитета спасения родины и революции» и военного совета при юнкерском училище. В ответ на это, буржуазные элементы города попытались при помощи силы удержать за собою власть.

Ночью 30 декабря отряды переодетых юнкеров и белогвардейцев окружили здание Исполкома. Но врасплох защитников Сов. власти им не удалось застать: засевшие в здании члены Исполкома и рабочие встретили нападавших частым ружейным огнем. Повторные атаки были также отбиты, а на рассвете к зданию Исполкома потянулись колонны рабочих, вооружались здесь и отправлялись на штурм юнкерского училища. Но... ни юнкеров, ни зачинщиков выступления в городе уже не было: после неудачной попытки овладеть Исполкомом, они все разбежались из города.

Советская власть укрепилась в Хвалынске. Но в уезде начались кулацкие восстания. 9-го января вспыхнуло восстание в с. Ершовке. Ряд подобных же выступлений прокатился по другим селам. Эти восстания руководились бежавшими из Хвалынска белогвардейцами и эсерами; борьба с повстанцами велась как хвалынскими отрядами, так и отрядами Красной гвардии, организованными рабочими суконных фабрик Кузнецкого уезда.

Не сразу все улеглось. А когда Советская власть справилась и с этими затруднениями,—явились новые. Чехо-словацкое восстание, затем, спустя 3 года—нападение банд Попова. Только с середины 1921 года Хвалынский уезд смог всецело отдаться мирной работе.

II. 1918-й год в Кузнецке.—Гибель отряда Пудовочкина.—Чехи.

Соседний с Хвалынском г. Кузнецк несколько позже стал в ряды советских городов, а именно, в январе 1918 года. Но Исполком Совета находился здесь в руках левых эсеров (большевистская организация возникла лишь в апреле 1918 г.); действовал он, в значительной мере, робко и нерешительно. А зажиточное кузнецкое мещанство плохо мирилось с новой властью.

7 марта 1918 г. в Кузнецке произошло восстание фронтовиков под руководством офицеров эсеровского толка. Но это «восстание» носило еще полу-опереточный характер: шуму было наделано достаточно, а что делать дальше—и сами восставшие не знали. Через день вошло в обычную колею. Гораздо более серьезный характер носили майские события.

Настроение кузнецкой буржуазии и мещанства, как мы указали уже, внушало серьезные опасения местным советским руководителям. Твердой же линии в политике местного Исполкома не было, да и для проведения ее нужна была реальная сила, она тоже отсутствовала.

Поэтому Исполком кузнецкий обратился в Хвалынск с просьбой прислать отряд для установления в Кузнецке революционного порядка. Хвалынск охотно откликнулся на этот призыв и выделил небольшой отряд под командою Пудовочкина и Кузина (комиссар отряда).

Отряд Пудовочкина был скомплектован из добровольцев, в большинстве—крестьян, и насчитывал в своем составе первоначально 250 человек. Но двигаясь пешим порядком в Кузнецк, отряд, по дороге, сильно увеличился.

Отряд Пудовочкина был расквартирован среди населения группами по 2, по 3 и т. д. человека. Лишь незначительная часть находилась при штабе отряда. Кузнецкое мещанство, подстрекаемое белогвардейскими элементами, решило расправиться с Пудовочкиным. Перед самой пасхой, ночью поднялись солидные и богобоязненные кузнецкие обыватели. Началось поголовное избиение спящих и безоружных красногвардейцев. Били кольями, топорами, вилами; кое-где пускали в ход припрятанное оружие: винтовки, револьверы. Раненых добивали на улице. Творилось нечто, напоминающее собою картины Варфоломеевской ночи. Озверелые мещане не знали предела в своих жестокостях.

Через несколько часов отряд Пудовочкина перестал существовать. Удалось спастись лишь немногим: тем, что находились при штабе и некоторым другим.

Указанные события происходили 4—6 мая. 12-го же мая собрался в Кузнецке 4-й уездный с'езд Советов. Новый Исполком, выбранный этим с'ездом, имел в своем составе уже большинство коммунистов. Но положение все еще оставалось тревожным. В конце мая Кузнецк был занят чехо-словаками. Им удалось захватить часть членов Исполкома; троих из них чехи, при отступлении к Сызрани, увезли с собою и там расстреляли (в том числе т. Вагапова—одного из организаторов кузнецких большевиков, члена кузн. комитета партии). На борьбу с чехами в уезде спешно стали формироваться отряды рабочей Красной гвардии и крестьянства, но чехи долго в Кузнецке не оставались и серьезных столкновений с ними не было.

В середине июля 1918 года в последний раз контр-революция в Кузнецке подняла голову. Слухи о поражениях на фронте и отступление красноармейских частей из-под Сызрани посеяли панику среди Кузнецкого гарнизона. Кузнецкие красноармейцы потребовали эвакуации города. Исполком выехал по направлению к Пензе. Воспользовавшись этим,белогвардейские элементы под начальством некоего Глухова, захватили власть в городе в свои руки и выбрали «временный военный комитет». Существование этой власти было очень непродолжительным: спустя всего несколько дней красноармейские части рабоч. отряды повели наступление на Кузнецк. Белые выставили было «заслон», в лице нескольких сот человек из навербованных, частью при помощи угроз, частью посулами, городских мещан и буржуа, но эта «армия» бежала при первом же орудийном выстреле, а вместе с тем бежали по направлению к Сибири кузнецкие буржуа и руководители восстания. Крестьянство отнеслось к выступлению белых резко враждебно (кроме одного села—Каменки). Рабочие же отряды впоследствии долго боролись с белыми в районе села Павловки (тоже—Хвалынского уезда) и с успехом ликвидировали поднятое восстание.

В дальнейшем, Кузнецк не переживал уже событий, подобных описанном выше. Летом 1919 года враждебные советской власти элементы, под влиянием наступления Деникина, зашевелились было, а кое-где повели и активную агитацию (например, поп Протасов), но созданный в это время Ревком быстрыми и жескими мерами (расстрел 13 контр-

революционеров) заставил контр-революцию снова спрятаться. Что касается прохода через уезд осенью этого же (1919) года восставших полков Миронова,—мы это событие оставляем в стороне: «Мироновская история» не является типичной для анти-советских выступлений (Миронов на суде, сам признал свою ошибку и вину).

III. Белогвардейское восстание в Вольске.

В Вольске советская власть была провозглашена на II-м уездном с'езде Советов в январе 1918 года и окончательно закреплена постановлением III уездного с'езда (9—14 марта 1918 года). Но и здесь, как и в других городах, положение молодой советской власти нельзя было считать безусловно упрочившимся. Вольск в самом начале попал в полосу кулацких восстаний, при том же, после чехо-словацкого выступления, в непосредственной близости от Вольска проходила линия фронта (Самара, Сызрань) и каждая весть о новых успехах «учредиловцев» или чехов, немедленно вносила оживление в среду притаившейся контр-революционной буржуазии.

В июне 1918 года, вольский гарнизон был значительно ослаблен отправкой частей на Сызранский фронт; в это же время (конец июня) происходит в Балакове белогвардейское восстание, на борьбу против белых отправляются новые отряды из Вольска, и контр-революция спешит воспользоваться благоприятной обстановкой.

1 июля в городе вспыхивает восстание. Восставшим удается захватить склады оружия, перетянуть на свою сторону тяжелый артиллерийский дивизион, и вслед за тем, удар восставших направляется на Совет. В Совете в это время находилось очень небольшое число активных работников, во главе с членами Исполкома. Белогвардейцы открыли пулеметный огонь по зданию Совета с соборной колокольни и повели наступление цепями. Горстка коммунистов успешно отстреливалась. Председатель Исполкома тов. Струин руководил обороной Совета, стоя у пулемета и отстреливаясь до тех пор, пока не вышли все ленты. Тогда тов. Струин, несмотря на уговоры товарищей, решился сойти вниз, к толпе восставших купеческих сынков и мещан. Это было его концом: толпа буквально растерзала его на части и ворвалась в здание, убивая всех попадающихся под руку. Немногим товарищам удалось спастись, остальные погибли, в том числе т.т. Львов, Сенотов, Балтицкий, Ларионов, Зайд, Шатров и др.

После этого в течение недели в Вольске господствовал белый террор. Тюрьма была переполнена. Ответственные работники—коммунисты расстреливались. А городская буржуазия ликовала и осыпала «победителей» цветами. Недолго длилось это ликование. 8-го июля красные части, присланные из Саратова под командой тов. Горбатова, и из Аткарска (по жел . дор.) под командой т. Калиновского, вновь заняли Вольск, а белые бежали в Балаково, Хвалынск и Самару. Был организован Ревком и жизнь в Вольске начала опять входить в нормальную колею.

В сентябре белым удалось вторично занять Вольск, после прорыва Вольск был взят белыми, а 12-го находим уже в руках Красной армии. Белогвардейщина была ликвидирована окончательно.

IV. Чехо-словаки в Саратовской губернии.

Восстание чехо-словаков в мае 1918 года лишь отчасти захватило Саратовскую губернию. Мы уже упоминали вкратце о занятии чехами Кузнецка. Из других городов губернии ими был захвачен Хвалынск,

которому пришлось значительно хуже. Бывший зам. пред. Хвалынского уисполкома тов. Симонов, так описывает действия чехо-словаков после занятия Хвалынска:

«Чехо-словацкие зверства были ужасны. Очевидцы передавали (сам т. Симонов был в это время в Москве, на Всероссийском С'езде Советов), что одних арестованных было около 2000 человек. Арестованными были набиты все арестные дома, брали не только ответственных советских работников, красногвардейцев, но и всех тех, кто только сочувствовал власти Советов и принимал, хоть маленькое, участие в перевороте. Ответственных работников, работников профсоюзов, всех, кто считался для буржуазии вредным,—сажали в особую баржу и прямо расстреливали. Так расстрелян был член уисполкома т. Козин и Митрофанов. Так же была расстреляна жена т. Степина. Погибших за дело рабочего класса было много—не перечесть... Ужасы, коим подвергались рабочие и крестьяне во время чехо-словацкого нашествия, не поддаются описанию. По точному подсчету, расстреляно в нашем Хвалынском уезде около 300 человек, а увезено в Сибирь с собою около 1.000 человек; с арестованными была увезена и жена т. Лоскова от 6 детей (Лосков был членом уисполкома)».

По линии Ртищево—Пенза—Сызрань, первые эшелоны чехов, прошли спокойно. В Сердобске они сдали аэропланы, автомобили и др. военное имущество. Но уже следующие эшелоны, двигаясь также через Сердобск, оружие сдавать отказались. Сердобск принял меры к встрече новых эшелонов, вооружив рабочих и обратившись за помощью к крестьянству. Чешские эшелоны, разбив в Ртищеве отряд рабочих, двинулись на Сердобск, но обошли его пешим порядком (т. к. путь был загроможден), боя не принимали (была стычка только с Студеновскими крестьянами, которые потеряли в ней до 100 человек раненых и убитых) и ушли на Пензу. Таким образом чехо-словацкое восстание мало наделало вреда (если не считать Хвалынска) Саратовской губернии. Своевременно же задержать чехов и разоружить их не было никакой возможности, т. к. на тех пунктах, через которые проходили эшелоны: (Ртищево, Сердобск, Кузнецк), не было сколько-нибудь значительных вооруженных сил. Однако и это испытание было рабочими и крестьянами губернии выдержано с честью: мы уже видели, как боролись против чехов ртищевские и сердобские рабочие и сердобские крестьяне; кузнецкие отряды красной гвардии вели не менее упорную борьбу, разбирая жел. дор. пути и мешая продвижению чехо-словацких эшелонов. Поддержку и сочувствие чехи—эти наймиты союзнического капитала—встретили только в слоях городской буржуазии и мещанства.

V. Бандитизм. Антоновщина в Балашовском уезде.

В 1920—21 г.г. широкой волной разлилось по губернии, так называемое, бандитское движение. Оно охватило ряд уездов, главным образом, Балашовский и Камышинский и заволжский—Новоузенский (в последнем остатки бандитских шаек были ликвидированы значительно позже, чем в других уездах). В исследование корней бандитизма, мы здесь пускаться не будем, но во всяком случае нужно отметить, что это движение было движением не одной только кулацкой верхушки крестьянства, но и значительных слоев менее обеспеченных крестьянских масс. Вдохновителем движения являлась фактически, а иногда и формально, партия эсеров.

Одним из виднейших руководителей бандитского движения был Антонов. Ареной его деятельности первоначально являлась Тамбовская губерния. Отсюда антоновские отряды перекинулись и в Саратовскую губернию, главным образом, в Балашовский уезд. Последнему и пришлось выдержать на себе чуть ли не всю тяжесть борьбы с «антоновцами». 5-го октября 1920 года банды впервые пришли в пределы Балашовского уезда и прошли его с севера на юг, затронув 4 волости: Пугачевскую, Боцмано-Ивановскую, Красно-Коленскую и Бобылевскую. В составе отряда было всего около 350 всадников — очевидно, целью набега была только рекогносцировка (разведка) и подготовка почвы

для дальнейших выступлений. 8-го октября банды уже покинули пределы уезда.

Впечатление от этого налета было, однако, большое. Местные советы и их органы были терроризованы а частью и совершенно разгромлены, крестьянство—сильно напугано. Бандиты действовали с чрезвычайной жестокостью, не щадя никого из заподозренных в сочувствии коммунистам. Вот что рассказывают крестьяне об этом первом налете:

«В деревню Ромашино заехала разведка бандитов и захватила у Петра Ревунова одну лошадь. У Никифора Панкратова сняли папаху, а ему дали фуражку. Поймали мальчика Рюмина Ивана, 15 лет и начали издеваться: двое верхом взяли его под руки, а третий ездил сзади его и топтал лошадью, и, обнажив шашку, спрашивали: «что? ты—коммунист?» Рюмин отвечал: «нет, я не коммунист». Его принимали за другого брата, который находится при волисполкоме. Потом его отпустили, сняв с него пиджак и папаху, и, зайдя в дом, забрали все, что было на глазах. А в совхозе на мельнице они под'ехали и спросили у наших помольцев: мол, проходила ли здесь антоновская банда? Им ответили: нет. В это время подошел милиционер и сказал: «я—коммунист». Они сейчас же его взяли, отвели около мельницы, чтоб у всех на виду было, разули, раздели и зарубили... Фамилия его Карпов» [1]).

В январе 1921 года в пределах Балашовского уезда (в Краснокаменской волости) вновь появляется банда. А затем начинаются регулярные мелкие налеты на территорию уезда. В феврале новый налет уже производится большим отрядом—около 9.000 человек. Этот отряд прошел в Ртищеве, совершив по дороге ряд убийств и разгромов (коммун, артелей , совхозов и советских учреждений). Попадавшихся в их руки коммунистов и продработников бандиты убивали без пощады. На этот раз бандитам удалось достигнуть не только того, что все советские органы в близлежащих волостях были терроризованы, но и привлечения на свою сторону известной части крестьянства. Но эти «успехи» таили в себе близкую и неизбежную гибель: он начинал терять всякую политическую окраску и превращаться в типичное разбойное движение. Поднявшаяся разнузданная крестьянская стихия не подчинялась никакой дисциплине, и все старания и самого Антонова и его приближенных навести хоть какой-нибудь «порядок» в бандитских отрядах оставались безуспешны.

Разумеется нельзя было допускать дальнейшего развития бандитизма. Отряды коммунистов (ЧОН'ы) и регулярные части Красной армии повели энергичную борьбу с «антоновщиной». Под Кашировкой (27 апреля) удалось нанести поражение главным силам Антонова (до 3.000 сабель) и заставить их отступить в Тамбовскую губернию. В июне и в июле были ликвидированы остальные бандитские шайки, а навербованные бандитами в свои части балашовские крестьяне еще до окончательной ликвидации, разбежались по домам.

Нужно здесь отметить, что в массе крестьянство относилось отрицательно к бандитизму. Крестьяне вступали добровольцами в отряды по борьбе с бандитами, сообщали этим отрядам все необходимые сведения и были очень довольны, когда бандитизм был ликвидирован. Разумеется, были и такие крестьяне (и даже целые села), которые сочувствовали бандитам и прямо или косвенно им помогали, как было указано выше.

Камышинский уезд, также подвергался нападениям бандитских шаек. Здесь орудовал изменивший Советской власти Вакулин. Ему на короткое время удалось даже занять самый Камышин, но и вакулинские банды ждал тот же конец, что и Антонова.

---

[1]) Г. Веденяпин.—«Балашовская организация РКП в борьбе с бандитизмом». Издание Балашовского истпарта. г. Балашов.—1922 г.

Кстати о Камышинском уезде. Здесь в первые годы гражданской войны имело место контр-революционное восстание в казацкой станице Лебяжьем. Носило это восстание типично-классовый характер: богатые и зажиточные казаки очутились поголовно в контр-революционном лагере, тогда как казачья беднота и, так называемое, иногородние стойко держались за советскую власть (в особенности, молодежь). Восстание произошло в то время, когда по-близости находился южный фронт гражданской войны. Впоследствии лебяжьинские богатеи убедились на собственной шкуре, что Советская власть умеет не только миловать, но и карать.

VI. 1921-й год. Нашествие банд Попова.

1921-й год был тревожным годом далеко не для одного только Балашовского уезда. Бандитизм давал себя чувствовать и в других уездах. И опять на долю многострадального Хвалынска выпали едва ли не самые тяжелые дни.

Жертвы бандитизма в период 1921 г. в Петровском и Хвалынском уезде.

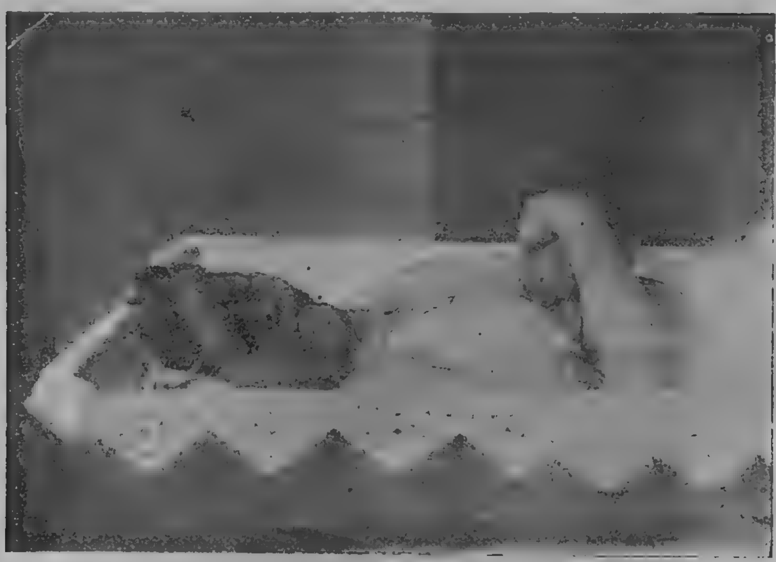
В Камышинском уезде была разбита и отброшена в Заволжские степи банда Вакулина. Сам Вакулин был убит. Но его место занял один из его помощников—Попов. Оперируя первоначально в Заволжьи банда Попова, в марте 1921 года переправилась на правый берег Волги и оказалась перед Хвалынском. 17 марта, накануне дня Парижской Коммуны, Хвалынск очутился во власти бандитов.

Правда, хвалынские коммунисты имели сведения о продвижении банды, но все же налет застал их почти врасплох. Высланные вперед заставы коммунистов были превосходными силами противника опрокинуты, вслед за тем Попов ворвался в город.

Вот как описывает в своих воспоминаниях картину занятия Хвалынска тов. Симонов:

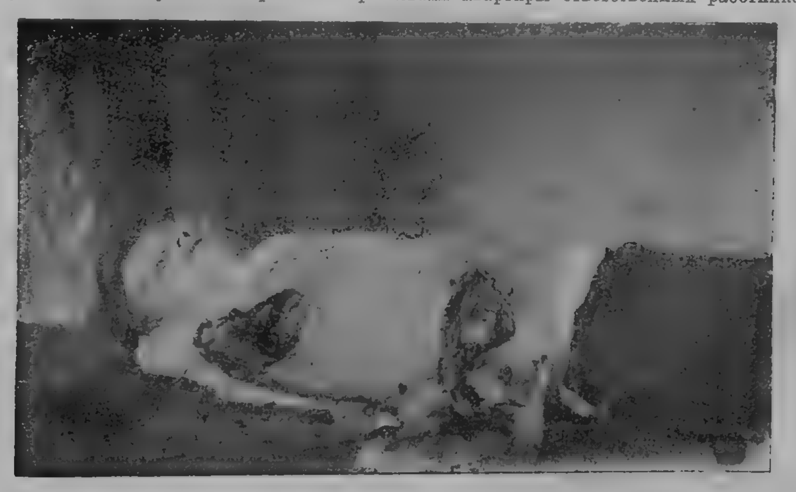
«...На 17 марта сводка еще не говорила об опасностях. Бандиты находились в районе Хворостянка—Таволожка—Порубежка, на расстоянии 80 верст от нас. Расстояние было большое. Никто не думал, что бандиты за одну ночь будут угрожать Хвалынску. Товарищи стали расходится: кто—в ЧОН, а кто—и по квартирам. Моя квартира от ЧОН'а была через три дома, и я, предупредив командира ЧОН'а, что сегодня буду дома, просил, на случай тревоги, предупредить меня.

Всю ночь спокойно спал до самого утра, когда меня разбудили уже выстрелы: бандиты со всех сторон занимали город, по всем улицам рассыпалась их кавалерия... Выбежав на улицу, я увидел, что около ЧОН'а бандиты поймали бывшего партийного товарища Осипова и тут же расстреляли.

Жертвы бандитизма в период 1921 г., в Петровском и Хвалынском уезд.

...Времени было часов 10 утра. Служащие и рабочие шли на работу, но перепуганные нашествием, сбивались в кучи и полегоньку пробирались обратно в квартиры... Бандиты у всех встречных спрашивали квартиры ответственных работников

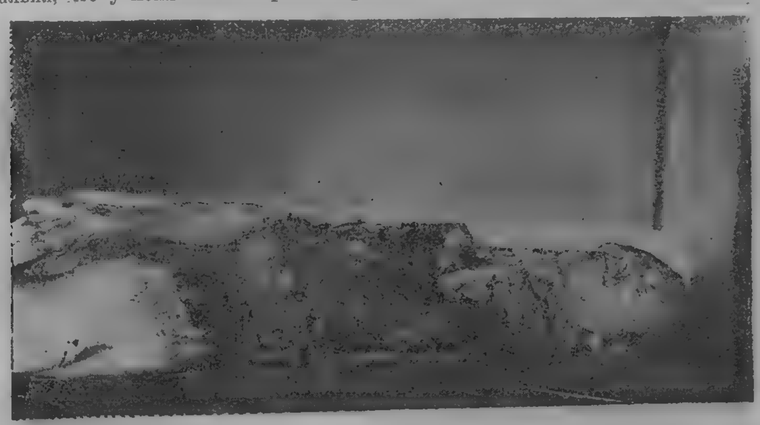

Зверство бандитов в Петровском уезде.

и коммунистов. Кто-то из населения, увидев меня, пробирающегося, указал бандитам, и они бросились к той группе, в которой я находился (это была группа рабочих-плотников, строивших на окраине города мост). Когда бандиты под'ехали к нам и скомандовали: «руки вверх!»—мы все подняли. Они грубо выкрикнули: «кто из вас комис-

сар и кто коммунист?» Рабочие дружно ответили, что здесь комиссаров и коммунистов нет, а мы идем на постройку моста. Так, рискнув собой, рабочие не выдали меня.

Бандиты приказали выбросить оружие всем, кто его имеет. У меня был револьвер, а также все партийные и советские документы: мне невозможно было скрыть, и я заявил, что у меня имеется револьвер. Один из бандитов, повидимому, предводи-

Жертвы бандитизма в период 1921 г. в Петровском и Хвалынском уезд

тельствовавший, считая револьвер доказательством того, что я ответственный работник, выхватил свой и, направив на меня, со злобой, площадно выругался:

— А, мерзавец! Скрываешь, что комиссар!..

Только мое хладнокровие спасло меня. Я вызывающе заявил бандиту:

Жертвы бандитизма в период 1921 г. в Петровском и Хвалынском уезд.

— Расстрелять меня ты успеешь. Поэтому прежде узнай,—почему у меня револьвер. Я, как производитель работ по постройкам, имею при себе всегда деньги для рассчета с рабочими (у меня случайно были взяты из кассы отдела около 200.000 рублей для выдачи жалованья служащим).

Бандиты, услышав про деньги, позабыли, что им нужно расправляться со мной и другими, бросились их делить. Увидев на некоторых из нас сносные костюмы и кожаные сапоги (на бандитах были худые валенки, между тем было сыро), они приказали нам всем раздеваться, а сами поскидали свои рваные для нас... Я быстро снял с себя пиджак с документами. Его так же быстро надел бандит, застегнул на пуговицы и сверх пиджака одел шинель с револьвером...

Начальствующий приказал нас препроводить в штаб. Нас выстроили по четыре человека и погнали. Под штаб была занята совмилиция. Всех встречавшихся по до-

роге останавливали и, так же, как нас, раздевали, а всех, кого называли коммунистом или комиссаром, сейчас же на месте расстреливали. По дороге был выдан населением продработник т. Боровик. Выдал торговец г. Хвалынска».

Тов. Симонову удалось спастись. Удалось и тов. Михееву и некоторым другим партийцам. Но очень многие погибли: тов. Рамазанов—

Жертвы бандитизма в период 1921 г. в Петровском и Хвалынском уездах.

член укома, тов. Чернев—член коллегии уземотдела, тов. Рогожин—волвоенком, тов. Лангс—уполномоченный губчека и многие другие. А бандиты в это время ликовали и пировали. «Внизу, под нами,—пишет тов. Симонов,—помещался отряд и чрезвычайная комиссия банди-

Жертвы бандитизма в период 1921 г. в Петровском и Хвалынском уездах.

тов, там то и дело разыгрывалась дикая опера: играли десятки граммофонов, оркестр играл танцы, и там же слышались выстрелы, истерические крики женщин. Что там было—известно только одной ночи с 17-го на 18-е марта». Не лучше было и на улицах Хвалынска.

«Кроме охоты за ответственными работниками и коммунистами, бандиты развлекались еще и так. Ими запрягались пулеметные площадки по две тройки лошадей; площадки устилали коврами, лошадей разукрашивали разноцветной материей, лентами: на некоторых площадках устанавливали по 10 граммофонов, заводили их и катались с такой музыкой. На других же площадках стояли бидоны со спиртом, и бан-

диты на ходу распивали его; на некоторых площадках просто играли в деньги. В городе был невообразимый шум. Население все попряталось, за исключением сочувствующих бандитам» (воспом. т. Симонова).

Бандиты в Хвалынске пробыли несколько более суток. А зат м они узнали о движении к городу советских войск и поспешили эвакуи-

Жертвы бандитизма в период 1921 г., в Петровском и Хвалынском уезд.

роваться. Для «поддержания порядка» в городе они оставили уже успевшую сорганизоваться «пятерку», долженствовавшую олицетворять в себе «твердую власть». В состав этой «пятерки!» входили: ярый

Жертвы бандитизма в период 1921 г., в Петровском и Хвалынском уезд.

монархист Шерстобитов, два правых эсера—Рагузов и Ефремов и двое беспартийных. Бегство бандитов было неожиданностью для «пятерки» и когда в город уже вошли красные войска и сорганизовавшийся ревком, члены «пятерки» даже не подозревали о происшедшем. «Пятерка» была вызвана в ревком, при чем один из членов ревкома тов. Жаров отрекомендовался... заместителем Попова. Злосчастные «правители»

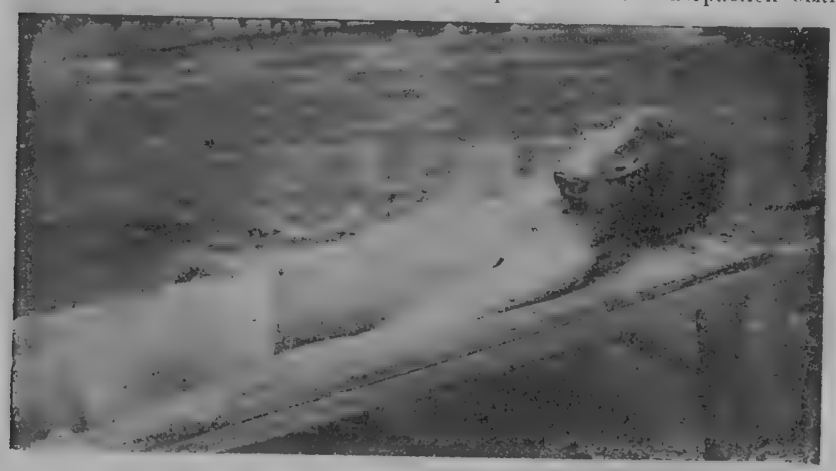
Хвалынска доверчиво раскрыли перед ревкомом все свои планы, и, конечно, получили по заслугам.

Кратковременное пребывание банд Попова в Хвалынске, все же нанесло сильный ущерб. Вот некоторые из печальных итогов этой пе-

Жертвы банды Попова, Петровский уезд Миксудов (отец).

чальной страницы в истории города. Бандитами было замучено 23 человека, из них 19 коммунистов—активных работников. Разграблен был

Жертвы банды Попова, Петровский уезд Миксудов (сын).

весь город, все важнейшие учреждения: Усовнархоз, Увоенкомат. Райсобес, казначейство, аптечный склад Уотздрава. пожарные части. (уведено 107 лошадей) и т. д. Из казначейства было вывезено деньгами и ценностями на 105 миллионов рублей.

Из Хвалынска Попов направился было к Вольску, но у Базарного Карабулака встретил сильнейший отпор и подался на Кузнецк. Здесь могла произойти такая же история, как и в Хвалынске, т. е. воинских частей в Кузнецке совершенно не было, кроме наспех вооруженной (чем попало!) роты ЧОН из 80—90 бойцов. Не было ни одного пулемета, а на весь ЧОН приходилось не больше десятка трехлинейных винтовок, а остальные—допотопные берданки, «Гра», «Ветерли» и т. под. рухлядь. Шпионы и лазутчики Попова уже рыскали в самом городе, а возвратившиеся по-тихоньку «сибиряки» (бежавшая после восстания 1918 г. буржуазия) готовилась к встрече «завоевателя». Несколько дней положение было критическим, но затем подоспел конный отряд (кажется из Пензы), стоял на готове в Пензе пехотный полк и был направлен к Кузнецку бронепоезд. Попов не рискнул продолжать намеченный маршрут и прошел по самой южной окраине уезда, попутно вырезав ряд коммунистов и советских работников в селах Саратовского и Вольского унздов, граничивших с Кузнецким. Путь его лежал на Петровск, но он обошел и этот город, прорвался на Баланду и ушел в Донскую область.

Жертва бандитизма Кузнецкий уезд. Т. Чуфыркин убит бандит. в 1921 г.

Для Кузнецкого уезда последствием прохождения Попова было то, что части поповских банд, отставшие ли, или намеренно оставшиеся в лесах Кузнецкого и Петровского уезда, в течение нескольких месяцев беспокоили население уезда своими налетами. Они побывали в селах: Плане, Чирчиме, Комаровке и др., отбирая лошадей у крестьян и убивая советских и партийных работников. Так, например, погиб волвоенком Комаровской волости тов. А. Я. Чуфыркин. В тот злополучный день, когда в окрестностях Комаровки появились банды, тов. Чуфыркин, ничего не подозревая, ехал в телеге за травой. Бандиты (их было несколько человек) окружили его и потребовали документы. Он сказал, что едет в поле, а документы дома; своего положения на советской работе и партийности, конечно, не сообщил. Но бандиты отыскали в телеге наган тов. Фуфыркина, и иных доказательств им не потребовалось. Тов. Чуфыркин был уведен бандитами в лес, и на следующий день крестьяне нашли там изрубленный, обезображенный труп своего волвоенкома.

В то же время погибли в окрестностях с. Ст. Чирчима два члена местной ком'ячейки, отправившиеся в разведку. Бандитами они были случайно найдены и захвачены в лесной сторожке.

VII. «Идеология» бандитизма.

Лицо бандитизма мы видели. Теперь обратимся к «программе» и «идеологии» бандитского движения. Без последней бандиты, самые даже откровенные из них, обойтись не могли: надо было хоть как-нибудь обосновать свои действия, свою борьбу против советской вла-

сти—иначе за бандитами не пошли бы даже и те элеметы, что сочувствовали их делу. Наиболее подходящей оказалась псевдо-революционная идеология эсерства, пополненная погромным лозунгом: «Бей коммунистов и комиссаров!» При этом, однако, тщательно замазывалось истинное содержание этого лозунга—**долой Советскую власть!** (ибо каждому мало мальски политически грамотному человеку ясно, что отделять коммунистов от советской власти или наоборот—невозможно, и что призыв к свержению коммунистов является в то же время и призывом к свержению советской власти). И Антонов, и Вакулин, и Попов агитировали в таком духе, что мы де не против Советской власти, но против «комиссародержавия»—лозунг, к которому присоединялся, как известно, и идеолог великодержавного российского империализма, кадетский лидер Милюков. Самому заядлому и последовательному контрреволюционеру было ясно, что на борьбу против Советской власти не поднимутся сколько-нибудь значительные слои населения, и поэтому возвещалась какая-то «чистая», не существующая в природе, советская власть **без** коммунистов.

Впрочем не все пускали в ход и этот лозунг: Антонов, например, шел по старой эсеровской дорожке, ратуя за учредительное собрание и про советскую власть вообще предпочитал умалчивать.

Но знамя «Учредики» настолько уже поблеклю, что им трудно было привлечь симпатии масс. Все это в полной мере было учтено другими бандитскими главарями, и, например, в воззваниях Вакулина можно встретить более умелую, более тонко расчитанную агитацию. Вакулин заявляет в своих воззваниях, что он не против Советской власти, но против комиссаров и **коммунистов.**

«Я такой же, как и вы (воззвание обращено к красноармейцам) рядовой крестьянин; всю гражданскую войну сражался на красных фронтах против буржуазии, для меня дороги завоевания великой нашей Революции».

Преемник Вакулина, Попов, счел за лучшее просто на просто перепечатать это воззвание **слово в слово** и пустить его в обращение от своего имени и за своей подписью. Очевидно, оно вполне удовлетворяло и этого «вождя народных масс». А печатная агитация у него была поставлена куда лучше, чем у других. Захватив Хвалынск, Попов успел отпечатать в местной типографии целую кипу листовок, деклараций и лозунгов. Некоторые из них имеют подпись: »Агитационный отдел».

Обращался «Агитотдел» со своими воззваниями и к... помещикам. «Уйдите от власти!»—гласит одно из таких обращений. Интересно оно, однако, не тем, что дает советы коммунистам уйти от власти, а некоторыми из основных своих положений, недвумысленно указывающих на источник Поповско-Шкуратовской (Шкуратов—зав. «Агитотделом» поповской банды) идеологии и платформы.

«Ваш союзник—Азия. Вы, отчаявшиеся, озлобленные против Европы, которая не захотела признать вашей диктатуры, бросились искать друзей в Азии. Будируя восток, вы звали оттуда на борьбу с Европейской культурой азиатчину».

Типичные меньшевистско-эсеровские аргументы. И видно, что поповцы не просто позаимствовали их, а что в штабе «восставших войск» находились и весьма опытные **политические** руководители, принадлежавшие к меньшевистско-эсеровскому лагерю. Знаменитая «декларация Р. В. Совета Пяти» еще больше убеждает нас в этом.

«Мы, члены Р. В. Совета Пяти, и командующий восставшими войсками, официально, от имени восставшего народа, заявляем, что **диктатура пролетариата,** 3 года разорявшая Россию, **отменяется** и вся полнота власти передается самому народу, **без всяких подразделений на классы и партии».**

«Отменив» диктатуру пролетариата, Попов, разумеется «отменяет» и «все декреты, изданные коммунистическим правительством и урезы-

вающие свободы, провозглашенные второй революцией 1917 года». Об'являются, «недействительными» все «партийно-коммунистические» и профессиональные учреждения. Дальше идут обычные меньшевистские рассуждения о том, что «меньшинство (это советская власть-то— «меньшинство»?!) не имеет права навязывать большинству народа свою волю», что «Р. В. Совет Пяти» будет бороться «со всякими попытками справа и слева навязывать власть народу» и т. д. Какую же **свою** программу противопоставляет Попов «низвергаемой» программе советской власти и коммунитической партии?

В пункте **6-м** говорится: «Политические партии, за исключением партии монархистов-черносотенцев, призываются (очевидно, признаются) новой революционной властью, при чем их деятельность **ограничивается политически-парламентарной областью** и посягательство партий на захват государственной власти будет считаться узурпацией и присягаться (пресекаться?..) самым беспощадным образом».

В пункте **9-м:** «Бюрократически - коммунистический аппарат власти, создавший армию новых бюрократов - комиссаров, которые кроме вреда ничего не приносят,—такая власть отныне заменяется простым (!), подходящим к самобытности русского народа аппаратом Совета Пяти и Совета Трех, избираемым на общих собраниях, и вся власть на местах переходит к этим советам и **никаким ограничениям не подлежит** (в тексте: не принадлежит)».

Пункт **10-й** «Совет Пяти избирается в волостях, станциях и колониях, население которых превышает две тысячи человек. Совет Трех избирается в селениях, где такового числа нет.

И так, вместо советской власти—власть каких-то «Советов Пяти» и «Советов Трех», не подлежащая никаким ограничениям (принцип централизации власти декларацией недвусмысленно отвергается), о том же, как должна строиться общегосударственная власть, декларация намеренно или ненамеренно умалчивает. Но «ягодки» еще впереди—практическая программа новой власти. Мы приводим те пункты, в которых эта программа содержится, целиком:

«12. Разоренная трехлетним владычеством комиссаров-коммунистов, Россия нуждается в интенсивном экономическом исправлении, а посему новая революционная власть об'являет **свободную торговлю,** как переходную ступень к социалистической кооперации, и отменяет всякого рода государственную монополию на жизненные продукты и фабрикаты.

13. **Признавая мелкую частную собственность в земельной и фабрично-заводской областях,** новая власть **будет бороться с крупным капитализмом,** допуская концентрацию капитала и земель только в руках артельных и кооперативных организаций.

14. Признавая принцип самоопределения народностей и областей, новая власть, при расширении базы своего влияния, строго будет проводить в жизнь этот принцип и от всяких навязываний той или иной формы управления отказываться, представляя решить это самим народностям и областям.

15. Одним из величайших преступлений коммунистической власти является отказ работать с демократией России, Европы и Америки, следствием чего были блокада и бойкот России и ее экономический упадок. Новая революционная власть ставит своей ближайшей задачей завязать самые близкие сношения с упомянутыми демократическими об'единениями через своих представителей-социалистов, которых коммунистическая власть, по примеру Николая Кровавого, изгнала из своей родины, и участие которых в строительстве России новая власть считает необходимым».

Теперь внесена полная ясность. Программа бандитизма есть **программа мелкого буржуа,** растерявшегося перед революционным шквалом и мечтающего о «тихой пристани» какого-то особого строя, где нет крупного капитализма и нет, с другой стороны, ничего, напоминающего собою коммунизм. Это есть также программа минимум **всех об'единенных сил контр-революции**, поскольку, начиная от эсеров и кончая представителями крупной буржуазии, все отлично могли сойтись на плат-

форме восстановления свободы торговли и уничтожением коммунистов, то-бишь советской власти. Это есть в то же время и программа **союзного империализма**, которому абсолютно безразлично было: Попов ли своим «Советом Пяти» будет править Россией, Учредиловцы ли, какой-нибудь там «боярин Петр» (Врангель) или кто другой—лишь бы эта «Новая Россия» покорно шествовала за победной колесницей империализма. А главное—за этой программой шла известная часть крестьянства, уставшая от гражданской войны, недовольная разверсткой, недовольная стеснением свободы своей хозяйственной деятельности. Бандитизм был стихийным проявлением этого недовольства. И потому то с переходом к новой экономической политике борьба с бандитизмом в сильной степени облегчилась, ибо НЭП вырывал всякую почву из-под ног «идеологов»» бандитского движения, уничтожая самые корни бандитизма. Контр-революция, разумеется, не отказалась от своего знамени, от своих попыток вернуть старое время, но... опираться ей было уже **не на что** и **не на кого.** Времена Антоновых, Вакулиных, Поповых безвозвратно отошли в область предания. Но вспомнить про них иногда не мешает, вспомнить годы наших побед и поражений, ошибок и исправления этих ошибок.

В. БАБУШКИН.

Памяти погибших бойцов Октября.

„Вы жертвою пали
в борьбе роковой".

ПЕТР АЛЕКСЕЕВ.

(1-й Комиссар печати. Убит 30 марта 1918 г.).

Петр Алексеев питерский рабочий. В Саратов он попал в 1916 г., как высланный из Петрограда. С ранней юности работал в подпольной организации Р. С. Д. Р. П. большевиков.

Этот молодой партиец был страстным энтузиастом - революционером.

В Саратове он принимал участие во всех работах партии. Смелый и решительный, он пренебрегал опасностями, грозящей кары жандармов, а почему и скоро попался.

В начале 1917 года он был схвачен, посажен в тюрьму, а потом отправлен в ссылку. Не доехав до места ссылки, он был освобожден Февральской революцией.

Несмотря на свои молодые годы, Петр успел побывать в нескольких тюрьмах, а потому парень был твердый, начитанный.

В товарищеской среде он был тихим и скромным, безукоризненная честность, отсутствие карьеризма, политическая чистоплотность делали его желанным в любой кампании...

Первым Исполнительным Комитетом большевистского Совета Алексеев был назначен комиссаром печати гор. Саратова.

Посланный в типографию Рабиновича для ее реквизиции он был убит ошалевшим от жадности хозяином. Убит подло. Рабинович подкрался сзади и выстрелом в голову повалил этого юного революционера.

Пете в то время было всего двадцать лет. Смерть его больно отозвалась в рядах товарищей, знавших его.

В его лице партия потеряла недюжинного борца-революционера, твердокаменного большевика.

Вечная память тебе дорогой друг и товарищ!

ТОВ. ПИЩИК.

(Участник Октябрьского переворота).

Веселый, жизнерадостный Пищик любил работать много и продуктивно.

Рабочие завода «Жесть» выдвинули тов. Пищика в члены Исполкома Совета, где его и застал Октябрьский переворот...

В тяжелую пору разрухи, голода и холода, когда каждому приходилось работать за десятерых, тов. Пищик окончательно подорвал свое здоровье и без того слабое...

В ту пору железной дисциплины, когда «я не могу» или «я не хочу» равнялось изменой и предательством партии и революции тов. Пищик работал начальником одного из штабов революционной милиции.

Людям, помнящим то время, понятна будет и работа милиции того периода. Чего-чего только не делала милиция... Например, сгонять граждан города чистить ж.-д. пути и т. д. или рыть окопы. Усмирять белые банды, а также принимать участие в боях наравне с Красной армией. Забирать спекулянтов и... рубить дрова в лесу...

Дрова городу нужны были, как бинт истекающему кровью... Дело важное ответственное, кого послать? Пищика.

И вот по пояс в снегу, в худых, рваных сапогах Пищик рубит дрова с отрядом. Без хлеба, сна и тепла. Его надорванный организм не выдержал и он свалился...

Пищик умер на фронте, где вел себя примерно и спасая революцию погиб сам...

Любитель пения, тов. Пищик был первым дирижером массового пения «Интернационала» в Саратове.

Каждое собрание заканчивалось пением «Интернационала». Тов. Пищик управлял тысячным хором, дирижируя и приучая к такту.

Грустно вспоминать о тов. Пищике, когда представляешь его изможденного голодом и работой в красном гробу...

Рано, рано свалился он!..

СЕРГЕЙ КОСОБОКОВ

(Участник Октябрьского переворота).

Слесарь ж.-д., старый партиец, человек безукоризненной честности и скромности, молчаливый, работоспособный. Таков был Сергей Кособоков.

Там, где получать, он сзади всех, там, где работать, он впереди...

Без возражений или нежелания, или даже критики он молча брал, что ему предлагали и молча делал.

— Раз нужно для революции, значит нечего рассуждать,—говорил он на вопрос кого-нибудь о его работе.

Активный работник—подпольный, он шел по пути революции ровно, спокойно. Так дошел до Октября, где он был членом первого Исполкома...

Сергей Кособоков помимо всех работ принимал так же участие в захвате ж.-д. управления и банка. Вспоминается старая картина 1917 г.

Сухая, снежная пыль мятет вдоль улицы. Сергей Кособоков со своим маленьким отрядом двинулся захватывать банки. Полы его пальто треплет ветер, сгорбленная фигура не похожа на вояку... Но он идет. Его послали. Сделали командиром.

Вечная память тебе дорогой друг и товарищ!

... В такой же хмурый, холодный день в 20 году мы его хоронили. Так же мел сухой противный ветер, сметая с мерзлых кочек снег и так же заворачивал ветер полы шинели.

Вечная память тебе, дорогой друг и товарищ!

ВАСИЛИЙ БУКИН

(Член Исполкома Октябрьского переворота).

Детство: малыш—сирота. Мыканье по чужим людям в поисках хлеба. Ученичество в мастерских хозяйчиков... Общая безотрадная картина всех детей мастеровых.

В 1914 году Вася Букин вступает в партию. Жадно хватается за книги. В обеденный перерыв, на работе, ночью с маленькой лампочкой Василий читает...

Мягкий по характеру, честный до щепетильности, упорный в борьбе, дисциплинированный, Букин был постоянным большевиком...

С 1914 г. Букин работал слесарем в ж.-д. мастерских в вагонном цехе.

Принимая активное участие в работе партии, Букин был всегда впереди и не гнушался никакой черной работой.

Прямолинейный и чуткий, Букин всегда ставил вопрос ребром. Так же он поставил вопрос и тогда, когда Советская Республика очутилась в опасности, когда старая армия разложилась, а новой не было, а когда стали ее сколачивать, то оказалась нехватка своих командиров. Букин поставил вопрос ребром «нужны командиры, нужно мне итти»... и пошел.

В три месяца окончил военную школу и с полученным военным знанием пошел бить белых...

Отправившись на подавление белых с отрядом, Букин блестяще их разбил, но тиф косил его бойцов хуже пулеметов.

Чуткая натура Букина не могла равнодушно смотреть, как гибнет его отряд, он день и ночь возился сам с тифозными товарищами, заразился и молча без жалоб и стонов умер на Балашовских путях в товарном вагоне, холодном, с надписью: «40 человек и 8 лошадей»...

Это было в 1920 году.

ВАДИМ РОМАНЕНКО.

Вадю Романенко революция застала на гимназической скамье. В бурные дни Октября он пришел в партию и принял активное участие в ее работе.

Этот мальчик горел огнем революции, его почти детская прямота, энтузиазм не позволили ему в эти дни долбить учебники. Он взял винтовку и пошел на фронт.

Этот мальчик-революционер бросил мечту о своем образовании, пошел на курсы Красных командиров. Кончил их и отправился на южный фронт командиром отряда.

В неравном бою отряд был прижат к речке. Спасения нет.

Не желая позорной сдачи и видя, как истребляют его отряд, он застрелился на глазах у врагов, доказав врагам рабочего класса, как за идею умеют умирать коммунисты.

Жизнь и смерть этого мальчика-революционера должны служить примером для нашей современной молодежи, еще не нюхавшей пороха.

Так умирают только те, кто со своей юношеской пылкостью любили революцию и рабочий класс.

«Честь мундира» красного командира-коммуниста первого выпуска саратовской школы курсов, была с честью защищена. Победа или смерть, но не издевательство золотопогонной сволочи над Красной звездой.

ТОВ. ЕГОРОВ.

(Участник Октябрьского переворота 1917 года).

С длинными седыми усами, плотный, коренастый, с серыми добрыми глазами, вечный шутник и добродушный остряк, таков был мельничный рабочий тов. Егоров.

В работе тов. Егоров всегда был впереди. Какие бы невзгоды и тяжести не ложились на него, он всегда улыбался и шутил.

С раннего детства запрягся тов. Егоров в капиталистическое ярмо, какие только невзгоды он не переживал, но бодрый дух его никогда не покидал.

Старый подпольщик, активный работник, чуткий и внимательный, он умел подходить и к рабочим и к своим партийным товарищам...

В тяжелые дни контр-революции, когда Советская власть трещала по всем швам, разрываемая белыми бандитами, многие из молодых впадали в пессимизм и неверие, но появляется «старик»—Егоров и от пессимизма не остается и следа.

Он был мягок, умел щадить чужое самолюбие и за это был всеми любим и уважаем, а молодежь была в него поголовно вся влюблена.

Работая сутками, без еды, без отдыха, тов. Егоров медленно сгорел на огне революции. Доброе сердце милого «старика» не выдержало и остановилось. 23 год унес от нас старого, преданного борца...

ТОВ. МИЗЕРКЕВИЧ.

(Участник Октябрьского переворота).

Поляк по национальности, металлист по профессии, революционер по духу. Таков был тов. **Я. Я. Мизеркевич.**

Быстрый в движении и мысли, он буквално кипел в партийном котле. Не было ни одного собрания, митинга, сходки, где бы не присутствовал Мизеркевич.

Я. Я. принимал активное участие в подготовке Октября, а также и в самой Октябрьской схватке.

В июне—июле Мизеркевич на выборах проходит в городскую думу гласным-большевиком.

После переворота в Саратове, партия его посылает в Совет городских комиссаров, где он и работал до своего от'езда из Саратова.

Мечтая о мировой революции, Мизеркевич никак не мог примириться с мыслью, что темп революционной волны в Европе несколько ослабел....

Ему хотелось скорее увидеть Советы рабочих депутатов и у себя на родине в Польше. И вот Мизеркевич уезжает в Польшу строить Со-

веты, но не суждено было сбыться его желаниям пойманный на работе в подпольной организации, он был зверски расстрелян белыми палачами.

ТОВ. ЦЫРКИН.

(Секретарь Губисполкома. Убит 17 марта 1918 года).

В то время интеллигенции среди нас было очень мало, 2—3 студента, 3—4 гимназистки, полтора офицера, вот и вся интеллигенция.

Вскоре после переворота явился в Исполком тов. Цыркин. А грамотные люди тогда нужны были до зарезу, ибо некогда и некому. И Цыркин явился, как раз во-время, ему-то мы и поручили всю канцелярию Губисполкома.

В то время рабочий день в Исполкоме был ровно 24 часа в сутки. Цыркин работал день и ночь и, право, удивляешься, когда он ел, пил и спал.

Мягкий, отзывчивый, он был любимцем всех работников Исполкома. Как он не устал, как бы он не был занят, он никогда на вопрос, на просьбу не огрызался, а всегда мягко и деловито об'яснял и успокаивал нервничавших.

Рука мерзавца прекратила жизнь этого труженика для революции.

Во время шествия в первую годовщину Февральской революции, шедшей с Театральной площади к Исполкому, демонстрация была обстреляна из окон и крыш белогвардейцами. В рядах произошла заминка, примкнувшая к демонстрации публика подняла панику. Открылась беспорядочная стрельба и неразбериха. Кто в кого стреляет? Желая спастись от перекрестного огня, Цыркин забежал во двор, где и был убит выстрелом в висок на-повал...

АНДРЕЙ АГЕЕВ.

(Участник Октябрьского переворота).

Сын рабочего, Андрей Агеев, будучи молодым слесарем, начал работать в партии С.-Д. большевиков.

В бурные годы первой революции Андрей получил первое боевое крещение... За ряд выступлений, он был схвачен жандармами и посажен в тюрьму. Это было в 1906 году.

Просидев год в тюрьме, Андрей был отправлен в Сибирь в ссылку...

В ссылке Андрей не мог сидеть сложа руки, его горячий темперамент звал его на борьбу с царизмом, и вот из глухой Сибирской тайги бежит Агеев, чтобы снова встать в ряды борющегося пролетариата...

С большими трудностями Андрей добрался до Саратова и снова закипела его бурная натура на работе в партии.

В Саратове, ему не долго пришлось работать, провокация раз'едала партию, Андрей снова схвачен и теперь уже в совокупности с побегом из ссылки, получает три года каторги.

Отбыв каторгу, Андрей до 1917 года томился в ссылке в Якутской области.

Революция 1917 года освободила его из плена жандармов и Андрей прилетел в Саратов.

По приезде в Саратов, Андрей бурно отдается работе. Маленькая кучка, тогда, большевиков, затравленная со всех сторон, отчаянно отбивалась от наседавшей со всех сторон контр-революции и лучшим бойцом ее был Андрей Агеев.

Агеев был и воин, и агитатор, и рабочий... При захвате ж.-д. управления Андрей был руководителем железнодорожников.

Работа по 20 часов в сутки, ссылки, тюрьмы и каторга сильно подорвали его здоровье и, несмотря на это, он первый откликнулся на призыв Центрального Комитета для поездки в Якутск.

И вот снова едет Андрей в ненавистную ему Сибирь, в Якутск, где пропали его лучшие годы.

Осенью 1922 года, я его встретил в Москве на Саратовском вокзале. Та же обмызганная солдатская шинелишка, что и в 17 году, та же рваная шапченка, но Андрей уже не тот. Полтора года работы в Сибири погубили его окончательно.

С желтым лицом, худой, сгорбленный, но блестящими лихорадочно глазами, он производил тяжелое впечатление.

Покурили, поговорили и разошлись... Чтобы больше никогда не увидеться...

21 апреля 23 года Андрей умер в Ялте, умер одиноко, без близких...

Вечная слава мученику-герою!

Т. ТАТЬЯНА ТОРГАШЕВА.

1875 г.—1919 г.

Тов. Торгашева родилась в семье бедняка - крестьянина. Лишь благодаря большой настойчивости, ей удалось окончить двухклассное училище, а затем добиться звания учительницы.

Принимая участие в революционной работе с 1903 года, тов. Торгашева распространяла идеи освободительного движения в тех селах, где учительствовала.

В 1906 году она активно участвовала в вооруженном восстании в Камышине, за что была арестована и предана суду.

Несмотря на оправдательный приговор суда, работу получить в Саратовской губернии т. Торгашева не смогла. Стремясь продолжать образование, тов. Торгашева поступает в Харьковский университет, где не особенно строго требовалась политическая благонадежность. По окончании университета, тов. Торгашева работать врачем не захотела, и поступила на высшие женские педагогические курсы, где ее и застала революция 1917 года.

Тов. Т. Торгашева повешана Деникинскими частями в Камышине 6 августа ст. стиля 1919 года. (Снимок в молодости).

Приехав в Камышин тов. Торгашева целиком отдается работе среди женщин. Несмотря на трудности, она эту работу ведет успешно и посы-

лается на I Крестьянский С'езд, где избирается в состав уисполкома, который выделяет ее комиссаром просвещения. Контр-революционное учительство не любило тов. Торгашеву—стойкого, проводника всех мероприятий Советской власти. В 1919 году Камышин занимается Деникиным. По доносам белогвардейского учительства, тов. Торгашева была арестована и, при отступлении Деникина, им повешена.

Так окончилась жизнь передовой женщины—тов. Торгашевой, все силы и знания отдавшей революционной борьбе.

Штаб революционных сил гор. Саратова.

Зд. 6. дома Губернатора, в котором помещался С. Р. С. и Д. в 1917 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Цена 45 коп.

